МВД России
Санкт-Петербургский университет

Ф. Ю. Васильев

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Монография

Санкт-Петербург
2023

План-график 2023, поз. 89

УДК 343.11
ББК 67.410.2
В19

Васильев Ф. Ю.

В19 Теоретические и практические проблемы применения принципов уголовного судопроизводства : [монография] / Ф. Ю. Васильев ; Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург : СПбУ МВД России, 2023. – 160 с. : таб. ; 21 см. – 100 экз.

ISBN 978-5-91837-736-9
EDN KMIJWZ

Монография посвящена теоретическим и практическим проблемам применения принципов уголовного судопроизводства. Исследованы как теоретические аспекты, составляющие сущность принципов российского уголовного судопроизводства, так и практические аспекты их нормативного закрепления и реализации при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Проанализированы правовые позиции Европейского Суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации, Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, затрагивающие порядок применения принципов в уголовном процессе России. Предлагаются направления оптимизации уголовно-процессуального законодательства, устранение пробелов в уголовно-процессуальном праве, альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов.

Издание предназначено для научно-педагогических работников, курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования системы МВД России.

УДК 343.11
ББК 67.410.2

Рецензенты:
Рудов Д. Н., кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилин);
Гарусов А.В., кандидат юридических наук
(ГСУ ГУ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области)

© Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023

ISBN 978-5-91837-736-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4
Глава 1. Источники принципов уголовного процесса 6
1.1. Международное право, как источник принципов уголовного процесса 6
1.2. Национальное законодательство как источник принципов уголовного процесса 43
Глава 2. Систематизация принципов уголовного процесса 52
2.1. Формально-юридический подход 52
2.2. Типологический подход 60
2.3. Диалектический подход 74
Глава 3. Проблемы реализации принципов уголовного процесса 85
3.1. Дефицит концепций 85
3.2. Упадок нормотворчества 95
3.3. Дестабилизация правоприменения 102
Заключение 140
Приложение 143
Список использованной литературы 149

ВВЕДЕНИЕ

Принципы уголовного процесса характеризуют сущность и содержание права, отражают его внутреннее строение и качественные свойства, выступают в виде исходной базисной конструкции, являющейся фундаментом всего уголовного процесса. Через принципы уголовного судопроизводства проявляется тип государственного устройства и общества, характер политического и государственного режима, главенствующего в стране. Поэтому на принципах уголовного судопроизводства строится вся система правовых норм и институтов.

Сформулированные в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации[1] (далее — УПК РФ) принципы представляют конкретизацию положений Конституции Российской Федерации[2] применительно к уголовному процессу. Значимость принципов как норм руководящего и основополагающего вида определяет их императивный и обязательный характер по отношению ко всем стадиям и институтам уголовного процесса. Важная роль в системе этих принципов принадлежит демократическим положениям, направленным на обеспечение, защиту и охрану прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства, не наделенных властными полномочиями при производстве по уголовному делу.

Государство в лице компетентных органов обязано бороться с любыми проявлениями преступности, используя при этом широкие правомочия по применению мер принудительного воздействия. С другой стороны, на граждан, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения, должны в полной мере распространяться конституционные положения, гарантирующие нерушимость их прав и свобод.

Вместе с тем в настоящее время отечественное законодательство не в полной мере отвечает современным реалиям развития уголовно-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Конституция Российской Федерации 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

процессуального права в Российской Федерации. Нормы, выражающие содержание системы принципов уголовного процесса, рассредоточены в различных правовых актах, поэтому в большинстве случаев определять сущность и назначение того или иного принципа приходится исключительно посредством логического толкования предписаний различной юридической силы. Отдельные принципы регулируют отдельные части, стадии уголовного судопроизводства, а не весь уголовный процесс, что, исходя из общей теории права, является неверным. Общее количество правил — принципов уголовного судопроизводства является избыточным, отдельные нормы уголовного процесса разбросаны в различных статьях главы второй УПК РФ, посвященной принципам уголовного судопроизводства.

Это затрудняет выявление сущности и порядка взаимодействия принципов в рамках их единой системы, что, в свою очередь, не позволяет создать целостную теоретическую модель реализации процессуальных основ при производстве по уголовным делам. Не все участники уголовного судопроизводства в полной мере защищены нормами принципов уголовного судопроизводства.

Так, например, потерпевшему не гарантируется полное соблюдение его прав, отражение в материалах уголовного дела его позиции и законных требований, а также их исполнение во многом зависит от усмотрения должностных лиц.

Данная ситуация, кроме других причин, существовала и продолжает иметь место ввиду нечеткого определения понятия, правовой природы и критериев уголовно-процессуальных начал, отсутствия в УПК сформулированных в виде норм предписаний системы принципов судопроизводства, а также наличия в тексте Кодекса норм, содержание которых до настоящего времени не отвечает современным международным и конституционным стандартам.

Все эти обстоятельства послужили побуждением к написанию данной монографии. В работе автором исследовались исторические предпосылки формирования и развития принципов уголовного судопроизводства, различные подходы к исследованию принципов уголовного процесса, а также представлен взгляд автора на возможные пути решения проблем уголовного судопроизводства применительно к модернизации принципов уголовного судопроизводства.

ГЛАВА 1
ИСТОЧНИКИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

1.1. Международное право, как источник принципов уголовного процесса

Принципы уголовного процесса в зарубежных странах Западной Европы, несмотря на различие в национальных моделях, имеют много общего. Это обусловлено не только становлением и развитием западноевропейских государств в один исторический период времени, но и неоднократными попытками объединить страны, входящие в Западную Европу, в единое правовое пространство. Основной тенденцией развития западных моделей уголовного судопроизводства, движущей силой этого процесса является их конвергенция (от лат. *Convergo* — «сближаю») на уровне уголовно-процессуальной идеологии.

Первые попытки унификации и кодификации права в Старом Свете были осуществлены еще во времена Римской империи в результате насаждения римского права на завоёванных римлянами землях. Таким образом, римское право распространилось на завоёванных землях, которые позднее стали суверенными государствами. После распада Римской империи продолжающийся интерес к римскому праву обуславливался, прежде всего, сугубо практическими обстоятельствами. Как только промышленность и торговля активизировали хозяйственную деятельность, развили дальше частную собственность и имущественный оборот, было восстановлено и вновь получило силу авторитета тщательно разработанное римское частное право. С другой стороны, потребности развития феодальной государственности обусловили тот факт, что в некоторых отношениях рецепции (лат. *receptio* — принятие) подверглось и публичное право Древнего Рима.

Римское право на нескольких принципах, из которых важнейшими были принцип развития и принцип свободы.

Под принципом развития римские юристы понимали определенный баланс интересов между государством и гражданином.

При этом приоритет отдавался интересам гражданина, то есть государство должно было в своей правотворческой деятельности учитывать интересы граждан. В результате юридической деятельности появился прецедент (от лат. *praecedens* — «предшествующий») — реакция на применение правовых норм в зависимости от правовых ситуаций — казуса (лат. *casus* – случай), который возникал в жизни римского гражданина.

Таким образом, толкование права в интересах римского гражданина стало движущей силой для принятия справедливого и честного решения в интересах граждан.

Принцип свободы означал, что римские граждане были свободны в своих желаниях и поступках в пределах правовых норм и традиций, установленных законами Рима. Таким образом, римские юристы, римские юристы разделяли социальную полезность свободы личности и проявление эгоистических, антисоциальных проявлений. Любое отступление от общепринятых норм или нарушение установленных римскими властями законов расценивалось как преступление и наказывалось законами Рима.

Великобритания и Уэльс

Важным этапом в развитии юридической мысли стало изменение государственного устройства Великобритании в XIII веке — ограничение абсолютной королевской власти. В 1215 году военные поражения, территориальные потери и недовольство знати заставили короля Иоанна Безземельного пойти на соглашение с подданными, которое получило название «Великой хартии вольности» (лат. *Magna Charta Libertatum* — большой документ свободы). Данным законом реформировалось, в том числе, и уголовное судопроизводство. Были закреплены принципы уголовного судопроизводства: независимость суда, рассмотрение уголовных дел судом присяжных, состязательность при рассмотрении уголовных споров. Позднее в 1679 году Парламентом Англии был принят законодательный акт, развивающий идеи Великой хартии вольности — Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями (англ. закон о Хабеас корпус, от лат. *habeas corpus* (от *habēre* — «иметь»

и *corpus* — «тело»). Согласно этому закону как принцип уголовного судопроизводства внедрялась невозможность произвольного ареста. Суд, при поступлении жалобы арестованного, считающего арест полицией незаконным, должен проверить законность ареста. Так же лицо, незаконно подвергнутое уголовному преследованию и аресту, могло требовать компенсации в денежном выражении. Несмотря на определенные ограничения в применении (например, он не применялся в делах о государственных преступлениях, применялся по усмотрению судьи) данный закон и процессуальное законодательство Англии Нового времени в целом стали шагом вперед в развитии юридической мысли в области уголовного судопроизводства. Таким образом, основные принципы уголовного процесса Великобритании были заложены в период нового времени.

Важной особенностью формирования принципов уголовного судопроизводства в Великобритании является то, что английскими законодателями не было создано единого законодательного акта, касающегося уголовного процесса, по образцу законодательства стран континентальной Европы. Но сказанное не означает, что базовые принципы уголовного процесса не действуют на территории Великобритании.

В настоящее время положения уголовного судопроизводства в Великобритании представлены следующими принципами уголовного судопроизводства[1].

Принцип состязательности сторон (*adversarial nature of the parties*) считается основным принципом уголовного процесса, при котором бремя доказывания ложится на стороны в процессе; для этого они собирают доказательства и предоставляют суду присяжных. Функция суда присяжных сводит к оценке убедительности собранных доказательств.

Принцип верховенства права (*rule of law*) тесно связан с принципом состязательности сторон. Суть данного принципа заключается в том, что в уголовном судопроизводстве Великобритании полиция, сторона обвинения, суд имеют право проводить только те действия, принимать те процессуальные решения, которые предусмотрены законом.

[1] Heavens L. Calvert’s Power of Arrest and Charges. Butterworth; London.1995. C. 115–119.

С принципом состязательности сторон связан принцип презумпции невиновности (*presumption of innocence*). Согласно данному принципу, сторона обвинения в уголовном судопроизводстве в ходе судебного рассмотрения уголовного дела должна убедить суд присяжных в виновности подсудимого в инкриминируемом ему преступлении. Важной особенностью уголовного судопроизводства в Великобритании является то, что выдвижение обвинения стороной обвинения возможно только в том случае, если имеется реальная перспектива привлечения виновного к уголовной ответственности. Если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что доказательств для поддержания обвинения недостаточно, то государственный обвинитель обязан отказаться от поддержания государственного обвинения по делу. Вынесение судом присяжных оправдательного вердикта влечет прекращение уголовного дела, обжалованию вердикт присяжных не подлежит.

Следующим принципом уголовного судопроизводства в Великобритании является принцип вынесения подобных решений в подобных делах (*the principle of making such decisions in such cases*). Суть данного принципа заключается в том, что суды при вынесении судебных решений обязаны ориентироваться на вынесенные подобные решения — прецеденты (лат. *Praecedens* — случай, событие) и руководствоваться ими в принятии решений.

Основным принципом уголовного процесса в Великобритании является право на защиту(*right to protection*). Несмотря на фундаментальное значение данного принципа уголовного судопроизводства для состязательного процесса в уголовном судопроизводстве Великобритании, данный принцип применяется с определенными ограничениями.

В соответствии с данным принципом уголовного судопроизводства задержанный, подозреваемый имеет право защищаться от выдвинутого подозрения или обвинения любыми способами, не запрещенными в законе. Он вправе пользоваться услугами защитника (*solicitor*) в любое время и в любом объеме. Ограничениями права на оказание бесплатной юридической помощи является возможность её оказания только при подозрении или обвинении в тяжком преступлении.

В остальных случаях оказание юридической помощи ограничивается консультацией по телефону. Так же ограничением права на защиту является возможность «засекретить» факт задержания подозреваемого, предоставленная чиновникам полиции, занимающим высокие должности в структуре правоохранительных органов, тем самым право подозреваемого на защитника ограничивается, даже если он подозревается в совершении тяжкого преступления.

Определенной привилегией обвиняемого является право на отказ от дачи показаний, право на молчание (*the right to silence*), которое логично вытекает из принципа презумпции невиновности. Однако рядом законов Великобритании определено, что обвиняемый во время полицейского дознания или судебного разбирательства в суде присяжных не вправе без уважительной мотивации отказываться от дачи показаний, так это может быть расценено судом, как виновность лица и уклонение от правосудия.

Также принципом уголовного процесса Великобритании является право сторон в уголовном деле на справедливое рассмотрение уголовного дела в разумный срок (*a reasonable period of legal proceedings*) суть которого заключается в недопустимости необоснованных задержки при рассмотрении уголовных дел.

Франция

Следующей попыткой кодификации законодательства явились реформы права периода наполеоновских войн. Большое влияние на развитие юриспруденции на европейском континенте оказал уголовно-процессуальный кодекс (далее — УПК) Франции 1808 года, многое заимствовавший из английского состязательного процесса. Основными принципами нового уголовного процесса были: состязательность, равенство возможностей сторон, право на защиту, законность судебных процедур, запрет пыток.

Под состязательностью французские юристы понимали судебное разбирательство, в котором разделены функции обвинения и суда, поскольку, как показала история, совмещение этих функций с учетом особенностей человеческой психики чревато необъективностью. Для континентальной трактовки принципа состязательности

характерна активная роль суда как органа, обязанного приложить все усилия к установлению истины в ходе процесса.

Под правом на защиту понималась возможность защищаться от выдвинутого обвинения самостоятельно или при помощи защитника (адвоката) с момента предъявления обвинения следственным судьей.

Законность предполагала наличие различных гарантий, таких как: соблюдение права на защиту, обеспечение гарантий, что судопроизводство будет проводиться на принципах равенства, соблюдения права на защиту, гарантии прав потерпевших.

Важную роль играл принцип, запрещающий добывать доказательства для судебного разбирательства путем насилия (пыток) несмотря на то, что он носил скорее декларативный характер. Однако само по себе обнародование данного принципа позволило в дальнейшем совершенствовать принципы уголовного судопроизводства УПК Франции.

В настоящее время принципы уголовного судопроизводства Французской республики отражены в Конституции и УПК Франции.

В Конституции Французской Республики[1] (*Constitution française*) применительно к уголовному судопроизводству нами были выявлены следующие принципы.

Равенство перед законом, судебная защита в уголовном судопроизводстве, судьи несменяемы (ст. 2, 62, 64 Конституции Французской Республики), граждане должны подчиняться законным требованиям представителей государственной власти при осуществлении уголовного судопроизводства (ст. 7 Декларации прав человека и гражданина 1789 г.) Лицо признается виновным в совершении преступления на основании судебного решения (ст. 9 Декларации прав человека и гражданина 1789 г.)

Принципы уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальном кодексе Французской Республики[2] представлены следующими положениями.

---

[1] Конституция Французской Республики. 1958 (составной частью конституции является Декларация прав человека и гражданина 1789 г.). URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата обращения: 20.12.2022).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Французской Республики = Code de procédure pénale". URL: https://www.legifrance.gouv.fr (дата обращения: 20.12.2022).

Уголовный процесс должен быть построен на состязательных началах (*contradictoire*) и должен обеспечивать разумный баланс интересов и прав участников (сторон) уголовного процесса.

Важным принципом уголовного процесса Французской Республики является обеспечение прав потерпевших от преступлений. Суд при рассмотрении уголовного дела должны создавать условия для реализации законных прав пострадавшими от преступления.

Презумпция невиновности как принцип уголовного судопроизводства во Франции предполагает, что человек, обвиненный в совершении преступления, считается невиновным до того момента, пока его вина в совершении инкриминируемого преступления не будет установлена приговором суда.

Исключением из данного правила являются упрошенные виды уголовных судопроизводств, предполагающие ускоренную процедуру рассмотрения уголовного дела.

Также важным принципом согласно УПК Французской Республики, является рассмотрение уголовного дела в разумный срок.

Принцип соблюдения прав человека и его достоинства в уголовном судопроизводстве реализуется путем избирательного подхода к избранию мер пресечения в отношении подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений.

Австрийская республика

После поражения Австрийской империи в войне с Пруссией в 1848–1849 гг. на территории Австрии было создано новое государство — Австро-Венгерская Империя. Его уголовно-процессуальное законодательство было в значительной мере заимствовано у Франции и закреплено в УПК Австро-Венгерской империи 1850 года. В 1853 году тип уголовного судопроизводства был изменен с инквизиторского на состязательный тип уголовного процесса. В 1873 году в Австро-Венгерской империи был принят новый уголовно-процессуальный кодекс (*Strafprozesordnung*), данный кодекс действует и в настоящее время в Австрийской республике, конечно, с учетом внесенных в него дополнений и изменений. Важнейшим источником уголовно-

процессуального права, помимо УПК, является Конституция Австрийской республики 1920 года[1].

Особенностями конституционного права Австрийской Республики применительно к реализации принципов уголовного судопроизводства являются следующие особенности.

По мнению законодателей Австрийской Республики, итоговое решение по уголовному делу не является исключительной прерогативой суда, как это отражено, например, в Конституции Российской Федерации (ст. 49). Конституция Австрийской Республики допускает возможность привлечения к уголовной ответственности за незначительные преступления на основании решения чиновника Министерства юстиции, и только в случае назначения наказания в виде лишения свободы решение об этом должно приниматься только судом (ст. 87).

В уголовном судопроизводстве действуют принципы обвинительного процесса (ст. 90 Конституции Австрийской Республики).

Конституцией Австрийской Республики предусмотрена одна возможность отстранения судьи от должности — вынесения судебного решения (ст. 88). Тем самым, по нашему мнению, конституционный принцип независимости судей в Австрийской республике реализован лучше, чем аналогичный принцип в Российской Федерации (ст. 8 УПК РФ), поскольку позволяет в полной мере защищать судей от произвола чиновников.

Принципы уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальном кодексе Австрийской Республики представлены следующими положениями[2].

Принцип официальности (*Offizialplinzip*) определяет, что право уголовного преследования предоставлено специальному органу, осуществляющему уголовное преследование — прокуратуре. Если прокурор, органы прокуратуры отказываются от уголовного преследования, это не означает прекращение уголовного дела или уголовного преследования, как предусмотрено в уголовном судопроизводстве

---

[1] См.: Австрийская республика. Конституция и иные законодательные акты. / Пер. с нем. яз.; Моршакова Т. Г.,Барабашев Г. В. [и др.]. Москва, 1985. С. 429.

[2] См.: Бутов В. Н. Уголовный процесс Австрии. Красноярск.1988. С. 6–13.

Российской Федерации (ст. 254 УПК РФ). Представитель государственного обвинения, по просьбе потерпевшего, продолжает поддерживать обвинение в целях оказания помощи пострадавшему от преступления (§ 3 УПК Австрийской Республики).

Принцип законности и пропорциональности (*Gezetz und Verhaltnismasigkeit*) предполагает возможность устанавливать при рассмотрении уголовного дела только те обстоятельства, которые необходимо установить, исходя из тяжести выдвинутого обвинения. При расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела должны приниматься те ограничительные меры, которые в меньшей степени ограничивают права участников судебного разбирательства (§ 5 УПК Австрийской Республики). Рассмотрение уголовного дела должно быть закончено в разумные сроки, этому постулату посвящен принцип ускорения судопроизводства (*Beschleunigungsgebot*). Дело должно рассматриваться в разумные сроки, причем если обвиняемый содержится под стражей, то правило об ускорении судопроизводства должно соблюдаться более тщательно (§ 9 УПК Австрийской Республики).

Важным принципом уголовного судопроизводства Австрийской Республики является презумпция невиновности (*Unschuldsvermutung*). В соответствии с данным принципом обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, сомнения в его виновности должны судом толковаться в его пользу. Бремя доказывания вины обвиняемого в совершении преступления ложится на представителей государственного обвинения — органы прокуратуры. Обвиняемый не обязан свидетельствовать против самого себя, однако если он умышленно, вопреки установленным обстоятельствам будет обвинять другого человека, то правила о презумпции невиновности в этом случае не применяются (§ 8, 245 УПК Австрийской Республики).

Принцип разрешения преюдиционных вопросов (*Vorfragen*) предписывает суду рассматривать и разрешать при рассмотрении уголовного судопроизводства не только вопросы уголовно-правового порядка, но и гражданско-правовые, административно-правовые вопросы, возникающие в ходе рассмотрения уголовного дела (§ 15 УПК Австрийской Республики).

Швейцарская конфедерация

Как на уголовное судопроизводство Австрии, так и на уголовно-процессуальное право Швейцарии большое влияние оказало законодательство Французской Республики. В 1798 году территория Швейцарии во время Наполеоновских войн была оккупирована Францией. Следствием этого конституции и другие законы Швейцарии были заимствованные из правовой системы Франции. В 1803 году на основании «Акта посредничества» Швейцария стала независимой. В 1874 году в Швейцарской конфедерации была принята конституция (*Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft*), которая действует до настоящего времени (с учетом внесенных изменений 1999 года)[1].

Конституционными нормами Швейцарии, имеющими отношение к уголовному судопроизводству, является следующие законоположения.

Уголовное судопроизводство должно осуществляться в течение соразмерного, разумного срока добросовестный заявитель, заявивший в суд о защите своих прав и интересов, имеет право на бесплатную юридическую помощь и сопровождение дела (ст. 29 Конституции Швейцарской Конфедерации). Конституцией закреплена обязанность государства (кантонов) защищать пострадавших от преступлений, оказывать им помощь и соразмерное возмещение вреда от преступления (ст. 124).

Помимо Конституции важнейшим источником уголовного судопроизводства в Швейцарской Конфедерации является УПК, принятый в 2007 году (*Schweizerische Strafprozessordnung*)[2]. Принципы уголовно-процессуального законодательства в Швейцарской Конфедерации представлены следующими положениями.

Принцип законности (*Gesetzmasigkeit*) представлен законодателями Швейцарской Конфедерации положением о том, что основой и пределом применения силы в уголовном судопроизводстве государственными органами является право (ст. 2).

---

[1] Конституция Швейцарской Конфедерации = Swiss Federal Constitution. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Swiss_Federal_Constitution (дата обращения: 20.12.2022).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарской Конфедерации. URL: https://www.zh.ch/de/direktion-der-justiz-und-des-innern/kantonale-opferhilfestelle.html (дата обращения: 16.12.2022).

Принцип уважения чести и достоинства (*Achtung der Menschenwürde und Fairnessgebot*) реализуется в требовании, что все участники уголовного судопроизводства имеют право на уважительное отношение, законодателем запрещено собирать доказательства способами, унижающими человеческое достоинство (ст.3).

Отдельные нормы, внедренные в Конституцию Швейцарской Конфедерации, позволяют, во всяком случае, на законодательном уровне, решить проблему злоупотреблений при осуществлении уголовного судопроизводства отдельными участниками уголовного процесса.

Принципом запрета злоупотребления правом определено (*Rechtsmissbrauchverbot*), что не только государственные органы, но и частные лица должны действовать добросовестно (ст. 5 Конституции Швейцарской Конфедерации). Запрет на злоупотребление правом находит свое выражение, например, в том, что орган, осуществляющий расследование по уголовному делу, обязан пресекать злоупотребление правом одной из сторон в форме умышленного затягивания времени ознакомления с материалами уголовного дела (ст. 102 УПК Швейцарской Конфедерации). К другим формам злоупотребления правом законодатель Швейцарии относит неясные, путаные ходатайства; злоупотребление обвиняемым общением со своим защитником и т. д. (ст.102, 107, 110, 235, 398 УПК Швейцарской Конфедерации). В отличие от российского законодателя, где в части злоупотребления правом государственные органы по отношению к стороне защиты поставлены в заведомо неравное положение (ст. 7, 14, 16 УПК РФ), законодатели Швейцарии на законодательном уровне смогли приблизиться к решению этой правовой проблемы.

Принцип независимости (*Unabhängigkeit*) швейцарские законодатели распространяют не только на судебную систему, т. е. на судей, как это определено в уголовном судопроизводстве Российской Федерации (ст. 8, 8^{1} УПК РФ), но и на все государственные органы, осуществляющие расследование по уголовному делу, или участвующие в расследовании по уголовному делу (прокуратура, государственные экспертные учреждения и другие органы юстиции участвующие в уголовном судопроизводстве).

Оперативности рассмотрения уголовных дел в судах посвящен принцип требования ускорения (*Beschleunigungsgebot*), согласно которому суды при рассмотрении уголовного дела должны принимать дело к своему производству и оперативно рассматривать его (ст. 5). Разумным срокам уголовного судопроизводства посвящены ряд статей УПК Швейцарской Конфедерации (ст. 112, 149). По мнению швейцарских юристов, затягивание производства по уголовному делу равносильно отказу в правосудии. Одним из решений для оперативного рассмотрения уголовных дел в судах Швейцарии является первоочередной характер рассмотрения уголовных дел, по которым обвиняемый содержится под стражей (ст. 5).

Важным принципом уголовного судопроизводства Швейцарии является следственное начало (*Untersuchungsgrundsatz*), согласно которому на правоохранительные органы, на суд возлагается обязанность в силу закона *ex officio* установить все фактические обстоятельства, имеющие значение для правильной квалификации преступления и разрешения уголовного дела. Следственное начало проявляется в том, что суд является активным участником уголовного судопроизводства, участвует в сборе доказательств по делу. В досудебных стадиях полиция и прокуратура аккумулируют в себе одновременно функцию обвинения и защиты. Установление всех обстоятельств по уголовному делу, по мнению швейцарских законодателей, является важнейшей целью органов уголовного преследования и суда (ст. 6, 139 УПК Швейцарской Конфедерации).

Уголовно-процессуальный принцип обвинения (*Anklagegrundsatz*) определяет, что уголовное дело может быть предметом судебного разбирательства только в случае, если прокуратура выдвинула в отношении обвиняемого официальное обвинение. Данный принцип должен обеспечивать в рассматриваемом судом уголовном деле распределение ролей (*Rollentrennung*) — когда преступление было совершено обвиняемым в соучастии с другими лицами; должны быть определены границы выдвинутого обвинения (*Umgrenzung*) — время, место и т. д. Обвинение, которое было выдвинуто прокуратурой, как органом уголовного преследования, не может быть произвольно

изменено (*Fixierung*), а выдвинутое органом уголовного преследования обвинение должно быть доведено до сведения обвиняемого (*Informirung*), так как обвиняемый должен знать, в чем он обвиняется и подготовиться к защите в ходе судебного разбирательства (ст. 9 УПК Швейцарской Конфедерации).

Применение принципа презумпции невиновности (*Unschuldsvermutung*), о том, что любое лицо должно до приговора суда считаться невиновным, аналогично в уголовном судопроизводстве Российской Федерации (ст. 14 УПК РФ) и Швейцарской Конфедерации (ст. 10 УПК Швейцарской Конфедерации), за исключением одной особенности. Данный принцип не применяется в упрощенных уголовных судопроизводствах (издание приказа о наказании, рассмотрение дел о проступках и т. д.), так как в данном случае презюмируется, с учетом соответствующей позиции обвиняемого (ст. 236, 352 УПК Швейцарской Конфедерации).

Согласно принципу свободы оценки доказательств (*Beweiswurdigung*) суд оценивает доказательства о виновности или невиновности в соответствии с внутренним убеждением (ст. 10 УПК Швейцарской Конфедерации). Это проявляется в том, что ни у одной стороны в уголовном судопроизводстве Швейцарии нет исчерпывающего перечня сведений, могущих быть доказательствами по рассматриваемому уголовному делу, оценка этих доказательств свободна от каких-либо законодательных предписаний.

Германия

УПК Наполеона 1808 года оказал большое влияние на развитие юридической мысли в области принципов уголовного судопроизводства в странах, вновь получивших суверенитет после поражения Наполеона. В 1871 году 34 германских государства объединяются в Германскую Империю. Принятый в 1877 году УПК Германской Империи (нем. *Strafprozessordnung* — Положение об уголовном процессе) имел значительные отличия от УПК Наполеона 1808 года. Так, германский законодатель, разрабатывая новые правила уголовного судопроизводства с учетом задач объединения страны, первоначально закрепил в законе, в отличие от французской модели уголовного

судопроизводства, определенное ограничение прав таких участников как подозреваемый, обвиняемый, защитник.

Особенностью уголовного судопроизводства Германии является значительная самостоятельность судьи в процессе, особенно при ускоренном порядке уголовного судопроизводства (суд мог произвести арест обвиняемого до возбуждения уголовного дела прокурором; защитник допускался в уголовное дело по ходатайству обвиняемого или случаях, когда суд сам считал это необходимым и др.). В настоящее время в ФРГ действует принятый УПК 1877 года, который хоть и претерпел изменения, но идеи, заложенные разработчиками, его основные принципы остались неизменными.

Конституция ФРГ (*Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland*) содержит следующие положения, имеющие отношение к уголовному судопроизводству[1].

Конституцией предусматривается возможность обжаловать действия должностных лиц, в том числе и в уголовном судопроизводстве (ст. 17). Судьи, отправляющие правосудие, независимы в своих решениях, отстранение судьи от должности возможно только на основании судебного решения (ст. 97). Задержание подозреваемого в совершении преступления не может быть больше одного дня до принятия решения судом. О каждом случае задержания уведомляются родственники или доверенные лица задержанного (ст. 103).

Помимо конституции основным источником уголовного судопроизводства в ФРГ является УПК, принятый в 1877 году (*Bundesrepublik Deutschland Strafprozessodnung*)[2]. С учетом изменений, внесенных позднее в уголовное судопроизводство ФРГ, принципы уголовно-процессуального законодательства представлены следующими положениями.

Принцип официальности (*Offizialprinzip*) предусматривает возможность осуществления уголовного преследования от имени государства.

[1] Конституция ФРГ (на нем. языке). URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv/alt-inhalte/grundgesetz-fuer-die-bundesrepublik-deutschland-454028 (дата обращения: 20.12.2022).

[2] УПК ФРГ = Bundesrepublik Deutschland Strafprozessodnung. Verlag GmbH. Munchen. 2011.

Данный принцип имеет исключения в виде возбуждения уголовных дел по жалобе пострадавшего и при возбуждении уголовных дел, отнесенных уголовным законом к делам частного обвинения (§ 152).

Принципом связанности обвинением (*Akkusationsprinzip*) определено, что уголовное судопроизводство в суде может быть начато на основании выдвинутого обвинения и суд не может являться инициатором судебного разбирательства и выходить за пределы выдвинутого органами прокуратуры обвинения (§ 151).

Принципом легальности обвинения (*Legalitätsprinzip*) определяется обязанность стороны обвинения начать уголовное преследование при наличии достаточных оснований, предусмотренных в законе. Данный принцип касается и сотрудников полиции, которые под руководством прокурора или органов прокуратуры должны начинать уголовное преследование при наличии достаточных оснований. (§ 152, 163, 170).

Принцип легальности обвинения конкурирует с принципом целесообразности (*Opportunitatsprinzip*), в соответствии с которым при решении задач уголовного судопроизводства должны учитываться финансовые, временные и людские затраты на применяемые средства и методы расследования, например, при расследовании малозначительных преступлений. В этом случае органы прокуратуры могут отказаться от уголовного преследования с учетом нецелесообразности затрачивания ресурсов государства в уголовном судопроизводстве (§ 154).

Принцип инструктивности (*Instruktionsprinzip*) определяет объем исследования обстоятельств в ходе расследовании уголовного дела. На органы прокуратуры в связи с реализацией данного принципа законодателем возлагается обязанность предоставлять не только обвинительные, но и оправдательные доказательства. Суд, реализующий данный принцип в ходе судебного разбирательства, не связан с доказательствами, собранными во время предварительного расследования, и при необходимости проверяет или перепроверяет их путем проведения различных процессуальных действий. Выясняются причины, по которым подсудимый дал или дает признательные показания,

тем самым реализуя принцип принятия решения при наличии сомнения в пользу обвиняемого (*in dubio pro reo*).

Исключением из этого правила являются случаи, когда с подсудимым заключается соглашение о признании вины (*Verständigung und Verfahrensfortgang und Verfahrersergebnis mit Verfahrensbeteiligten*) при котором виновность подсудимого презюмируется и не подвергается сомнению, как подсудимым, так и судом (§ 257c). Выше, при рассмотрении уголовного судопроизводства Швейцарской конфедерации, мы сравнивали данный порядок с отечественным законодательством, а именно, с порядком, предусмотренным главой 40 УПК РФ. Существенным отличием подхода законодателей стран Европы в отличие от подхода, применяемого в Российской Федерации, является неприменение судами в европейских странах в особых порядках уголовного судопроизводства принципа презумпции невиновности.

Право на рассмотрение уголовного дела судом, имеющим полномочие на рассмотрение уголовного дела, определяется конституционным принципом обеспечения права на слушание уголовного дела (ст. 103 Конституции ФРГ). Данный принцип имеет определенное сходство с законоположением о неизменности состава суда (ст. 242 УПК РФ), имеющимся в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Сокращению сроков судебного разбирательства посвящены принципы ускорения (*Beschleunigung*) и концентрации (*Konzentrationsprinzip*). Согласно данным принципам, уголовное судопроизводство должно проходить в сжатые сроки. Принцип концентрации предполагает, что уголовное дело должно быть окончено судебным решением за одно судебное заседание (за один день).

В соответствии с принципом непосредственности исследования доказательств (*Unmmitelbarkein der Beweisehebung*) суд при рассмотрении уголовного дела в обычном порядке должен исследовать все доказательства, имеющие значение для разрешения уголовного дела (§ 250 УПК ФРГ). Также суд при разрешении уголовного дела руководствуется принципом свободной оценки доказательств (*frei Beweiswürdigung*), заключающемся в том, что при постановлении

приговора суд руководствуется внутренним убеждением, сложившимся у него после исследования доказательств (§ 261).

Рассмотрим принципы, определяющие форму судебного разбирательства. Первым из них является принцип гласности (*Öffentlichkeit*), в соответствии с которым судопроизводство в Германии является открытым, за исключением случаев уголовных дел, открытое рассмотрение которых может повлечь опасность для интересов государственной безопасности, безопасности участников процесса и общественной нравственности (§ 170). Данный принцип уголовного судопроизводства ФРГ имеет сходство с законоположением, предусмотренным ст. 241 УПК РФ.

Другим принципом, определяющим форму судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве ФРГ, является принцип устности (*Mündlichkeit*), в соответствии с которым доказательства, на основании которых суд будет постановлять приговор, должны быть оглашены или зачитаны во время судебного разбирательства (§ 249 УПК ФРГ). Данный принцип имеет сходство с общим условием судебного разбирательства непосредственность и устность (ст. 240 УПК РФ), имеющимся в уголовном процессе Российской Федерации.

Нидерланды

Королевство Нидерландов (Голландия) как государство сформировалось в XVI–XVII вв. Выгодное географическое положение привлекало крупные государства Европы и оказало влияние на историю развития королевства.

Долгое время Нидерланды были провинцией Королевства Испании, но в 1572 году начали борьбу за независимость. Борьба за национальную независимость приобрела характер религиозно-идеологической, политической и социально-экономической борьбы Нидерландов, стоящих на пороге капитализма, с феодально-католической Испанией. В результате буржуазной революции Нидерланды получили независимость, господствующей религией стало протестантство. Впоследствии территория Нидерландов была полем войн Великобритании, Пруссии и, наконец, Франции.

На протяжении своей истории Нидерланды неоднократно находились под властью отдельных государств Европы, что отразилось как на политическом строе данного государства, так и на порядке осуществления уголовного судопроизводства.

Конституция Королевства Нидерландов 1815 года (*Grondwet voor het Koninkrijk der Nederlanden*)[1] с последующими изменениями и дополнениями имеет следующие положения, имеющие отношение к уголовному судопроизводству.

Граждане Королевства равны в своих правах перед законом (ст. 1 Конституции Королевства Нидерландов). Конституцией предусматривается возможность обжаловать действия должностных лиц, в том числе и в уголовном судопроизводстве (ст. 5). Неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки, телефонных переговоров и иных способов коммуникации охраняется законом. Нарушение данных прав возможно в интересах уголовного судопроизводства в случаях, предусмотренных законом (ст. 11–13). Рассмотрение уголовного дела в порядке уголовного судопроизводства должно быть окончено судом в разумные сроки (ст. 15). Бесплатная юридическая помощь по уголовным делам предоставляется только малообеспеченным гражданам (ст. 18). Виновность лиц, совершивших преступление, за которое может быть назначено наказание, не связанное с лишением свободы, определяется судами или иными государственными органами юстиции (ст. 113). Судьи, отправляющие правосудие, независимы в своих решениях, отстранение судьи от должности возможно только на основании судебного решения (ст. 117).

Помимо Конституции основным источником уголовного судопроизводства в Королевстве Нидерландов является УПК, принятый в 1926 году (*Wetboek van Strafvordering*)[2], с учетом изменений, внесенных в уголовное судопроизводство Королевства Нидерландов.

---

[1] Конституция Королевства Нидерландов = Grondwet voor het Koninkrijk der Nederlanden. URL: https://www.government.nl/documents/regulations/2012/10/18/the-constitution-of-the-kingdom-of-the-netherlands-2008 (дата обращения: 20.12.2022).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Королевства Нидерландов = Wetboek van Strafvordering. URL: https://wetten.overheid.nl/BWBR0001903/2021-01-01 (дата обращения: 20.12.2022).

Принципы уголовно-процессуального законодательства в Королевстве Нидерландов представлены в уголовном процессе следующими положениями.

Важным законоположением, определяющим порядок уголовного судопроизводства в Королевстве Нидерландов, является принцип целесообразности (ст. 167), в соответствии с которым органы уголовного преследования имеют большой объем диспозитивных прав и, в зависимости от государственной целесообразности, могут отказаться от уголовного преследования. Подобный рациональный подход пронизывает весь уголовный процесс в Королевстве Нидерландов.

Подобно Франции (но в отличие от Германии, где все уголовные дела, за определенными исключениями, должны быть представлены в суд), Нидерланды не знают обязательного уголовного преследования.

Любопытной особенностью уголовного судопроизводства Королевства Нидерландов является то, что вопрос возбуждения уголовного дела о преступлении, связанном с половой неприкосновенностью несовершеннолетних, без применения насилия, от 12 лет и старше (ст. 245–248а Уголовного кодекса Королевства Нидерландов) решается в зависимости от объяснений пострадавшего (ст. 167а УПК Королевства Нидерландов).

Другим основанием для отказа в уголовном преследовании является технический отказ — *technisch sepot* (ч. 2, ст. 167 УПК Королевства Нидерландов), который в целом соответствует основанию отказа в возбуждении уголовного дела за отсутствием события или состава преступления в уголовном судопроизводстве Российской Федерации (ст. 24 УПК РФ). Прокуратура может также отказаться от уголовного преследования по дискредиционным причинам (*deleids sepot*) — если интересы государства, общества, ввиду того, что другие виды наказания или меры воздействия (дисциплинарные, административные, гражданско-правовые) предпочтительны или более действенные и эффективны чем уголовное наказание; а уголовное преследование было бы несоразмерным, несправедливым или неэффективным с учетом личности правонарушителя или не соответствует интересам пострадавшего. Например, интересам несовершеннолетнего.

Возможны безусловный отказ от преследования и условный отказ от преследования *(voorwaardelijk sepot)* с объявлением нарушителю выговора или без такового *(parket standje).*

Также условиями для отказа от уголовного преследования могут являться уплата государству денежной суммы, полная или частичная компенсация ущерба жертве преступления, отказ от предметов, которые были конфискованы или подлежат конфискации. Например, уплата государству денежной суммы, которая, по меньшей мере, делает совершение преступления для виновного бессмысленным, если целью его было приобретение имущественных благ.

В отличие от правил уголовного судопроизводства США, условный отказ в Нидерландах может быть применен только на досудебной стадии; при этом не имеют значения ни факт признания обвиняемым вины, ни вид преступления, за которое возможно осуждение.

Законом «О финансовых санкциях» 1983 года[1] расширен перечень дел, по которым орган предварительного расследования — Служба публичного обвинения уполномочена принять решение о прекращении обвинения при условии добровольного внесения обвиняемым денежной суммы в казну по преступлениям, наказание за которые не превышает шести лет лишения свободы. Департамент юстиции издает руководящие указания, в которых определяется «плата» за наиболее распространенные преступления.

Принцип презумпции невиновности нашел выражение в уголовном судопроизводстве Королевства Нидерландов в законоположении о праве подозреваемого не свидетельствовать против себя и праве на молчание по выдвинутому в отношении него обвинению (ст. 29 УПК Королевства Нидерландов). Подозреваемый вправе защищать свои интересы самостоятельно, так и с помощью защитника. Защитник за счет бюджета Королевства Нидерландов предоставляется подозреваемому при подозрении, обвинении в тяжком преступлении или в случаях избрания в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу (ст. 40, 48).

[1] Peter J. Sentencing and Punishment in the Netherlands. New York: Oxford University Press, 2001. P. 161.

Реабилитация подозреваемого, обвиняемого, незаконно подвергнутого уголовному преследованию, как принцип уголовного судопроизводства в уголовном процессе Королевства Нидерландов, находит выражение в возмещении вреда лицу, которое было незаконно подвергнуто мерам уголовного преследования, но только в том случае, когда в отношении данного лица был вынесен обвинительный приговор (ст. 89).

Языку уголовного судопроизводства посвящено законоположение о том, что языком судопроизводства является голландский язык; если участник судебного разбирательства не владеет языком уголовного судопроизводства, то ему должен быть предоставлен переводчик (ст.191, 275, 276).

Принцип гласности судебного разбирательства реализуется в уголовном процессе Королевства Нидерландов в норме закона о том, что судопроизводство по уголовным делам проходит в отрытом режиме. Исключением из данного законоположения является обстоятельства (вопросы общественной нравственности, государственной безопасности, соблюдение интересов несовершеннолетних и т. д.), когда уголовное дело рассматривается в закрытом режиме (ст. 269).

С учетом того, что уголовное судопроизводство в Королевстве Нидерландов построено по инквизиторской модели уголовного судопроизводства, председательствующий в процессе судья лично определяет порядок исследования доказательств во время предварительного расследования, осуществляет допрос подсудимого по уголовному делу, после допроса судьей стороны вправе задавать вопросы допрашиваемому (ст. 286, 288а УПК Королевства Нидерландов). Таким образом, принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве в меньшей степени, чем в других странах представлен законодателем Нидерландов.

Принцип разумного срока реализован законодателем Королевства Нидерландов в законоположении о том, что суды и органы прокуратуры обязаны обеспечивать эффективное уголовное преследование по уголовным делам (ст. 8 УПК Королевства Нидерландов).

Соединенные Штаты Америки

Соединенные Штаты Америки (США) с точки зрения мировой истории является молодой страной, а американцы — одной из самых молодых наций в мире. Тем не менее, американская история интересна и насыщена, что отразилось на развитии уголовного судопроизводства на североамериканском континенте. В 1607 году английские колонисты высадились на территории современного США и основали колонии; до этого колонии были созданы Испанией, Францией. В результате конкуренции и войн Англия постепенно выдавила представителей других государств с Северо-Американского континента. Англия не только выдавила конкурентов с континента и, как следствие, внедрила на завоёванных территориях свое законодательство. Английская законодательная модель была использована, а позднее усовершенствована, законодателями США после успешной войны с Англией за обретение независимости. Это и объясняет причину, по которой в основе уголовно-процессуального права США лежит английская система общего (прецедентного) права, которое сочетается с нормами статутного права. В настоящее время в США действуют 50 самостоятельных, независимых судебных систем штатов и федеральная судебная система. Источники уголовного процесса на федеральном уровне представлены следующими документами: Конституцией США 1787 года и поправками к ней, в том числе «Биллем о правах» 1791 года; законами, содержащими нормы об уголовном судопроизводстве; многочисленными судебными решениями, имеющими силу прецедента, которые в ряде случаев доминируют над законодательными нормами. Источники уголовного процесса на уровне штатов аналогичны федеральным. Американские юристы понимают под принципами уголовного процесса конституционно-правовые положения, определяющие, какова должна быть процедура рассмотрения уголовных дел о преступлениях в суде. Стрежневым положением этого понятия является идея о равной и справедливой для всех судебной процедуры, с помощью которой граждане могут

оградить свою автономию от произвола властей[1]. Реализация данной идеи непосредственно связана с правами обвиняемого (на гуманное обращение и наказание, надлежащий суд, презумпцию невиновности, защиту от обвинения, независимый и беспристрастный суд, гласное судебное разбирательство, рассмотрение дела в разумный срок, состязательный процесс и равенство сторон, недопустимость использования доказательств, полученных путем нарушения личных конституционных прав), которые управляют не только уголовным процессом, но также и процедурами, гарантирующими, что невиновный будет оправдан, а виновный осужден[2]. То есть в американском уголовном процессе, как, впрочем, и в английском уголовном процессе, главенствующее значение имеет принятие справедливого решения по уголовному делу в условиях беспристрастности, уважения прав и свобод человека и гражданина, корректности по отношению к сторонам и возможно полной информированности о предмете правового спора[3].

Исследование развития принципов уголовного судопроизводства было бы, по нашему мнению, не полным без анализа правил уголовного судопроизводства в странах Скандинавского полуострова. Традиционно к скандинавским странам относят Данию, Норвегию, Швецию, а также Финляндию.

Право в скандинавских странах развивалось автономно по отношению к государствам Центральной Европы. Данный феномен обусловлен следующими обстоятельствами: свобода низших сословий, демократические формы учета, минимальное влияние норм римского права.

Несмотря на то, что страны Северной Европы географически ближе к странам романо-германской правовой семьи, некоторые европейские авторы отрицают их принадлежность к этой семье, утверждая самобытность и автономность скандинавского права.

---

[1] См., например: Конституция и права граждан / Под ред. И. А. Геевского (отв. ред.), В. А. Власихина, С. А. Червонной. Москва, 1987. С. 136–138; Боботов С. В., Жигачев И. Ю. Введение в правовую систему США. Москва, 1997. С. 245–250.

[2] См.: Colnik J.Justice without Trial. New York, 1966.

[3] См.: Гуценко К. Ф. Уголовная юстиция США. Москва, 1979. С. 87–89.

Неверно было бы и отнесение права скандинавских стран к англо-американской системе, поскольку у него почти отсутствуют такие характерные признак общего права, как прецедентное право. Кроме того, в силу географического положения историческое развитие правовых систем северных стран происходило относительно независимо от английского права.

Таким образом, на скандинавское право оказали влияние, как английское общее право, так и система права романо-германской правовой семьи. Это влияние было различным на протяжении истории и поразному проявлялось применительно к различным отраслям права.

Все это позволяет нам относить уголовно-процессуальное право Дании, Швеции, Финляндии и Норвегии к отдельной правовой семье — скандинавскому праву[1].

Исторически сложилось, что правовые системы в скандинавских государствах можно разделить на две группы. К первой группе можно отнести Данию и Норвегию, во вторую группу входят Швеция и Финляндия.

Тесные взаимосвязи северных правовых систем объясняются тем, что между Скандинавскими странами всегда исторически существовали прочные политические, экономические и культурные связи. Общей исторической основой скандинавского права служило старогерманское право — право государств, имеющих территориальный выход к Балтийскому морю (Любекское право).

Начиная с XII века нормы старогерманского права вносятся в многочисленные земельные, а позднее и городские законы. Уже с первых актов центральной власти осуществлялся процесс объединения и унификации права.

Швеция

В Швеции в XIV веке удалось объединить право отдельных местностей в единое земельное право, а право народов — в единое городское право. Территория Швеции никогда не находилось под иностранным господством, по этой причине развитие права определялось

[1] См.: Введение в шведское право: пер. с англ. / С. Стремхолм, О. Нюман, С. Ягерскьолд [и др.]; отв. ред. Крылов Б. С. Москва: Юридическая литература, 1986. 335 с.

внутренними потребностями государства и незначительно влиянием иных правовых систем, в период средневековья — римского права и торговых обычаев городов-государств германского побережья Балтийского моря.

Основы современной правовой системы Швеции были заложены законом Королевства Швеции 1734 года (*Sveriges rikes lag*). Особенностью данного правового акта являлась то, что он регулировал одновременно вопросы, как уголовного, так и гражданского судопроизводства. Данный закон включал в себя восемь разделов, один из которых был посвящен вопросам судопроизводства.

Принципами осуществления правосудия были состязательный характер рассмотрения спора и равенство сторон в процессе (§ 1 главы XV закона Королевства Швеции)[1].

В XVII столетии шведская судебная практика восприняла многие конструкции и принципы римского права, имплементированные в законодательство европейских стран, вследствие чего эти римские элементы стали частью шведского права, шведской юридической культуры, что способствовало развитию более тесных связей с юридической наукой континентальной Европы, нежели чем с английской.

Необходимо отметить, что законодательство, в первую очередь уголовно-процессуальное, в Швеции развивалось эволюционно, в условиях социальной стабильности (территория Швеции никогда не была оккупирована иностранными государствами, революции также обходили данную страну стороной), в отличие от большинства государств Европы и, конечно же, России. Устойчивость ее политической системы на протяжении длительного времени (конституционная монархия при однопалатном парламенте), определили тот факт, что законодательство страны также развивалось эволюционно, без резких изменений.

К слову, упомянутый нами закон 1734 года действует и поныне, конечно, с учетом внесенных в него изменений. В 1942 году был принят

[1] См.: Хассельбальк О. Северная правовая семья: зарождение становление, развитие // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 6–10.

закон «О судебной процедуре»[1], в указанный выше закон были внесены изменения, касающиеся порядка рассмотрения дел в судах[2]. В соответствии с принятым законом рассмотрение уголовных дел в судах Королевства Швеции строится на принципах состязательности, публичности, устности, непосредственности судебного разбирательства и допустимости всех видов доказательств при возможности их всесторонней оценки в условиях состязательного уголовного судопроизводства.

Реализуя принцип состязательности и равенства сторон в уголовном судопроизводстве, законодатель пресекает (наложение штрафа судом) возможность одной из сторон умышленно затягивать время судебного разбирательства, путем заявления претензий и возражений (ст. 3 гл. 9 закона 1942 года).

Одним из способов реализации принципа публичности в уголовном судопроизводстве является то, что приговоры суда, как и другие судебные решения должны быть понятны не только юристам, но всем жителям Швеции. Законодатели Швеции считают, что правосудие, которому доверяет большинство, не только укрепляет демократические институты, но и помогает сдерживать преступность, поэтому к вопросу поддержки доверия со стороны населения подходят серьезно. Законодательством королевства определено, что все государственные органы (не только суды) должны изъясняться продуманным, простым и понятным языком, отказавшись от канцелярских формулировок (п. 1 ст. 8 Закона «О языке»[3]).

Финляндия

Особенности уголовного судопроизводства в Финляндской Республике определяются в значительной мере историй Финляндского

---

[1] О судебной процедуре: закон Королевства Швеция от 18 июля 1942 г. (в ред. от 04.06.2022) // Сервер правовой информации Королевства Швеция [сайт]. URL: http:// www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/rattegangsbalk-1942740_sfs-1942-740 (дата обращения: 20.12.2022).

[2] В странах Скандинавии имеется особенность объединять нормы, регулирующие право (уголовное, гражданское, административное) и процесс (гражданский и уголовный) в один нормативно-правовой акт.

[3] О языке: закон Королевства Швеция от 7 июня 2009 г (в ред. 19.08.2018 г) // Сервер правовой информации Королевства Швеция [сайт]. URL: http:// www.Lagen.nu/2009:600 (дата обращения: 20.12.2022).

государства. Начиная с XII века Финляндия была одной из провинций Королевства Швеции, и до начала XIX века на ее территории действовали правила уголовного судопроизводства, предусмотренные законом 1734 года Королевства Швеции. С 1809 года после русско-шведской войны Финляндия была присоединена к Российской империи на правах широкой автономии, в частности, в области уголовного судопроизводства законодательство Швеции продолжало действовать до момента обретения независимости Финляндии в 1919 году.

После обретения независимости в Финляндии был принят закон «О форме правления»[1] (1919), который закрепил общие вопросы государственного устройства, порядка принятия законов, судоустройства и права граждан Финляндской Республики. Указанный закон был отменен с принятием Конституции Финляндской Республики[2] в 1999 году. Нами выявлены следующие особенности конституционного права Финляндской Республики, применительно к реализации принципов уголовного судопроизводства.

Законодатели Финляндии не считают, что итоговое решение по уголовному делу является исключительной прерогативой суда, как это отражено в Конституции Российской Федерации (ст.49). Конституция Финляндии допускает возможность привлечения к уголовной ответственности за незначительные преступления на основании решения чиновника полиции, и только в случае назначения наказания в виде лишения свободы решение об этом принимается только судом (§ 7 Конституции Финляндии).

Разумный срок рассмотрения уголовного дела в Финляндии является конституционным принципом (§ 21 Конституции Финляндии), в отличие от Российской Федерации, где данный принцип закреплен только в УПК РФ.

---

[1] О форме правления: закон Финляндской Республики от 17 ноября 1919 г. (отменен). // Сервер правовой информации Финляндской Республики [сайт]. URL: https://www.eduskunta.fi/fi/Sivut/default.aspx (дата обращения: 20.12.2022).

[2] Конституция Финляндской Республики от 11 июня 1999 г. // Сервер правовой информации Финляндской Республики [сайт]. URL: http://finlex.fi›fi/laki/kaannokset/1999/ru19990731.pdf (дата обращения: 20.12.2022).

Конституцией Финляндской республики предусмотрена единственная возможность отстранения судьи от должности — вынесение в отношении данного должностного лица обвинительного приговора судом (§ 103), в отличие от подхода российского законодателя, где вопрос отстранения от должности судьи регулируется отдельным федеральным законом (ч. 2 ст. 121 Конституции Российской Федерации). Это представляет определенный интерес в вопросах совершенствования уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

Уголовно-процессуальное законодательство в Финляндии представлено несколькими законами, каждый из которых посвящен отдельному этапу рассмотрения уголовно-правового спора или отдельному уголовно-процессуальному институту, в отличие от российского законодательства, в котором основным нормативно-правовым актом, регулирующим уголовно-процессуальные правоотношения, является уголовно-процессуальный кодекс, за исключением, конечно, Конституции Российской Федерации и решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Данный подход законодателя в Финляндской Республике имеет, на наш взгляд, как преимущества, так и недостатки.

Недостатком является то, что отдельные нормы, институты размещены в различных законах. Однако данный недостаток компенсируется тем, что нет необходимости изменять все уголовно-процессуальное законодательство при необходимости внесения в него изменений.

Принципы судопроизводства Финляндии, отраженные в различных законах, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность, можно условно разделить на общие и судебно-процессуальные.

К общим принципам, которые охватывают уголовное судопроизводство вообще, относятся принципы законности, целесообразности, объективности, относительности, равенства и принцип соответствия цели закона.

Принцип законности выражается в том, что должностные лица обязаны соблюдать как материальные, так и процессуальные нормы права. Важным является требование законодательства Европейского Союза (далее — ЕС), согласно которому полномочия возлагать

на частного субъекта права и обязанности и предоставлять ему льготы должны иметь законодательную основу.

Принцип целесообразности выражается, в свою очередь, в требовании к действиям должностных лиц и, в частности, к уголовному процессу: он должен быть настолько насколько это возможно надежным, быстрым и дешевым.

Принцип объективности относится к решениям и иным действиям: они должны быть объективно обоснованы и беспристрастны; принцип относительности обязывает должностных лиц разумно соизмерять свои действия.

Согласно принципу, равенства все равны перед законом, а принцип соответствия цели закона предполагает, что должностное лицо не должно выходить за пределы своей компетенции и смысла закона, применяемого к рассматриваемому вопросу (запрет на злоупотребление свободой усмотрения).

К судебно-процессуальным принципам относится принцип состязательности, в соответствии с которым суд не имеет права предоставлять правовую защиту стороне, если противоположной стороне не обеспечена возможность ответного выступления.

Важными в судебном процессе являются также принципы публичности (принцип гласности), непрерывности, устности и непосредственности, а также принципы свободной оценки доказательств и независимости суда.

Уголовный процесс Финляндии строится на понимании того, что государственный обвинитель или другое лицо, выступающее с обвинением (потерпевший), должны обеспечить ведение и движение дела к его логическому окончанию — приговору суда. Из этого следует, что пределы судебного расследования определяются обвинением, и суд может осудить только за то деяние, которое вменяется обвиняемому. При этом процесс строится на презумпции невиновности, и правовая защита обеспечивается независимо от желания обвиняемого в соответствии с принципом официальности.

Дания

Королевство Дания как государство было сформировано в X веке. По своему географическому положению Дания ближе, чем Норвегия и Швеция, находится к другим европейским государствам и к южному побережью Балтийского моря.

В течение XVII–XVIII вв. исходным пунктом формирования правовых систем Скандинавских стран стали два законодательных акта: упоминаемый ранее Закон Королевства Швеции 1734 года и Кодекс короля Дании Христиана V (1683), «Датский Кодекс»[1].

«Датский Кодекс» — это кодифцированный нормативно-правовой акт, включающий 6 разделов (книг), в которых рассматривались вопросы гражданского и уголовного права и процесса; первый раздел из этих шести был посвящен правилам судопроизводства в Датском королевстве.

Принципами осуществления правосудия были состязательный характер рассмотрения спора и равенство сторон в процессе, право не свидетельствовать против себя (§ 3 раздела I Датского Кодекса).

В настоящее время Кодекс короля Христиана V (1683) формально не отменен, но большинство его положений, в том числе касающиеся правил уголовного судопроизводства, отменены.

В настоящее время в Дании действует закон «Об отправлении правосудия»[2] 1919 года с последующими изменениями.

Принципами уголовного судопроизводства Дании являются следующие принципы: принцип инструкции, право быть выслушанным, быстроты (сокращения сроков) судопроизводства.

Под принципом инструкции понимается обязанность органов уголовного преследования исследовать обстоятельства дела. Суды при этом никоим образом не связаны доказательствами, представленными сторонами.

---

[1] Кодекс Короля Христиана V 15 апреля 1683 г. (на датском языке) // Репринтное издание с комментариями. Копенгаген, 2003. С. 16.

[2] Об отправлении правосудия: закон Королевства Дании от 10 сентября 1919 г. URL: https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2019/938/#iddb9ac41c-ef25-418a-9421-832b162c24b0 (дата обращения: 20.02.2023).

В соответствии с правом быть выслушанным любое решение не в пользу подсудимого не может быть принято, если заинтересованному лицу не предоставили возможность высказать свою точку зрения.

Принцип быстроты судопроизводства налагает на органы правосудия обязанность избегать любых ненужных задержек в уголовном судопроизводстве. Уголовное судопроизводство, согласно этому положению, должно осуществляться непрерывно. В то же время требование сокращения сроков производства по делу не должно наносить ущерба праву защиты (как стороны) иметь необходимое время для подготовки к слушанию.

Принципами, управляющими открытием уголовного производства, являются принципы публичности и возможности (свободы усмотрения) обвинения и расследования. С начала XIX века датское государство имеет монополию на уголовное преследование, которое осуществляется независимо от воли и желания потерпевших. Уголовное преследование должно вестись на законных основаниях и с соблюдением законной процедуры. При этом обвинитель имеет высокую степень усмотрения при решении вопроса о направлении дела в суд. В обвинительном типе уголовного процесса, к которому относится датский процесс, уголовное преследование и разрешение уголовных дел, по существу, разделены. В Дании и досудебное, и судебное производство соответствует обвинительному типу. Однако, согласно принципу установления материальной истины, председательствующий судья обязан допросить свидетелей и обвиняемого для выяснения всех сомнительных моментов дела.

К числу принципов, управляющих доказыванием, относятся принципы свободной оценки доказательств и презумпция невиновности. Принцип свободной оценки доказательств закреплен в разделе 896 УПК Дании. Он является логичным следствием обязанности участвовать в установлении материальной истины. Значение этого принципа отчасти негативно, поскольку могут использоваться формальные доказательства: два свидетеля не могут быть не правы, супруг (супруга) обвиняемого не может быть заслушан в качестве

свидетеля, доказательства, основанные на слухах, недопустимы (§ 184 закона «Об отправлении правосудия»).

Также решающим элементом рассматриваемого принципа является устойчивое убеждение суда относительно фактических обстоятельств дела. Суд никоим образом не связан заявлением подсудимого о своей виновности. Защита имеет право знакомиться со всеми полицейскими протоколами, в которых зафиксированы следственные действия, проведенные полицией во время предварительного расследования. Доказательства, представленные или полученные незаконным путем, не всегда являются недопустимыми — обычно они принимаются во внимание судом. Как и в других западноевропейских странах, в Дании каждый обвиняемый в преступлении будет предполагаться невиновным до тех пор, пока его вина не доказана. Никто не может быть осужден, если суд на основе представленных доказательств сомневается в виновности обвиняемого (лат. *in dubio pro reo, favor defensionis* —защита имеет преимущество).

К принципам, управляющим судебным разбирательством, относятся принципы непосредственности, устности и гласности.

Принцип непосредственности требует, чтобы доказательство было представлено в суде «живьем». Свидетели должны заслушиваться судом в судебном заседании лично, а показания, полученные на предварительном расследовании, не могут быть оглашены (§ 896 закона «Об отправлении правосудия»). В то же время на практике прокурор в своей речи сопоставляет показания обвиняемого или свидетелей в судебном заседании с показаниями, зафиксированными в полицейских протоколах.

Из принципа непосредственности вытекает, что судебное разбирательство должно проходить устно (§ 148-1 закона «Об отправлении правосудия»). Однако для апелляционного производства и рассмотрения жалоб в кассационном порядке характерен письменный порядок.

И предварительное судебное заседание (например, слушания относительно предварительного заключения), и рассмотрение дела по существу проводятся гласно. Однако принцип гласности носит не абсолютный, а относительный характер, и из него есть несколько

исключений, свидетельствующих о его относительности: в интересах общественной морали либо в интересах охраны определенных государственных или частных сведений (§ 29 закона «Об отправлении правосудия») слушания проходят «за закрытыми дверьми». В интересах потерпевшего в обязательном порядке на закрытом судебном заседании рассматриваются дела об изнасиловании, инцесте и других половых преступлениях. Иных ограничений гласности нет (§ 30 закона «Об отправлении правосудия»).

Норвегия

Норвегия как государство длительное время была лишена независимости. Сначала территория была завоевана датчанами и на правах провинции вошла в Королевство Дании в 1536 году, в 1814 году в результате шведского-датской войны территория Норвегии перешла под управление Королевства Швеции. Только 1905 году Норвегия вышла из-под власти Швеции, получила независимость и стала развиваться как независимое государство с формой правления конституционная монархия при однопалатном парламенте.

Вышеуказанные обстоятельства не прошли без следа и наложили отпечаток на законодательство Норвегии, имеющее близкую связь с законодательством, как Швеции, так и Дании.

В настоящее время уголовное судопроизводство в Королевстве Норвегия регулируется Конституцией и законом «О судебной практике и процедуре в уголовном судопроизводстве» 1981 года[1].

Одним из принципов уголовного судопроизводства Норвегии является состязательность сторон в процессе. Российский законодатель сконструировал данный принцип таким образом, что движущей силой уголовного судопроизводства является желание и позиция сторон (защиты и обвинения) в процессе, на суд же возлагается обязанность создавать условия сторонам для исполнения процессуальных обязанностей (ст.15 УПК РФ). Законодатель Королевства Норвегии представляет принцип состязательности по-другому.

[1] О судебной практике и процедуре в уголовном судопроизводстве: закон Королевства Норвегия от 22 мая 1981 г. URL: https://juridika.no/lov/1981-05-22-25/ (дата обращения: 20.02.2023).

По его мнению, принцип состязательности не мешает тому, чтобы суд занимал активную позицию в процессе рассмотрения уголовного спора, мог в необходимых случаях выходить за объем предъявленного обвинения и назначал подсудимому при признании его виновным более строгое наказание, чем мнение стороны обвинения (§ 38 закона «О судебной практике и процедуре в уголовном судопроизводстве»).

В соответствии с принципом законности, по мнению законодателя Норвегии опечатки, неточности в процессуальных документах не являются основанием для признания доказательств не допустимыми, как трактует это российский законодатель (ст. 7, ч. 1 ст. 75 УПК РФ). При выявлении подобных нарушений суд самостоятельно вправе внести необходимые исправления в текст процессуальных документов (§ 44–46 закона «О судебной практике и процедуре в уголовном судопроизводстве»).

Скандинавские страны тесно сотрудничают между собой в области законодательства, и этот процесс, начавшийся в конце XIX века, привел к появлению значительного числа унифицированных актов, равно действующих во всех государствах-участниках.

Несмотря на кажущееся различие принципов уголовного судопроизводства, основы уголовного процесса в западных государствах являются следствием выбранной идеологии. Принципы уголовного процесса в европейских государствах и США построены на общепризнанных принципах: презумпция невиновности, независимый суд, состязательность сторон при осуществлении судебного разбирательства, гарантия прав личности при применении мер принуждения.

Данные ценности носят универсальный характер и не подвергаются сомнению национальным законодателем при разработке уголовно-процессуальных норм и институтов. Поэтому независимо от того, какие исторические этапы прошло то или иное государство, относящее себя к приверженцам «западной цивилизации», его правовая система в области уголовного судопроизводства обязана сегодня обеспечивать соответствующие идеологические ценности.

Таким образом, одной из неуклонных тенденций развития западных моделей уголовного судопроизводства является их взаимное проникновение на уровне уголовно-процессуальной идеологии.

Данные тенденции трансформации принципов уголовного судопроизводства начали проявляться еще с конца XVIII века, в эпоху Великой французской революции и разработки «отцами-основателями» Конституции США: во французской Декларации прав человека и гражданина, и в американском Билле о правах были сформулированы многие уголовно-процессуальные принципы, которым в дальнейшем суждено было стать универсальными в мировом масштабе. Данная тенденция продолжилась после Первой мировой войны, но окончательно современная уголовно-процессуальная идеология сформировалась после Второй мировой войны с принятием Всеобщей декларации прав человека[1] (1948), Конвенции о защите прав человека и основных свобод[2] (1950), Международного пакта о гражданских и политических правах[3] (1966).

Необходимо отметить, что западная уголовно-процессуальная система не может открыто игнорировать принципы, содержащиеся в этих и многих других международно-правовых актах. Однако, в случае, если возникает реальная или мнимая потребность в определенном ограничении тех или иных фундаментальных уголовно-процессуальных гарантий (например, в ходе борьбы с терроризмом, наркопреступностью, контрабандой оружия и прочими общемировыми угрозами), то такое ограничение чаще всего происходит за пределами институциональных и даже территориальных границ классического национального уголовного процесса, например, военная база США «Гуантамо», которая находится на территории Республики Куба.

Поэтому до сих пор ведущиеся споры о том, в какой стране уголовный процесс «лучше», «демократичнее» или «либеральнее» — в США, в Германии или во Франции, безнадежно устарели. Фактически,

[1] Всеобщая декларации прав человека. Москва: Проспект, 2019.

[2] Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Москва: РИОН, 2011.

[3] Международный пакт о гражданских и политических правах. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации.1994. № 12.

что противопоставление принципов, основ англосаксонского и континентального, американского и германского уголовного судопроизводства уже давно является противопоставлением не столько идеологическим, сколько техническим.

На уровне юридической техники западные модели уголовного процесса по-прежнему разнообразны с точки зрения, как общей структуры, так и конкретных институтов. Современные универсальные правовые принципы не требуют единого технического оформления — их надлежащая реализация может быть осуществлена в рамках разнообразных уголовно-процессуальных моделей, в том числе с учетом национальных традиций. Не придавая большого значения отдельным деталям, отметим, что в техническом уголовно-процессуальном плане первостепенное значение по-прежнему принадлежит англосаксонской (островной) модели формирования принципов уголовного судопроизводства. Это обстоятельство в значительной мере определяется финансовым и политическим весом представителей данной уголовно-правовой модели в мире, в первую очередь США.

Право, как элемент государственного управления представляет собой серьезный фактор не только политического, но и геополитического влияния.

Например, можно вспомнить победоносное шествие по Европе французских наполеоновских кодификаций (гражданского, уголовного, уголовно-процессуального законодательства) в течение почти всего XIX века Швейцария, Нидерланды и некоторые другие государства до настоящего времени являются сторонниками французской правовой модели.

Сегодня трудно найти какую-либо другую отрасль права, которая имела бы столь ярко выраженный геополитический характер, чем уголовный процесс. Это, скорее всего, объясняется тем, что именно в сфере уголовного процесса на техническом уровне до сих пор сохраняется условное противостояние континентальной и англо-американской моделей.

Кроме того, уголовный процесс стал сегодня такой же «открыткой», «визитной карточкой» англосаксонской правовой системы в целом

(суд присяжных, судебный контроль, «сделки с правосудием»), которой для континентального права долго являлся Гражданский кодекс.

Такого рода влияние западных уголовно-процессуальных моделей на проведение, а иногда и инициирование национальных реформ в сфере уголовного процесса проявляется в различных формах. Назовем некоторые из них.

1. Имплементация зарубежного опыта самим национальным законодателем, например, российским, для которого в уголовно-процессуальном плане западные модели принципов были и остаются лидирующими.

2. Путем прямого участия иностранных экспертов в национальных законопроектных работах в сфере уголовного процесса. Ярким примером является участие экспертов-правоведов из США (фонд Сороса и пр.) в разработке проекта УПК РФ (2001).

Заканчивая обзор принципов уголовного судопроизводства в европейских государствах и США, мы можем заключить, что на сегодняшний день наиболее влиятельными в геополитическом смысле стали уголовно-процессуальные модели США и Германии. Французская и английская уголовно-процессуальные системы, господствовавшие на «мировой карте» в течение длительного времени, заметно уступили свои позиции, что вряд ли говорит о низком качестве заботы о них законодателя данных стран. Причина тут иная. Ведь чем сложнее уголовно-процессуальная модель, чем в большей мере она является результатом исторического развития, тем сложнее ей стать образцом для подражания и «международным стандартом». Американский и германский уголовные процессы явно превосходят французский и английский с точки зрения простоты и компактности, поэтому «экспортировать» их значительно легче, не говоря уже о том, что уголовно-процессуальные системы Франции и Англии сами испытывают в последние годы «сравнительно-правовой натиск», который привел, в частности, к утрате судебных полномочий британской Палатой лордов или дебатам об упразднении следственных судей во Франции. Более того, в последние годы именно уголовно-процессуальная модель Германии добилась в геополитическом смысле

наиболее заметного прогресса, в определенной степени даже вытеснив американский уголовный процесс с условного первого места. Связано это, наверное, с отмеченным выше «компромиссным» характером германской модели: она в значительной мере напоминает американскую и вызывает меньше отторжения у экспертов из США, но в то же время легко усваивается странами, исторически приверженными континентальным традициям. Так, германская модель уголовного процесса легла в основу новых уголовно-процессуальных систем тех из бывших социалистических стран, которым пришлось модернизировать свое право перед вступлением в Европейский союз (Восточная Европа, страны Прибалтики, некоторые Балканские государства). Сейчас, насколько известно, к ней обратились многие законодатели постсоветских стран, хотя с точки зрения влияния на постсоветский уголовный процесс борьба между американской и германской моделями продолжает оставаться достаточно напряженной, что ощущается, в частности, на Украине, в Казахстане, Армении, Таджикистане, Киргизии, и конечно же, в Российской Федерации.

1.2. Национальное законодательство как источник принципов уголовного процесса

Принципы уголовного процесса являются общими категориями в структуре отрасли права, однако, реализуя задачи уголовного процесса, они определяют качественные, существенные свойства уголовного судопроизводства и его процессуальную структуру, показывают пути дальнейшего развития законодательства. По этой причине значительный интерес представляет вопрос: «Какие из положений входят в систему принципов уголовного судопроизводства в конкретный исторический период развития уголовно-процессуального права?».

Принципы уголовного процесса России начали появляться в уголовном судопроизводстве с зарождением письменных правил расследования уголовных дел. Так, уголовное законодательство Пскова и Новгорода в средние века предусматривало в ст. 25, 60 и 120 состязательный порядок рассмотрения споров и равенство всех

сословий в суде перед законом за исключением холопского сословия, поскольку по своему социальному положению не имели прав и были близки к рабам[1].

Принципы уголовного производства формировались в следующих сводах законов русского государства: «Русская правда» (1209), Судебник (1497; 1551), Соборное Уложение (1649).

Приведенные источники законодательства Русского государства регулировали не только порядок осуществления розыска преступников, но и порядок формирования доказательств по делу, круг участников, правила (принципы) осуществления уголовного судопроизводства.

Например, в «Русской правде» 1209 года судебное разбирательство строилось по обвинительно-состязательной модели, истец и ответчик обладали равными правами в процессе судебного производства.

Судебник 1497 года[2] московского царя Ивана III впервые в русском праве, систематизировал законы Московского государства по всем отраслям права. Это было первым мировым опытом систематизировать законодательство. Систематизация законодательства в странах Европы, в первую очередь процессуального, были сделаны во Франции только в 1533 году. По мнению законодателей того времени многие вопросы жизни (имущественные, обязательственные и семейные отношения) уже урегулированы правовыми обычаями, поэтому не стоит включать в Судебник общеизвестные устоявшиеся в общественном сознании нормы. Таким образом, Судебник стал, прежде всего, наставлением для проведения судебных заседаний.

Процесс в целом носил состязательный характер, то есть строился на началах процессуального равенства сторон и разделения функций между обвинителем, защитой и судом. Обе стороны процесса считались истцами, при этом обвинитель нёс «бремя доказывания» виновности обвиняемого, а суд выступал как арбитр между сторонами. Однако уже наметились черты розыскного или инквизиционного процесса. Для последнего характерно отсутствие прав у обвиняемого

[1] См.: Российское законодательство X–XX вв. Т.1 Законодательство Древней Руси / Под общ. ред. О. И. Чистякова. Москва: Юридическая литература, 1984. С. 305–307.

[2] См.: Штамм С. И. Судебник 1497 года. Москва: Госюриздат, 1955. 112 с.

и возможности состязания с обвинителем, тем более что для этого процесса характерно слияние в одном лице функции судьи, обвинителя и защитника.

В Судебнике 1551 года московского царя Ивана IV, известном как «Стоглав», в качестве принципов закреплено в ст. 1, 49–51: независимость судей, ответственность их за судебные решения перед законом и государем, нерушимость судебных решений (возможность их отмены допускалось Государем или Боярской Думой)[1].

Соборное Уложение 1649 года[2] царя Алексея Михайловича было первым печатным памятником русского права, до этого времени нормы права оглашались в общественных местах, в храмах, на площадях. По объему оно было похоже на «Стоглав», но по широте примененного юридического материала намного его превосходит. Правила (принципы) отправления правосудия сгруппированы в главе X «О суде». Как и в «Стоглаве», подтверждены независимость судей при рассмотрении дел (ст. 1 главы X), обязанность суда оперативно рассматривать дела: «… и всякие судныя дела вершить безволокитно» (ст. 24 главы X).

Глобальные реформы в сфере государственного устройства России происходят в первой четверти XVII века, в период Петровских реформ. Российское законодательство совершенствуется и развивается, происходит закрепление разрозненных правовых норм в отдельные отрасли права: уголовное и уголовно-процессуальное законодательства.

Законодателем уточнен принцип независимости судей, законодательно определены основания для невозможности участия судьи в деле: близкое знакомство с участвующими сторонами, а также иная заинтересованность со стороны судьи в рассматриваемым деле: «притчины, которыя могут судью в подозрения привесть» [3] (п. 13 главы I).

---

[1] См.: Судебники XV–XVI вв. / Под общ. ред. акад. Б. Д. Грекова. Москва, 1952. С. 152–153.

[2] Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии //Под. ред. А. Г. Манькова. Ленинград: Наука, 1987. 448 с.

[3] Краткое изображение процессов и судебных тяжб. Артикул Воинский. 1715 г. / Отв. ред. А. Г. Маньков // Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. Москва, Юридическая литература, 1986. С. 215.

Начало времени царствования Екатерины II характеризуется относительной стабильностью, что позволило провести в Российской Империи ряд преобразований, в частности, судебную реформу. Достижение реформ заключается в том, что, по словам германского исследователя К. Шарфа, они создали предпосылки того, что государственная власть распространилась на все территории Империи и эта власть стала ближе к подданным в своем положительном значении[1]. Принимались дополнительные меры по ускорению судебного процесса, возведённые в число основных правил (принципов) судопроизводства[2]. Правила уголовного судопроизводства, принятые во времена Екатерины II, с небольшими изменениями просуществовали до середины XIX века.

Новой вехой в развитии принципов уголовного судопроизводства в России стала судебная реформа 1864 года, в результате которой был осуществлен переход от розыскного типа уголовного процесса к смешанному. Это позволило появиться новым принципам уголовного процесса, таким как: состязательность, презумпция невиновности, осуществление правосудия только судом, непосредственность и устность, гласность судебных заседаний, свободная оценка доказательств, участие народного элемента в рассмотрении уголовных дел, совокупность положений о проверке приговоров (рассмотрение дела не более чем в двух судебных инстанциях, возможность отмены окончательных судебных приговоров только в особом порядке кассации), законность.

Эти принципы в дальнейшем получили развитие в Уставе уголовного судопроизводства (1864). Определенную сложность для восприятия и использования принципов уголовного судопроизводства было отсутствие специальной главы, посвященной описанию принципов уголовного процесса.

---

[1] Scharf C. Modernisierung und Absolutismus: Die Reformen Katharinas II. Von Russland // Begegnungen Schriftenreihe des Europa Institutes Budapest, Band 22. URL: http://www.europainstitut.hu/index.php/publikationen/begegnungen/17-begegnungen/488-begegnungen22scharf (дата обращения: 20.02.2023).

[2] См.: Хильдегард П. А. Проведение судебной реформы Екатерины II на Среднем Урале: деятельность верхних и нижних расправ 1780–1790 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018. С. 45–46.

Например, общие вопросы принципа законности при производстве по уголовному делу находятся в разных главах Устава уголовного судопроизводства (ст. 403, 406–407, 563 и т. д.).

Большая роль в систематизации принципов уголовного судопроизводства принадлежит ученым-процессуалистам конца XIX – начала XX века[1], которые в своих работах смогли раскрыть их содержание, обозначили критерии, по которым отдельные положения уголовного судопроизводства можно отнести к принципам уголовного процесса.

Предложенные критерии были обусловлены основными свойствами уголовного процесса, такие как его гуманистическая направленность, забота об интересах не только государства и общества, но и личности. Таким образом в процессуальной литературе того времени были сделаны первые шаги в анализе основных начал (принципов) уголовного судопроизводства как системы. Следует отметить, что дореволюционные процессуалисты не проводили теоретические изыскания применительно к учению о принципах уголовного процесса. В научной литературе того времени учеными процессуалистами для обозначения наиболее важных черт уголовного судопроизводства применялись такие термины как «основные начала уголовного процесса», иногда «основные положения»[2], «коренные требования»[3], «коренные стихии»[4], «коренные условия»[5]. Все эти термины в уставе уголовного судопроизводства употреблялись в качестве синонимов. Иногда можно увидеть сравнения

[1] См., например: Плетнев В. Д. Основные принципы военно-уголовного процесса в связи с главными основаниями общего. Санкт-Петербург, 1908. С. 25; Полянский Н. Н. Уголовный процесс: уголовный суд, его устройство и деятельность. Москва, 1911. С. 11; Щегловитов И. Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства (вступительная лекция, читанная в Императорском училище правоведения 10 сентября 1903 г.) // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 9. С. 103–152; Лукьянов В. А. Основные начала и формы уголовного судопроизводства // Юридический журнал. Санкт-Петербург, 1861. № 8. С. 430.

[2] Духовской М. В. Русский уголовный процесс. Москва: Склад издания в книжном складе М. В. Клюкина, 1910. С. 137.

[3] Там же. С. 162.

[4] Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: теоретическое и практическое руководство. Часть I: Об уголовном преследовании и об иске о вознаграждении за вред и убытки от преступления. Санкт-Петербург: Тип. Ф. С. Сущинского, 1866. С. 14.

[5] Чебышев-Дмитриев А. П. Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 20 ноября 1864 г. Санкт-Петербург: В. П. Печаткин, 1875. Ч. 1. С. 604.

важнейших характеристик уголовного судопроизводства с «краеугольными камнями, на которых укрепляется и покоится все здание уголовного правосудия»[1]. Данные научные положения в определенной мере помогали судьям при рассмотрении уголовных дел, при разрешении различных сложных ситуаций, казусов.

Анализ основных положений уголовного судопроизводства 1864–1917 гг. и советского периода указывает на их сходство, что объясняется сохранившимся в настоящее время смешанным типом уголовного процесса.

Принципы советского уголовного процесса были сформулированы уже в 1918–1920 гг. в декретах о суде и других законах, регулирующих вопросы уголовного судопроизводства. Так, новой властью подтверждались такие принципы, как письменность, право на защиту, в соответствии с которым любое лицо могло осуществлять защиту в уголовном судопроизводстве. Все они связаны с Основными законами государства (Конституция) 1924, 1936 и 1977 гг., и отражены, правда, с небольшими изменениями и дополнениями в уголовно-процессуальных кодексах 1922–1923, 1960 гг.

Теоретик уголовного процесса М. С. Строгович в своих исследованиях не только описывал отдельные принципы советского уголовного процесса, но и указывал на их связь с политическим режимом государства, общими принципами советского права, типом процесса[2].

Советское уголовно-процессуальное законодательство, таким образом, содержало направления для определения системы принципов советского уголовного процесса, а с другой стороны — оставляло открытыми вопросы о соотношении принципов и более частных норм, о том, каким именно нормам законодатель придает значение принципов.

В 1998 году Российская Федерация вошла в Совет Европы, и с этого момента на территорию Российской Федерации распространилась юрисдикция решений Европейского суда по правам человека

[1] Квачевский А.А. Указ. соч. С. 15.

[2] См.: Строгович М. С. Принципы советского уголовного процесса // Советское право. 1927. № 1. С. 92–111.

(далее — ЕСПЧ), действующего на основании Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950).

Вопросы внедрения и фактического применения европейских стандартов справедливого судебного разбирательства в российском уголовном судопроизводстве по-прежнему сохраняют свою актуальность, поскольку решения ЕСПЧ длительное время влияли на решения государственных и судебных органов, в частности по вопросам уголовного судопроизводства. Однако следует отметить, что в настоящее время подобной зависимости нет, в связи с тем, Российская Федерация вышла из состава стран Совета Европы в 2022 году.

Согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод, «каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»[1] (п. 1 ст. 6).

Конституция Российской Федерации содержит ряд положений, представляющих собой элементы концепции справедливого судебного разбирательства: гарантированность судебной защиты прав и свобод (ст. 18, ч. 1 ст. 46), основы самостоятельности и независимости судей (ст. 10, п. е ст. 83, п. ж ч. 1 ст. 102, ст. 120–122, 124, ч. 1 и 2 ст. 128), равенство всех перед законом и судом (ч. 1 ст. 19), открытость судебного разбирательства, состязательность и равноправие сторон (ч. 1 ст. 47, ст. 118, 126, 127) и др.

Конституционные положения, закрепившие основы справедливого судебного разбирательства, получили развитие в отраслевом процессуальном законодательстве, в частности, в нормах УПК РФ: разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6^1), осуществление правосудия только судом (ст. 8), презумпция невиновности (ст. 14), состязательность сторон (ст. 15), обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16), свобода оценки доказательств (ст. 17), право на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19).

[1] Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Принципы уголовного судопроизводства, от соблюдения которых во многом зависит эффективная реализация концепции справедливого судебного разбирательства, изложены в главе 2 УПК РФ.

Важными элементами общей концепции справедливого судебного разбирательства являются положения о состязательности и равноправии сторон (принцип равных возможностей сторон в процессе), которые отражены в ряде международных и внутринациональных правовых актов.

В публикациях, посвященных вопросам справедливого судебного разбирательства в уголовном судопроизводстве, правильно отмечается, что состязательность и равноправие сторон являются общепризнанными мировыми стандартами, составляющими суть общей концепции справедливого судебного разбирательства[1].

Таким образом, состязательный тип судопроизводства рассматривается как основное направление развития уголовно-процессуального права. Вместе с тем, ряд последних изменений, внесенных в УПК РФ, свидетельствует о попытках законодателя регламентировать активную роль суда в исследовании доказательств.

ЕСПЧ в постановлениях по делам «Брандштеттер против Австрии», «Роу и Дэвис против Соединенного Королевства»[2] сформулировал сущность состязательности, которая заключается в том, что и обвинение, и защита должны обладать возможностью знать и комментировать доводы и доказательства, представленные противной стороной.

По мнению европейских юристов, состязательность процесса означает главным образом возможность сторон ознакомиться со всеми представляемыми документами или замечаниями и комментировать их с целью влияния на решение суда.

Право на состязательное производство тесно связано с принципом равноправия сторон, который означает предоставление сторонам

---

[1] См.: Алексеева Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2003. С. 58–64.

[2] См.: Постановление ЕСПЧ по делу «Брандштеттер против Австрии» (Brandstetter vs. Austria) от 28 августа 1991 г. Ser. A. No. 211. P. 27–28, § 66–67; Постановление ЕСПЧ по делу «Роу (Rowe) и Дэвис (Davis) против Соединенного Королевства» от 16 февраля 2000 г. № 28901/95, § 60.

уголовного процесса равных процессуальных прав и равных возможностей. Также равноправие сторон в уголовном процессе означает, что ни одна из сторон не может иметь перед судом преимуществ в доказывании, заявлении и удовлетворении ходатайств, никакие доводы сторон не могут иметь заранее установленной силы, т. е. положение сторон в процессе должно быть справедливо уравнено.

С точки зрения ЕСПЧ равноправие и состязательность сторон означает, что обвинение и защита должны получать доступ к информации и иметь возможность комментировать приобщенные к делу замечания и представленные другой стороной доказательства, которые могут оспариваться в присутствии обвиняемого. Также положение о равноправии сторон предполагает в ходе уголовного разбирательства одинаковое обращение со свидетелями, как со стороны защиты, так и со стороны обвинения.

Анализ и сопоставление норм, содержащихся в УПК РФ и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, свидетельствует, что большинство стандартов справедливого судебного разбирательства, Конвенции отражены в положениях российского уголовно-процессуального законодательства. При этом, безусловно, указанные стандарты служат основным ориентиром для развития национального законодательства в сфере уголовного правосудия.

ГЛАВА 2
СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

2.1. Формально-юридический подход

Формально-юридический подход представляет собой технику обращения с законодательными предписаниями и требованиями, с источниками правил правового назначения и позволяет определять юридические понятия, выявить их признаки, проводить классификацию, толковать содержание правовых предписаний и так далее.

Значение термина «формальный», предложенное толковыми словарями, раскрывает его содержание через понятие формальности (учет и строгое исполнение всех формальностей, процедуры, внешности дела) и формализм (приверженность к соблюдению формальностей, педантство, обрядовость)[1]. Зачастую толкователи указывают в качестве синонимов этого термина такие прилагательные как «официальный», «законный». Обоснованно говорится о формализации как о сведении сущности явления к его форме (конструкции) или представлении содержательной стороны явления в виде формальной системы или исчисления.

В юридической плоскости метод представляет собой совокупность приемов исследования юридических фактов (событий, документов, вещественных и иных доказательств) с их оценкой и истолкованием по определенной схеме, в определенной логической последовательности и с использованием специальных терминов и конструкций — юридических правил и принципов, юридических фикций («юридическое лицо») и утверждений.

Характерной особенностью формально-юридического метода является совокупность приемов, нацеленных на изучение обязательных требований, которые включены в правовые обычаи и законы. Этот метод помогает выработать умение отличать юридические факты и события

[1] См.: Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург: Рипол-Норинт, 2008. С. 896.

от всех иных, а также навык законно (законопослушно) использовать правовые дозволения и запреты на практике. Этот же метод помогает отличать юридические законы от других законов и правил (природных, моральных, технических, спортивных, ритуальных и т. д.).

Для него характерно употребление специальных терминов и особой логики рассуждений, мышление дефинициями (определениями) и юридическими конструкциями (физические лица, юридические лица, наследование по закону или по завещанию).

Этот метод весьма практичен и употребляется не только юристами-профессионалами, но и всеми заинтересованными в правильном понимании юридических текстов людьми.

Формально-юридический подход характеризуется следующими особенностями.

1. В качестве основы формально-юридической оценки правовой нормы принимается правовая норма, более высокая по уровню отношений, чем исследуемая. Например, исследуя принципы уголовного судопроизводства США, необходимо учитывать особенности правовой семьи англосаксонского (островного) права и использовать ее инструментарий и подходы для формулирования выводов.

2. Применение формально-юридического метода к правовым категориям осуществляется при одновременном учете официальных юридических позиций, распространенных в затрагиваемых государствах и правовой концепции в государстве, в котором проводится исследование. При формально-юридическом подходе необходимо опираться не только на господствующую позицию, но и на официальные источники права, на значимые научные изыскания в данной области как в государстве исследования, так и в других государствах. Например, сравнивая правовые режимы Китайской Народной Республики (КНР) и Специального автономного района КНР Сянган (Гонконг), надлежит брать за основу право (законодательство) КНР и САР КНР, с обязательным учетом данных положений производить научные изыскания, исходя из общетеоретических знаний о правовом режиме (разработанных в отечественном праве исследователя, а также в КНР).

3. Если в ходе формально-правового исследования выяснится, что в стране исследования нет соответствующих исследований, то следует руководствоваться общетеоретическими закономерностями законодательных конструкций возникновения, развития и функционирования в доктрине международного права, либо в ином государстве. Например, в стремлении раскрыть законодательную конструкцию уголовно-правовой ответственности в Российской Федерации и США, необходимо учитывать, что субъектом уголовной ответственности в Российской Федерации может быть только физическое лицо, в отличии от США, где вопросы уголовного и гражданского права тесно переплетены между собой, что позволяет законодателям США считать субъектом уголовного права не только физическое лицо, но и юридические лица.

4. Формально-юридический метод познания подразумевает необходимость сопоставления юридических свойств изучаемых категорий с позиции их строения и места в правовой системе. Например, попытка разобраться в специфике юридической техники, принятой в соответствующих государствах, не может быть признана удачной при отсутствии единого подхода к формальным критериям для сравнения, которыми могут стать: способы изложения норм права в нормативно-правовых актах; структура модельных законов; содержание техники индивидуальных правовых актов.

5. Началом формально-юридического является определение объекта исследования, который применим к любым правовым объектам исследования. В настоящее время можно назвать наиболее важные его составные части формально-юридического подхода.

Понятие правовой категории и составляющие ее основные признаки; цели, задачи, функции и назначение правовой категории; принципы правовой категории; структура (элементы) правовой категории; классификация (виды) правовой категории; место и роль правовой категории в системе близких правовых категорий; горизонтальные и вертикальные связи (взаимодействие) правовой категории с другими правовыми феноменами.

Таким образом, формально-юридический метод помогает уяснить, как тем или иным правом пользовались при разрешении внезапных споров и затяжных конфликтов, какие принципы (исходные начала) имели при этом наивысший авторитет и получали свое применение в ходе изучения и толкования требований, установленных законами государства, или требований неписанных законов (требований обычая, обычного права).

Подходя к систематизации принципов уголовного процесса с озвученных нами формально-правовых позиций, необходимо определить, что является предметом систематизации.

Традиционно под принципами уголовного судопроизводства понимаются наиболее общие, максимально или предельно обобщенные положения, являющиеся основой для уголовного процесса[1]. Раскрывая теоретические положения общей теории права, ученые понимают под принципами некие руководящие нормы, а сами принципы распределяют на две группы: общие или общеправовые и отраслевые или межотраслевые.[2] Общие принципы рассматриваются как руководящие положения, исходные начала всего права либо его отдельной отрасли[3]. Например, принцип уголовного судопроизводства — презумпция невиновности обвиняемого (ст. 14 УПК РФ) является производным от конституционного принципа, что обвиняемый является невиновным до того момента, пока его виновность не будет установлена приговором суда (ст. 49 Конституции Российской Федерации).

В противоположность общим принципам, отраслевые принципы имеют сходство с принципами общей теории права, но только в той области права, в которой они сложились. Принципы уголовного процесса определяются как начала организации уголовного судопроизводства в судебной и правоохранительной деятельности. Например, принцип языка уголовного судопроизводства указывает, что уголовное

---

[1] См.: Безруков С. С. Принципы уголовного судопроизводства: сфера влияния. // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2010. № 2 (13). С. 138.

[2] См.: Теория государства и права: учебник / Под ред. Пиголкина А. С. Москва, 2006. С. 238.

[3] См.: Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головко. 2-е изд., испр. Москва: Статут, 2017. С. 408.

судопроизводство в Российской Федерации ведется на русском языке, а также на государственных языках республик, входящих в состав Российской Федерации. Если участник уголовного судопроизводства не владеет языком уголовного судопроизводства, то ему должен быть предоставлен переводчик. Принцип языка уголовного судопроизводства УПК Эстонской Республики (ст. 9) говорит о том, что судопроизводство осуществляется в Эстонской Республике на эстонском языке или при наличии решения органа расследования или суда на ином языке, если, например, большинство участников уголовного судопроизводства им владеют[1].

Таким образом, конструкция систематизации принципов, применяемых при формально-юридическом подходе, воспроизводит классическую модель любой правовой нормы, но сопряжена с особыми ожиданиями сторон от её выполнения. Можно допустить, что для реализации своего потенциала принципы права, будучи нормами, содержащими в себе описание базовых ценностей, должны получить такой же отклик в обществе, что и нормы морали, с той лишь разницей, что соблюдение принципов права должно обеспечиваться как минимум так же, как и соблюдение иных правовых норм, а терпимость к нарушению принципов права, в отличие от норм морали, должна отсутствовать. Поэтому не только юридическая общественность, но и общество в целом должно быть вовлечено в защиту таких правил. Однако этого не произойдет, пока общество не воспримет правила принципов права важными для себя. Если мы нуждаемся в принципах права, мы должны понимать, что их действенность обеспечивается не только посредством закона и деятельности органов государственной власти, не только путём реализации принципа верховенства права и независимости лиц, участвующих в правоотношениях. Общество и общественное мнение, а не только власть государства, должны обеспечивать исполнение норм, содержащихся в принципах права. Реальность принципов права для правоотношений достигается не столько за счёт понуждения к стремлению соблюдения

[1] См.: УПК Эстонской Республики. Таллин: Riigi Teataja Kirjastus, 2004. С. 8.

или к исполнению нормативно декларированной модели «идеальных отношений», отображающих взгляды неких индивидов. Она достигается через сложный механизм, обеспечивающий среди прочего усвоение, восприятие этих норм, выработку у всех потенциальных участников правоотношений. Но и их восприятия в качестве единственно допустимых и правильных, вплоть до отображения таких норм в культуре общества в целом и правовой культуре в частности. В силу своей особенности принципы права могут и должны приобретать черты не только собственно правовых норм, но и моральных императивов, позволяя тем самым участникам правоотношений полагаться на моральную интуицию. Это в полной мере применимо и к принципам уголовного судопроизводства.

Необходимо отметить, что состав и содержание отдельных принципов при формально-юридическом подходе остаются дискуссионными, несмотря на прошествии достаточно длительного времени действия УПК РФ. Ученые предлагают, как дополнить, так и сократить количество принципов, а в некоторых исследованиях по вопросу совершенствования уголовного судопроизводства содержатся предложения по изменению содержания, наименования отдельных принципов уголовного судопроизводства.

Так, является дискуссионным отнесение к принципам уголовного судопроизводства, сгруппированного в ст. 6 УПК РФ такого положения, как назначение уголовного судопроизводства.

С точки зрения формально-юридического подхода данный принцип должен соответствовать формальным требованиям и содержанию с точки зрения юридической техники. Общая теория права под принципами той или иной отрасли права понимает руководящие нормы права, определяющие содержание и направления правового регулирования[1]. Однако, в указанной нами статье — назначение принципов уголовного судопроизводства — не закреплены какие-либо нормы и направления правового регулирования. Скорее, наоборот, название статьи и ее содержание говорит о закреплении цели, или возможно,

[1] См.: Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учебник. Москва, 2019. С. 132.

задачи уголовного судопроизводства, но не принципа уголовного процесса, содержащего нормативного предписание поведения и в идеале санкцию за нарушение этого предписания поведения.

Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих решений указал, что назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) носит общий характер, и своим существованием подтверждает двухэлементное предназначение уголовного судопроизводства. Защиту прав и законных интересов пострадавших от преступлений и защиту личности от необоснованного привлечения к уголовной ответственности, ограничения в правах. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации закрепил за назначением уголовного судопроизводства место среди принципов уголовного процесса[1].

В современных исследованиях ученых процессуалистов назначение уголовного судопроизводства определяется как его цель, задачи, миссия, предназначение, что призвано, по словам А. В. Варданяна, подчеркнуть особую роль уголовного процесса в структуре гражданского общества[2].

Но соглашая с этим, мы все ровно вынуждены констатировать, что с точки зрения формально-юридического подхода назначение уголовного судопроизводства не является принципом уголовного судопроизводства по следующим причинам. Элементами данного «принципа» является цель, задачи и, наконец, сам принцип имеют собственное содержание и не является одним и тем же в юридическом его понимании. Так как цель — это то, к чему нужно стремиться, задачами являются движение в направление достигаемой цели,

[1] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 843-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ганцева Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав подпунктом "д" пункта 1 статьи 13 Федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона "О противодействии коррупции"». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Варданян А. В. Назначение уголовного судопроизводства: историко-гносеологический подход // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 3(86). С. 137.

и наконец, принципы являются всего лишь способами для достижения цели уголовного судопроизводства[1].

Таким образом, поскольку назначение уголовного судопроизводства не является принципом уголовного судопроизводства, учеными-процессуалистами предлагаются следующие пути решения данной проблемы.

По мнению одних ученых, данное законоположение следует перенести в главу первую «Уголовно-процессуальное законодательство», посвященную законам, определяющим назначение уголовно-процессуального законодательства, где будет находиться статья о назначении уголовного судопроизводства[2].

Однако на наш взгляд выделение статьи «Назначение уголовного судопроизводства» в отдельную главу, которая будет состоять из одной статьи, было бы странным с точки зрения юридической техники[3].

Возможным выходом на наш взгляд является изменение названия главы второй УПК РФ в «Назначение и принципы уголовного судопроизводства». Мы полагаем, что такое название будет отражать не только содержание главы, но и закрепит за назначением уголовного судопроизводства место среди принципов уголовного процесса. Нам представляется, что, если такое решение будет принято, оно будет соответствовать формально-юридическому подходу в силу того, что всякая система, в том числе и система принципов уголовного процесса, должна иметь определенную цель. Глава должна включать только те положения, которые направлены непосредственно на обеспечение назначение уголовного судопроизводства.

---

[1] См., например: Элькинд П. С. Категории «цель» и «средство» в сфере уголовно-процессуального регулирования // Советское государство и право. 1972. № 8. С. 99–100; Дикарев И. С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008. № 6 (138). С. 73.

[2] См.: Матейкович М. С. Реализация конституционных норм и защита прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 26–35.

[3] См.: Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). Москва, 2003. С. 119.

2.2. Типологический подход

Исследование типологии уголовного процесса, в частности типологии принципов уголовного процесса, является одним из важных объектов научного исследования. До настоящего времени процессуалисты не пришли к единому мнению о количестве типов уголовного судопроизводства. Несколько веков ученые-процессуалисты изучают это феномен; за столетия взгляды изменялись как с развитием науки уголовного процесса, так и с развитием общества и государства в целом. Наибольшие изменения происходили в прошлом веке после событий 1917 года и в конце 80–90 гг.

Проблема разновидностей типов уголовного судопроизводства, их принципов заинтересовала ученых-процессуалистов с середины XIX века. Это было обусловлено проводившейся реформой уголовного судопроизводства, связанной с изданием «Судебных уставов» (1864)[1].

В юридической литературе[2] того времени активно обсуждался вопрос, какой тип уголовного процесса, а следовательно, и набор принципов уголовного судопроизводства лучше и эффективнее будет решать задачи, поставленные обществом и государством перед уголовным судопроизводством. В результате решения этих задач российскими учеными процессуалистами были разработаны положения о типологии уголовного судопроизводства. Одну из типологий назвали «исторической», так как она предполагала обобщение истории развития положений о типах и началах уголовного судопроизводства[3].

Историческая типология принципов уголовного процесса предполагает существование общей линии в общественном развитии. Данная типология указывает на исторические закономерности при смене типов уголовного процесса. По мнению И. Л. Петрухина, в развитии национальных моделей принципов уголовного процесса

---

[1] См.: Калиновский К. Б. Основные виды уголовного судопроизводства. Санкт-Петербург, 2002. С. 63.

[2] См.: Щегловитов С. О значении начал устности и непосредственности // Журнал Гражданского и Уголовного права. 1878. № 8. С. 35–39.

[3] См., например: Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Санкт-Петербург, 1910; Хрестоматия по уголовному процессу России. Москва, 1999. С. 62.

(англосаксонской, франко-германской, российской) имеются общие закономерности, единый порядок развития, сменяющий последовательно ранний обвинительный, средневековый инквизиционный и, наконец, состязательный типы уголовного процесса[1]. Однако, соглашаясь в целом с данным тезисом, необходимо учитывать, что не все государства, существующие в настоящее время, прошли исторические типы уголовного процесса.

Например, к таким государствам как Российская Федерация, Великобритания, Франция, Швеция и другим, имеющим многовековую истории развития как государство, правило, предложенное И. Л. Петрухиным, без сомнения применимо.

Другие государства, которые в силу особенностей развития своей государственности не могли пройти весь путь от раннего обвинительного до состязательного типов уголовного процесса, развили инквизиционный или состязательный тип, «пропустив» предшествующие этапы, и внедрили в свое уголовное судопроизводство соответствующий набор принципов уголовного процесса.

К ним относятся государства, образовавшиеся в XVIII веке (Соединенные Штаты Америки, Швейцарская конфедерация), а также образовавшиеся как государства в XX веке (страны, входившие в состав СССР, страны, входившие в бывший социалистический лагерь, страны сформировавшиеся как государства в результате борьбы с колониализмом — страны Африки, Ближнего востока, Иран, Ирак и др.).

Представляет интерес такой феномен в развитии права, в частности, в развитии принципов уголовного процесса, как соотношение интересов личности и общества, государства. Данное соотношение является примером фундаментальных противоречий между индивидуальным и коллективным подходами в конструировании принципов уголовного процесса, которое охватывает все сферы жизни общества[2].

Эволюционное развитие общественных отношений позволяет членам общества приобретать с каждым этапом развития больше

[1] См.: Петрухин И. Л. Правосудие: время реформ. 2-е изд. Москва: Юридическая литература, 2001. С. 3.

[2] См.: Алексеев С. С. Теория права. Москва: Юрайт, 2004. С. 142.

свободы, таким образом, степень свободы человека является важным показателем эволюции принципов уголовного процесса, а также объема реализуемых прав участников уголовного судопроизводства при производстве по уголовным делам. Таким образом, принципы уголовного судопроизводства наряду с правами человека, интересами государства и общества должны определять назначение, содержание и формы уголовно-процессуальной деятельности, ее методы и статус ее участников.

Из этого следует, что в теории уголовного процесса существенным признаком, влияющим на формирование принципов уголовного процесса, считается соотношение интересов личности и государства. Представляется, что данный признак и должен служить основанием исторической типологии принципов уголовного процесса[1].

Реализуя задачи, поставленные перед уголовным судопроизводством, учитывая необходимый в определенный исторический отрезок развития государства объем гарантий, способов защиты (или их отсутствия) прав вовлечённых в уголовное судопроизводство участников, в зависимости от системы сбора и оценки доказательств и от того, на ком лежит бремя доказывания, от решений, принимаемых судом, выделяют следующие типы уголовного процесса, существовавшие в разные периоды времени в различных государствах: обвинительный, розыскной (инквизиционный), состязательный и смешанный. Таким образом, все вышеперечисленные факторы в конечном счете влияют на количество и качество применяемых в уголовном процессе принципов.

Обвинительный процесс возник в период рабовладельческого строя и был характерен для феодального общества. Отличительной чертой обвинительного строя было то, что в роли обвинителя выступал потерпевший, который сам возбуждал и прекращал уголовное дело. Стороны в уголовном судопроизводстве имели условно равные права. Способами разрешения спора служили судебный поединок, клятвы, испытание огнем, раскаленным железом или водой (ордалии). Отметим, что Псковская судная грамота допускала возможность участия

[1] См.: Калиновский К. Б. Законность и типы уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1999. С. 47–50.

в судебном поединке не только мужчин, но женщин. Главным требованием было то, что участники поединка должны быть равны по физической силе. Малолетние, престарелые, инвалиды, служители церкви могли выставлять на поединок представителя-наймита. Судебник 1497 года, закрепляя это правило, допускал возможность участия в судебном поединке как лично, так и через представителя[1]. Таким образом, можно констатировать, что в древнем обвинительном процессе сформировался хорошо известный современному уголовному процессу принцип уголовного судопроизводства — равенство сторон при судебном рассмотрении уголовного дела.

В розыскном процессе появился новый принцип уголовного судопроизводства — письменность, как способ документирования — фиксация процесса на бумаге, обвинительный процесс такого не знал. Письменная фиксация стала важным шагом к формированию такого важного принципа уголовного судопроизводства, как публичность и законность. По словам В. К. Случевского, «на государственного обвинителя возлагалась обязанность ради интересов общества и государства, то есть публичных интересов начинать обвинительной властью уголовное преследование»[2]. Существовала система формальных доказательств, согласно которой главным свидетельством виновности являлось признание обвиняемого, причем при получении доказательств широко практиковались пытки. По окончании следствия выносился один из следующих приговоров: обвинительный, реже оправдательный, либо оставление в подозрении при недостаточности доказательств для вынесения обвинительного приговора.

Разновидностями розыскного типа уголовного процесса являются:

– уголовная расправа — это первая и элементарная разновидность розыска, когда орган государственного управления разрешает уголовное дело при отсутствии процессуальной процедуры и практически без доказательств;

---

[1] См.: Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство. Санкт-Петербург, 1884. С. 207.

[2] Случевский В. К. Учебник уголовного процесса (судопроизводства). Санкт-Петербург, 1892. С. 37.

– инквизиционный процесс — это такая разновидность розыска, в котором специальный судебный орган разрешает дело сразу в судебном заседании по детально урегулированной законом процедуре;

– следственный процесс как бюрократическая разновидность розыска характеризуется наличием предварительного расследования, проводимого одним из судей — следователем, в условиях формальной системы доказательств;

– судебный приказ — современная разновидность розыскного производства, в которой судья в условиях очевидности рассматривает дело об уголовном поступке и выносит решение (приказ), которое исполняется при согласии с ним обвиняемого. В российском праве судебный приказ применяется при рассмотрении административных и гражданских дел.

Развитием обвинительного типа уголовного процесса является состязательный тип уголовного процесса. Особенностью данной правовой конструкции является то, что стороны (обвинение и защита) наделены равными процессуальными правами, и при рассмотрении уголовного дела в суде каждый доказывает обстоятельства, на которые ссылается. Судья, создавая сторонам равные условия для предоставления доказательств, наблюдает за соблюдением сторонами правил и определяет, какая сторона выиграла дело.

Таким образом, суд занимает независимое положение, оценивает доказательства, по собственному убеждению, но при этом сохраняются некоторые положения формальных доказательств (например, признание обвиняемым своей вины). В состязательном типе уголовного процесса применяются упомянутые нами принципы законности, состязательности, публичности, к ним добавляются презумпция невиновности, независимость суда, обеспечение свободы личности, уважение человеческого достоинства и др.

Состязательный процесс характерен не только для государств с англо-саксонской системой права, где он зародился, но и для большинства современных государств. Однако, необходимо отменить, что в этого классическом понимании состязательный тип уголовного процесса представлен только в США и Великобритании.

Классифицировать разновидности состязательного типа уголовного процесса можно с точки зрения исторического развития:

– Частно-состязательный тип уголовного процесса подчинен частному интересу сторон, которые ведут спор по своему усмотрению перед пассивным судом. Частно-состязательный процесс делится на обвинительный (представляющий формальный поединок сторон перед судьёй-секундантом), например дуэль. Другой разновидностью является частно-исковой тип уголовного процесса (в котором суд оценивает собранные сторонами доказательства по собственному внутреннему убеждению). В России этот тип уголовного процесса появился по реформе уголовного судопроизводства 1864 года, просуществовал до 1917 года, потом был забыт и восстановлен в современном российском процессе при производстве по делам частного обвинения. В таких делах обвинителем является сам потерпевший, поэтому дело подлежит возбуждению только по его заявлению, а при его примирении с обвиняемым прекращается.

– Публично-состязательный уголовный процесс основан на гласном рассмотрении уголовного спора с предоставлением сторонам равных прав при активной роли суда. Публичные интересы защищают представители государства — органы прокуратуры, они же и выдвигают обвинение. В качестве принципа уголовного процесса применяется презумпция невиновности, суд активно собирает доказательства.

– Смешанный тип состязательного процесса в стадиях досудебной подготовки материалов имеет признаки розыскного процесса с незначительными элементами состязательности (избрание судом меры пресечения, рассмотрение жалоб на действие должностных лиц предварительного расследования и т. д.). Судебное производство осуществляется по состязательной модели. Смешанный тип состязательного уголовного процесса присущ государствам, в которых развивалась континентальная модель уголовного судопроизводства (Франция, Германия, Россия и др.).

Российские процессуалисты дореволюционного периода предлагали два подхода к типологии уголовного процесса, а, следовательно, и типологии принципов уголовного судопроизводства.

По мнению И. Я. Фойницкого, В. К. Случевского и других ученых-процессуалистов дореволюционного периода, каждый тип уголовного процесса, набор его принципов, характеризует историю развития государства, в котором исследуется тип уголовного процесса. В соответствии с данным подходом выделяются три последовательно сменяющих друг друга типа: обвинительный, розыскной и смешанный[1].

По мнению Н. Н. Розина в основу типологии должно быть положено отсутствии или наличие уголовного спора между сторонами. При наличии спора тип уголовного процесса следует считать состязательным, если же инициатива в уголовном судопроизводстве отдана одной стороне, а вторая лишена полномочий по сбору доказательств, то данный тип уголовного судопроизводства следует отнести к розыскному типу уголовного процесса. Присутствие уголовно-процессуального спора на отдельных стадиях уголовного судопроизводства относит данный тип уголовного процесса к смешанному типу уголовного судопроизводства. Таким образом, данный вид типологии удаляет из классификации обвинительный тип уголовного процесса[2].

Причинами смены типа уголовного процесса, и, следовательно, и принципов уголовного судопроизводства в каком-либо государстве, могут быть различные факторы. Прежде всего, следует назвать прогресс социальной и духовной свободы личности[3]; обеспечение в процессе права и участия в личности при признании государственного начала уголовного процесса[4]. С другой стороны, значительную роль при смене типа уголовного процесса играют такие исторические события как обретение государством независимости, революция, смена государственного строя, война.

Так, например, развитие принципов уголовного судопроизводства (выраженное в переходе от Новгородской и Псковской судных грамот к Судебнику 1497 года Ивана IV Грозного), реализовалось переходом от древнего обвинительного к розыскному (инквизиторскому)

---

[1] См., например: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Санкт-Петербург, 1910; Случевский В. К. Указ. соч.

[2] См.: Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Петроград, 1916.

[3] См.: Смирнов А. В. Состязательный процесс. Санкт-Петербург: Питер, 2003. С. 27–31.

[4] См.: Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 17–18.

типу уголовного судопроизводства и соответствующему набору принципов уголовного процесса. Отметим, что исторические события могут привести к регрессивному изменению типа уголовного процесса, например, с точки зрения защиты прав участников уголовного судопроизводства. Так, после известных событий в ноябре 1917 года в России, произошла смена типа уголовного процесса от состязательной модели уголовного процесса к розыскной (инквизиторской) уголовного процесса, с соответствующим набором принципов уголовного судопроизводства, что было обусловлено в первую очередь общественно-политическими изменениями, происшедшими в России, а позднее — в СССР. Подобные изменения происходят в такой период истории государства, который характеризуется резким историческим изломом. Так, например, в Иране (Исламская Республика Иран) и в Афганистане (Исламская Республика Афганистан) смена общественно-государственного устройства и кардинальные изменения в идеологии привели к смене состязательной модели уголовного процесса на мусульманскую модель уголовного судопроизводства, которая по своей сути тяготеет к розыскному (инквизиторскому) типу уголовного судопроизводства.

Таким образом, ученые-процессуалисты пришли к выводу, что исторически, в разных странах в различные исторические периоды складывались различные формы уголовного процесса, отличающиеся друг от друга ролью государства, в том числе и карательной, наличием или отсутствием разделения функций, выполняемых сторонами и судом, объемом прав обвиняемого (подозреваемого, подсудимого), способами доказывания вины и иными отличительными признаками. Основными же типами уголовного процесса принято считать обвинительный, розыскной (инквизиционный), состязательный и смешанный.

Полагаем, тип уголовного процесса определяется соотношением свободы личности и государства, частного и публичного начал. При преобладании личных начал, тип уголовного процесса следует относить к частно-состязательному типу, при поглощении публичным началом частного — к розыскному, а при ограниченном сочетании

частных и публичных начал, формальном равенстве гражданина и государства — к публично-состязательному типу.

Можно сделать вывод, что принципы уголовного процесса, вне зависимости от того, какая законодателем была выбрана модель уголовного судопроизводства (обвинительная, розыскная или смешанная), являются результатом стремлении общества оградить участников уголовного судопроизводства от незаконных действий со стороны лиц, наделенных властными полномочиями в сфере уголовно-процессуальной деятельности.

В заключение данного параграфа упомянем об особенностях построения принципов в уголовном судопроизводстве мусульманских государств.

В исламском уголовном судопроизводстве отсутствуют какие-либо процессуальные подробности, а присутствуют лишь устанавливающиеся руководящие принципы (руководства к действию). Это связано с тем, что с точки зрения шариата, в процедурном отношении уголовное судопроизводство должно развиваться и совершенствоваться в соответствии с изменяющимися потребностями людей и различными жизненными обстоятельствами. Конкретные же детали построения системы производства по уголовному делу, в том числе процедур, которые могут использоваться в системе уголовного правосудия, должны определяться мусульманами, в зависимости от обстоятельств, исходя (руководствуясь) из основных принципов шариата.

Учитывая, что принципы уголовного процесса являются «фундаментом» его построения, можно сделать вывод, что и назначение самого уголовно-процессуального порядка несколько меняется, и если первоначально это был некий обряд передачи (представления) воли Бога, то впоследствии с развитием централизованного государства, укреплением государственной власти и развитием розыскных начал процессуальный порядок уголовного судопроизводства все более формализуется через единство формы, предпринимаются попытки создания условий, гарантирующих в большей или меньшей степени охрану прав и свобод лиц, попавших в сферу уголовно-процессуальных отношений.

Поэтому, на наш взгляд, интересен взгляд на формирование принципов уголовного судопроизводства в странах, исповедующих ислам в качестве государственной религии.

В мусульманских странах уголовное судопроизводство осуществляется по состязательной модели, но с учетом особенностей, которые проявляются с применением в уголовном судопроизводстве письменных памятников религиозного толка (Коран [1]).

Говоря об исламском уголовном процессе, можно говорить о так называемых коранических (богословских) принципах, то есть положениях, сформулированных и применяемых в священной книге мусульман — Коране, и охватывающих все стороны жизни правоверного мусульманина, а не только исламское уголовное правосудие.

Нам представляется, что можно выделить четыре таких принципа.

Первым принципом уголовного судопроизводства, сформулированным законодателями в мусульманских государствах, является возложение ответственности за содеянное на лицо, совершившее преступление по справедливости, и не привлечение лица необоснованно, без наличия оснований к ответственности за содеянное. В некоторых научных работах данный принцип именуются принципом индивидуальной ответственности за преступление[2]. Ислам как религия и образ жизни в мусульманских странах гарантирует право на религию, жизнь, мнение, рождение детей и право на собственность. У граждан мусульманских государств защита этих прав, за каждым из которых стоят охраняемые мусульманским правом духовные интересы, позволяет человеку жить своей жизнью и с достоинством. По сути, имеется в виду своеобразное позитивное дозволение, вытекающее из согласованной с религиозным законом правовой договоренности с государством[3]. С другой стороны, очевидно, что соблюдение подобных договоренностей возможно только тогда, когда человек несет индивидуальную ответственность за свои действия или бездействие. Таким

[1] Коран. На арабском и русском языке // Пер. Э. Кулиева. Москва: УММА, 2022. 1312 с.

[2] См.: Haleem A. M., Sharif A. O., Daniels K. Criminal Justice in Islam: Judicial Procedure in the Shariah. London, 2003. P. 3–16.

[3] См.: Боронбеков С. Основные ценности ислама — объекты охраны шариата // Государство и право. 2003. № 2. С. 92.

образом, это означает, что важным условием назначения наказания является намерение человека совершить преступное деяние. С другой стороны, это предполагает доказанность преступного намерения и, следовательно, определенную степень защиты (права на защиту) в случае обвинения в совершении преступления.

В Коране говорится: «Кто поступает праведно, тот поступает во благо себе. А кто творит зло, тот поступает во вред себе. Господь твой не поступает несправедливо со своими рабами» …. «Кто творит зло, тот получит за него воздаяние и не найдет для себя вместо Аллаха ни покровителя, ни помощника»[1].

Мусульманский подход при реализации принципа возложения уголовной ответственности, по справедливости, требует также при решении вопроса о назначении наказания принимать во внимание степень участия лица в совершении преступления (был ли он исполнителем, или соучастником, или пособником). Не подлежат уголовной ответственности лица, совершившие преступление в состоянии невменяемости. Дети по мусульманскому праву в силу своего возраста не могут нести уголовную ответственность наравне со взрослыми, в отношении них судья может ограничиться выговором воспитательного характера за совершение уголовно-наказуемого деяния.

Очевидно сходство с аналогичными принципами уголовного судопроизводства в России и зарубежных странах, но мусульманские ученые процессуалисты отмечают, что принцип индивидуальной ответственности за содеянное возник в мусульманском права раньше аналогичных законодательных положений в других правовых системах[2].

Следующим принципом уголовного судопроизводства в мусульманских государствах является законность при производстве по уголовному делу. Данный принцип в мусульманском праве, в отличие от европейских государств, имеет две стороны: материальную и процессуальную.

Материальная сторона выражается в определении законом или законами деяний, которые считаются преступлениями, и наказаний,

---

[1] Кулиев Э. Перевод смыслов священного Корана. Москва, 2012. Сура 6, аят 46, 123.

[2] См.: Шалтут М. Гражданская и уголовная ответственность по мусульманскому праву = Ал-масулийа ал-маданийа ва ал-джинаийа фи аш-шариа ал-исламийа. Каир, 1995. С. 8.

которые могут быть назначены за них. Коран допускает возможности освобождения от наказания: «Кто следует прямым путем, тот поступает во благо себе. А кто впадает в заблуждение, тот поступает во вред себе. Ни одна душа не понесет чужого бремени. Мы никогда не наказывали людей, не отправив к ним посланника»[1].

То есть, в соответствии с изложенными выше положениями Корана, никто не может быть обвинен в преступлении и понести наказание, если это прямо не установлено в законе.

Здесь мы видим совпадение определения принципа законности с его материальной стороны в мусульманских странах с аналогичным подходом в иных правовых системах других государств.

Здесь необходимо отметить, что в исламском праве виды преступления должны быть описаны в Коране, и только при выполнении данного условия могут быть отражены в законодательстве мусульманского государства.

Процессуальная сторона законности уголовного судопроизводства выражается в защите личности от произвольного, несправедливого и дискриминационного ограничения их прав со стороны государства.

Таким образом, недопустимо инициировать уголовное судопроизводство без наличия достаточных оснований, наказывать людей за неустановленные судом преступления, или применять к человеку, обвиняемому в совершении преступления (как в ходе, так по результатам рассмотрения дела) необоснованные или не установленные законом санкции.

Также запрещаются пытки, произвольные обыски, аресты и другие меры пресечения. Все это укладывается в наше представление о принципе законности, за исключением небольших особенностей, о которых будет сказано ниже.

Мусульманское уголовное судопроизводство признает широкое судейское усмотрение по определённой категории уголовных дел и применение тазира[2], однако налагаемые судом санкции за преступления

[1] Кулиев Э. Указ. соч. Сура 6, аят 15.

[2] Тазир — в мусульманском праве дисциплинарные меры воздействия в отношения нарушителя закон с целью профилактики совершаемых им правонарушений (преступлений).

всегда должны основываться на Коране или соответствующем ему светском законодательстве. Таким образом, процессуальные аспекты принципа законности правосудия трактуются практически одинаково и признаются во всех странах мира.

Более того, общеизвестным считается тот факт, что связанный с действием данного принципа запрет пыток был присущ мусульманскому праву изначально и практиковался в те времена, когда в странах Запада (и в России) его не существовало.

Но необходимо применительно к принципам мусульманского уголовного судопроизводства учитывать, что исламский принцип законности имеет одно отличие от принципа законности в немусульманских странах. Основным источником права является Коран и Сунны, которым должны подчиняться и соответствовать не только нормативно-правовые акты, принимаемые законодательным органом исламского государства, но и конкретные судебные решения.

Законодательством мусульманских стран предусмотрено преимущество религиозных письменных источников (Коран, Сунны, Законы шариата) в нормотворчестве этих государств. Законами Ирана, Саудовской Аравии и других мусульманских стран предписывается, что законы должны быть основаны на исламских нормах, а судопроизводство осуществляется по законам Шариата[1].

Таким образом, принцип законности в уголовном судопроизводстве в мусульманских государствах определяется приоритетом уголовно-процессуальных правил, отраженных в религиозных источниках (Коран, законы Шариата и т. д.). Которые является не только неким цементом, объединяющим мусульманское общество, но источником, в нашем случае, уголовного судопроизводства.

При отсутствии в религиозных документах предписаний, на основании которых можно решить возникшее в уголовно-процессуальной деятельности противоречие, его разрешают на основании единогласного мнения мусульманских ученых процессуалистов.

[1] См.: Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 1: Западная Азия / Под ред. Т. Я. Хабриевой. Москва: Норма. С. 242; 497.

Третьим принципом уголовного судопроизводства в мусульманских странах является недопустимость применения обратной силы уголовного и уголовно-процессуального закона. Данный запрет поворота к худшему в уголовно-процессуальных правоотношениях в мусульманском сообществе предназначен для защиты человека, который стал недавним приверженцем Ислама и еще не познал закон.

Таким образом, принцип недопустимости обратной силы уголовного закона рассматривается в мусульманских странах в качестве одной из фундаментальных гарантий защиты граждан от злоупотреблений со стороны государственных чиновников и в этой связи имеет важное уголовно-процессуальное значение как принцип уголовного судопроизводства.

Последним принципом уголовного судопроизводства в мусульманских странах является принцип законного судьи. Данные правило в определенной мере сходно с известным нам в российском уголовном процессе принципом независимости судей (ст. 8^1 УПК РФ).

По мнению мусульманских богословов, судья в исламе — это не только лицо, осуществляющее уголовное судопроизводство и правосудие по рассматриваемому уголовному делу, но и уполномоченный Бога на земле, имеющий особое предназначение вершить правосудие, завещанное ему Пророком и его потомками. В этом смысле судья в исламе — это не только образованный человек, изучивший вопросы мусульманской юриспруденции и богословия (получивший образование), но и познавший закон практически. Поэтому решения судьи в исламе имеют силу авторитета, то есть воплощают в жизнь принцип авторитета мусульманского права[1].

Таким образом, мы видим, что принцип осуществления правосудия имеет определенное сходство с известным международно-признанным принципом осуществления правосудия только судом и даже согласован с ним в современных мусульманских правовых системах. Однако исламская специфика его очевидна, она состоит в том, что только человек, получивший образование в области

[1] См.: Марченко М. Н. Правовые системы современного мира: учебное пособие. Москва, 2009. С. 515–517.

мусульманского права и богословия, может стать судьей и отправлять правосудие в соответствии с правилами Корана[1].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что перечисленные коранические принципы уголовного судопроизводства в мусульманских странах отражают религиозно-правовое содержание исламского уголовного процесса. Все перечисленные нами принципы уголовного судопроизводства в мусульманских государствах имеют важное нормативное значение по отношению к исламской форме уголовного процесса, то есть выступают не только в роли регуляторов, но и дают религиозно-правовое объяснение построения производства по уголовному делу.

Предложенная нами характеристика исторической типологии принципов уголовного судопроизводства была бы не полной без указания ее положительной стороны применения данной классификации.

Историческая типология принципов уголовного процесса позволила выявить закономерности смены типов уголовного процесса. Предложенная нами типология принципов уголовного процесса по признаку соотношения частных и публичных начал представляется отвечающей современному правопониманию.

2.3. Диалектический подход

Говоря об изучении принципов уголовного процесса, их классификации с точки зрения диалектики, необходимо коротко сказать об особенностях использования диалектического метода в научном познании, движущей силой которого признается возникновении и разрешение противоречий в самой сущности развивающихся объектов. В основе диалектического метода лежит идея о возникновении и разрешении противоречий в самой сущности развивающихся объектов.

Наука выделяет три базовых закона диалектики: единство и борьба противоположностей, переход количества в качество и отрицание отрицания.

[1] См.: Козлихин И. Ю. Мусульманское право // Правоведение. 2011. № 3. С. 256–257.

Применительно к принципам уголовного судопроизводства закон единства и борьбы противоположностей можно представить как борьбу между стороной защиты и обвинения, которые в процессуальном плане постоянно находятся в конфликте, при этом тактическую победу одерживает попеременно то одна, то другая сторона. Разумеется, их борьба путем изменения набора и свойств принципов уголовного судопроизводства приводит к обновлению, улучшению последнего.

Выделяют различные виды противостояния: соперничество, приносящее выгоду обеим сторонам; борьба, в которой в которой одна сторона регулярно наносит поражение другой, что стимулирует последнюю активно развиваться и переходить на более высокий уровень; стороны имеют общие интересы, поэтому стараются не конфликтовать, реализуя таким образом «союзнические» интересы; стороны имеют разные интересы, но при этом стараются не конфликтовать между собой, соблюдая нейтралитет; для выполнения какого-либо дела стороны должны действовать только вместе и не могут действовать автономно друг от друга, то есть проявляют принцип взаимности.

Противостояние при реализации диалектического подхода в принципах уголовного судопроизводства можно представить следующим образом.

Одним из принципов уголовного судопроизводства является его назначение, в соответствии с которым сторона обвинения, реализуя защиту прав и законных интересов граждан и организаций от преступления, не может реализовать свои задачи в уголовном судопроизводстве без учета интересов стороны защиты, которые заключаются в защите личности от необоснованного обвинения и в реабилитации лица подвергнутого незаконному, необоснованному уголовному преследованию (ст. 6 УПК РФ).

Таким образом, противостояние сторон при реализации данного принципа приносит пользу обеим сторонам при осуществлении уголовного судопроизводства.

Реализуя принцип уголовного судопроизводства, обязывающий суд, прокурора, следователя, дознавателя разъяснить права подозреваемого, обвиняемого в уголовном судопроизводстве и создать условия

для реализации разъясненных прав, сторона юстиции и сторона обвинения постоянно «догоняет» противную сторону — сторону защиты, и должна создать надлежащие возможности для защиты от выдвинутого стороной обвинения подозрения, обвинения (ст. 11 УПК РФ).

Законодатель, постоянно поднимая требования к стороне обвинения, расширяет набор прав, преимуществ для стороны защиты. Так, реализуя правило *favor defensionis*[1] в российском уголовном процессе, законодатель имплементировал заимствованные из англосаксонской системы уголовного судопроизводства (правило Миранды[2]) правила, в соответствии с которыми суд, представители государственного обвинения обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, подсудимому его процессуальные права в уголовном судопроизводстве, в независимости от того, знает ли сторона защиты (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый) о сути своих прав или нет. Это заставляет в первую очередь сторону обвинения постоянно совершенствовать свою деятельность для соблюдения баланса интересов в уголовном процессе.

Уголовное судопроизводство по подавляющему числу преступлений осуществляется в публичном порядке, что означает не только возможность, но и обязанность государства в лице прокурора, следователя, дознавателя и органа дознания осуществлять уголовное преследование (ст. 6, 21 УПК РФ). И, казалось бы, здесь, когда начинается процессуальный конфликт между стороной обвинения и стороной защиты, обе стороны еще на досудебных стадиях уголовного судопроизводства должны занять непримиримую позицию. Конечно, полного единодушия по поводу осуществления уголовного преследования со стороны обвинения у подозреваемого, обвиняемого и их защитника нет.

Сторона защиты защищает свою позицию в вопросах законности и обоснованности начала уголовного преследования, выдвинутого обвинения, применения мер пресечения и принуждения, но почти

---

[1] *Favor defensionis* (лат.) — привилегированное положение защиты.

[2] Правило Миранды — было введено решением Верховного Суда США в 1966 году с целью обеспечения права, известного еще со времен Римского права о том, что задержанный за совершение преступления не обязан свидетельствовать против себя — *nemo tenetur se ipsum accusare* (лат).

полностью игнорирует возможность, предложенную законодателем в части сбора доказательств стороной защиты (ст. 46, 47, 53 УПК РФ).

Подобная «пассивность» стороны защиты связана с тем, что инициатором уголовного судопроизводства является сторона обвинения, поэтому сторона защиты считает, что лучше наблюдать за тем, как сторона обвинения будет собирать доказательства (ст. 14 УПК РФ) и оценивать их позже, в ходе судебного разбирательства. Предварительное расследование, являясь второй стадией уголовного процесса, проводится до суда и для суда, и в своей сути (как это следует из его названия) предваряет будущее судебное разбирательство.

Задачами уголовного судопроизводства являются защита законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступления, привлечение виновных к уголовной ответственности (ст. 6 УПК РФ). В уголовное судопроизводство вовлечено много участников: участники со стороны защиты, со стороны обвинения и иные участники уголовного судопроизводства.

Однако необходимо отметить, что участники уголовного судопроизводства, даже являясь представителями одной из сторон, могут иметь разный интерес (служебный, процессуальный, личный) в уголовном процессе.

Рассмотрим участников уголовного процесса со стороны обвинения. Их несколько: прокурор, следователь, дознаватель, их процессуальные руководители, потерпевший и прочие. И у каждого представителя стороны обвинения свой объем процессуальных прав и обязанностей, которые должны, в идеале коррелироваться между собой с целью реализации основной задачи уголовного судопроизводства — привлечение виновного в совершении преступления к уголовной ответственности.

Однако способы реализации своих прав и обязанностей, их оценка, а стало быть, и процессуальный интерес может быть различными в силу того, что каждый участник помимо реализации обозначенной стратегической задачи также реализует свои тактические задачи в зависимости от привлечения (участия) данного лица в той или иной стадии уголовного процесса.

Так, сложившаяся практика реализации полномочий прокурором как участником уголовного судопроизводства свидетельствует о том, что он заинтересован не только в возбуждении уголовного дела при наличии достаточных оснований, но и в том, чтобы по результатам судебного рассмотрения был вынесен обвинительный приговор, или, в крайнем случае, уголовное дело было прекращено по не реабилитирующим основаниям (ст. 37 УПК РФ).

Следователь, дознаватель заинтересован только в том, чтобы по результатам предварительного расследования уголовное дело было направлено в суд для судебного рассмотрения или, в крайнем случае, чтобы уголовное дело было прекращено на стадии предварительного расследования по не реабилитирующему основанию (ст. 38, 40 УПК РФ).

Орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, заинтересован в том, чтобы по результатам процессуальной проверки было возбуждено уголовное дело.

Интерес же потерпевшего, в первую очередь, потерпевшего от преступления против собственности, заключается не столько в наказании виновного, сколько в возмещении ущерба. Поэтому процедурные моменты расследования уголовного дела, как то: следственные и процессуальные действия, явки к месту производства предварительного расследования, либо к месту судебного разбирательства, которые не приближают потерпевшего к реализации указанного выше интереса в уголовном деле, являются для данного участника элементом раздражения. Это, в свою очередь, является одной из причин уклонения потерпевших от выполнения своих процессуальных обязанностей, что часто можно наблюдать в уголовных делах (ст. 42 УПК РФ).

Итак, мы видим, что участники стороны обвинения должны проявлять мутуализм, чтобы добиться решения основных задач уголовного судопроизводства, указанных в ст. 6 УПК РФ, поскольку набор обязанностей по реализации задач уголовного судопроизводства этому мешает.

Совсем другая ситуация у участников уголовного процесса со стороны защиты: подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, защитник (ст. 46, 47, 53 УПК РФ). Указанные участники имеют почти одинаковый объем прав, реализуют свои права исключительно в своих интересах, что и позволяет им эффективно на всех стадиях уголовного процесса реализовывать свои задачи в уголовном судопроизводстве.

Говоря о применении диалектического подхода при изучении принципов уголовного судопроизводства, мы можем увидеть применение второго закона диалектики — перехода количественных изменений в качественные изменения. Качество понимается в диалектике как стабильная система определенных характеристик. В топологии принципов уголовного судопроизводства качеству соответствует назначение уголовного судопроизводства.

Так, Устав уголовного судопроизводства Российской Империи[1] обязывал выносить решении о виновности или невиновности в совершении преступления на основании приговора суда в точном соблюдении законов (п. 12–14 ст. 2). Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР определяло задачами советского уголовного процесса быстрое и полное раскрытие преступления, изобличение виновных в совершении преступления и привлечение их к ответственности (ст. 2 УПК РСФСР)[2]. Современное российское уголовно-процессуальное законодательство определяет в качестве одного из принципов уголовного процесса одной из задач защиту прав и законных интересов лиц и общества от преступных посягательств и привлечение к уголовной ответственности (ст. 6). Качественная характеристика задач уголовного судопроизводства за последние столетия не претерпела существенных изменений. Говоря о количественных изменениях, которые претерпело законодательство об уголовном судопроизводстве, нужно сказать, что, не меняя качественных характеристик, видим значительные количественные изменения при неизменной качественной характеристике принципов уголовного процесса принципов уголовного процесса. Если Устав уголовного судопроизводства

[1] Устав уголовного судопроизводства Российской Империи. Санкт-Петербург,1886.
[2] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Ленинград, 1983.

Российской Империи общим вопросам уделял 12 статей, то современное российское уголовное судопроизводство уделяет принципам 18 статей, что ясно показывает, законодатель, уделяя внимание данному правовому институту, постоянно его совершенствует. Мерилом единства качества в уголовном судопроизводстве является цель, которая ставится законодателем при конструировании принципов уголовного судопроизводства: чем более конкретны правила уголовного судопроизводства, тем более эффективно защищаются права и законные интересы лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Таким образом, детально разработанные правила осуществления уголовного судопроизводства, дают меньше возможностей для злоупотребления со стороны государственных чиновников.

По словам Наполеона Бонапарта, разработанная процессуальная форма, детально регламентирующая порядок уголовного судопроизводства, является необходимой гарантией осуществления частного интереса. Между формой и произволом власти нет ничего общего, «время, в которое короли, сидя у дерева, судили, было временем варварства»[1].

Диалектический подход в формировании и развитии принципов уголовного процесса можно увидеть в реализации закона отрицания отрицания.

Так, например, в целях ускорения судопроизводства о преступлениях небольшой тяжести, в тех случаях, когда вина лица, привлекаемого к уголовной ответственности, не вызывает сомнений и не требует по мнению законодателя большого объема следственных и процессуальных действий, законодатели «советского» периода развития уголовного судопроизводства сконструировали правовой институт, именуемый протокольной формой досудебной подготовки материалов. Суть его заключалась в том, что по не тяжким преступлениям не было необходимости проводить в полном объеме расследование по уголовному делу, а можно было ограничиться собиранием документов в досудебной стадии уголовного судопроизводства, не придавая большого

[1] Случевский В. К. Указ. соч. С. 18.

внимания соблюдению процессуальной письменной формы. Срок расследования составлял 10 суток, по истечении которых органом дознания составлялся итоговый документ о преступлении — протокол, отсюда название данной упрощенной формы расследования — протокольная форма. Прокурор, утвердив протокол, передавал его в суд, который в упрощенной форме в течение 3 суток принимал судебное решение по материалу[1].

С принятием нового уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, законодатель отказался от подобной формы рассмотрения не тяжких преступлений, мотивировав тем, что при данном порядке разрешения уголовных дел есть большое пространство для злоупотреблений со стороны чиновников, так как «протокольная» форма подготовки материалов для суда ограничивает возможность для стороны защиты противостоять «обвинительному уклону» в уголовном судопроизводстве.

Однако, прошло 11 лет с момента вступления в действие УПК РФ, и законодатель, изменив свое мнение об упрощенном производстве по уголовным делам, ввёл в уголовное судопроизводство порядок рассмотрения уголовного дела сходный с существовавшей ранее «протокольной» формой, назвав ее сокращенным дознанием (глава 32[1] УПК РФ).

Приведем еще один пример. Уголовно-процессуальное законодательство «советского» периода предусматривало обвинительное заключение как итоговый документ, который должен был составить следователь. В этом документе должны были быть изложены не только юридическая квалификация преступления, в совершении которого обвиняется обвиняемый, но и анализ собранных доказательств по уголовному делу, которые, по мнению стороны обвинения, подтверждают выдвинутое в отношении обвиняемого обвинение, включая их краткое изложение[2]. Разработчики российского уголовно-процессуального кодекса отказались от данного подхода, мотивировав это тем, что судьи при постановлении приговора чаще всего

[1] См.: Раздел девятый Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.
[2] Ст. 205–206 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

опираются не на материалы уголовного дела, в котором могут быть доказательства как обвинительные, так и оправдательные, а исключительно на текст обвинительного заключения, тем самым реализуя только «обвинительный» уклон в судебном разбирательстве. Поэтому законодатели в качестве нормы закона закрепили, что орган предварительного расследования в обвинительном заключении должен только перечислять доказательства, не приводя их в сжатом виде, что, по мнению законодателя, должно было бы заставить судей изучать в полном объеме материалы уголовного дела. Но данная норма просуществовала до 2010 года и в нынешней редакции требует от органов предварительного расследования представления не только перечня, но и краткого изложения доказательств, имеющихся в материалах уголовного дело (ст. 220 УПК РФ). Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время законодатель в этой части вернулся к модели составления обвинительного заключения, существовавшего до 2002 года. Таким образом, мы видим, что диалектический закон отрицания отрицания неправильно применялся разработчиками УПК РФ 2001 года, что в конечном счете и привело к корректировке, указанной выше нормы закона, применяемой в конструировании уголовного судопроизводства.

Перейдем к реализации принципов диалектики в уголовном судопроизводстве, в частности, в построении принципов уголовного процесса. Философии известны следующие принципы диалектики: всеобщая связь, системность, причинность и историзм.

Принципы уголовного судопроизводства не могут существовать обособлено, они являются частью правовой конструкции уголовного процесса.

Так, правила, отраженные в них, имеют особое значение для всего уголовного судопроизводства и обязательны для всех органов, осуществляющих деятельность при рассмотрении уголовных дел: органов прокуратуры, органов предварительного расследования, органов дознания и иных участников уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 1 УПК РФ). Уголовный процесс Российской Федерации является важной частью общемировой правовой системы уголовного

судопроизводства и включает в себя общепринятые нормы и правила, разработанные мировым сообществом, тем самым косвенно соприкасаясь с мировой правовой системой в области уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 1 УПК РФ).

Структура принципов уголовного судопроизводства построена таким образом, что, классифицируя правила уголовного преследования, их можно разделить на две группы: принципы конституционные, то есть закрепленные в основном законе страны — Конституции Российской Федерации, и принципы отраслевые, свойственные только уголовному судопроизводству. Таким образом, часть принципов косвенно связана с другими нормативными актами, а другая часть прямо связана с общемировых тенденциями и поэтому имеет прямые связи. Конституционное правило о том, что человек, его права и свободы, является высшей ценностью (ст. 2) корреспондируется с уголовно-процессуальным принципом законности, принципом осуществления правосудия только судом, принципом уважения чести и достоинства (ст. 7–9 УПК РФ).

Вторая группа принципов свойственна только уголовному судопроизводству, поэтому эти принципы принято называть отраслевыми. К ним относятся: обеспечение подозреваемому прав на защиту, презумпция невиновности, неприкосновенность жилища (ст. 12, 14, 16 УПК РФ). Таким образом, в принципах уголовного судопроизводства их классификации прослеживается диалектический принцип всеобщей связи.

Разделение принципов уголовного судопроизводства на две группы — конституционные (общеправовые) и отраслевые выявляет жесткую внутреннюю структуру принципов: невозможно представить реализацию одного отдельно взятого принципа или одной группы принципов вне связи с другими принципами. Все принципы, имея внутреннюю целесообразность, системно дополняют друг друга. Таким образом, в классификации принципов уголовного судопроизводства прослеживается и используется диалектический принцип системности.

Уголовное судопроизводство осуществляется на основании правил, условий, принципов уголовного процесса, которые, как было

указано выше, тесно связаны с нормами Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 1 УПК РФ). Таким образом, при реализации конституционных норм в уголовном судопроизводстве именно в принципах уголовного процесса прослеживается причинно-следственная связь между основным законом Российской Федерации и отраслевым законом, регулирующим правила, принципы, осуществления уголовного судопроизводства на территории России. Из этого следует, что причинность как один из принципов диалектики, также находит свое применение в формировании принципов уголовного судопроизводства.

Принципы уголовного процесса, как правило, регулирующие порядок уголовного судопроизводства, зародились в древности, вероятно тогда, когда человек посчитал возможным создавать, вероятно, вместе с появлением первых общественных формирований (род, племя, первые государства).

Например, один из принципов уголовного судопроизводства — публичный характер правоотношений при расследовании уголовных дел, зародился в римском праве и именовался деятельностью по защите государственных, общественных интересов от преступных посягательств (лат. *crimen publicun* — публичное преступление)[1]. С течением времени принципы уголовного процесса изменялись, дополнялись новыми нормами, позволяющими при осуществлении уголовного судопроизводства соблюдать известный баланс интересов, который имеется при осуществлении уголовного судопроизводства по состязательной модели. Это говорит о том, что уголовное судопроизводство, вероятно, будет постоянно совершенствоваться вместе с ходом исторического развития общества

Таким образом, диалектический принцип историзма также находит свое применение в формировании классификации принципов уголовного процесса.

Таким образом, при классификации принципов уголовного судопроизводства могут применяться диалектические методы в формировании правил уголовного процесса и формировании этих самых принципов уголовного судопроизводства.

[1] См.: Новицкий И. Б. Римское право. Москва, 1994. С. 217.

ГЛАВА 3
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

3.1. Дефицит концепций

Развитие демократических институтов гражданского общества в Российской Федерации требует от законодателя разработки правовой системы, направленной на совершенствование общественной жизни, повышение защищенности личности от преступных посягательств.

Однако, несмотря на постоянное движение вперед в развитии науки, техники, общественной жизни, принципы уголовного процесса и их содержание за последнее время претерпели лишь незначительные изменения, поскольку по своей сути имеют консервативный характер. Нам представляется, что принципы уголовного судопроизводства являются собирательной категорией, имеющей многогранный характер. Принципы характеризуют содержание уголовного процесса с точки зрения оценочного фактора. Над вопросами понятия, системы принципов, их классификации работали А. В. Агутин, В. П. Божьев, В. Н. Григорьев, А. А. Давлетов, З. З. Зинатуллин, Т. Н. Москалькова, М. С. Строгович, В. Т. Томин, М. А. Чельцов, С. А. Шейфер, П. С. Элькинд, М. Л. Якуб и многие другие ученые-процессуалисты, внесшие большой вклад в науку уголовного процесса. Ученые процессуалисты по-разному смотрят на то, по какому пути должно пойти развитие принципов уголовного процесса.

Так, конституционная норма (ст. 123 Конституции Российской Федерации) гласность в судопроизводстве видится ученым процессуалистам как новый принцип уголовного судопроизводства. Эту конституционную норму относят к принципам уголовного процесса ряд ученых, однако, называя ее по-разному. Н. А. Громов, П. А. Лупинская, И. В. Тыричев, П. С. Эльклид и другие[1] полагают, что данный принцип должен именоваться гласность уголовного процесса.

[1] См., например: Уголовный процесс / В. З. Лукашевич, П. С. Эльклид [и др.]. Москва, 1972. С. 87–89; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. П. А. Лупинская. Москва, 1999. С. 136–139.

По мнению Л. Т. Ульяновой[1], данный принцип следует называть принципом открытого судебного разбирательства, что является тождественным одному из общих условий судебного разбирательства, каковым и является гласность (ст. 241 УПК РФ). По нашему мнению, данные предложения не только ошибочны, но и не реализуемы в сегодняшней конструкции уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Со времени судебной реформы 1864 года в судебное разбирательство был включен термин судоговорение, производным от него и был термин гласность судебного разбирательства[2]. Гласность как конституционное законоположение, как принцип применяется в иных отраслях права. Так, одним из принципов гражданского судопроизводства является гласность рассмотрения гражданских дел, за исключением тех случаев, когда рассмотрение дела в открытом режиме может повлечь негативные последствия в виде разглашения охраняемой законом тайны[3] (ст. 10 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации[4]). Представляется более логичным, что, если в гражданском судопроизводстве нашлось место для принципа гражданского процесса — гласность судебного разбирательства, то и в уголовное судопроизводство в качестве принципа уголовного процесса следует имплементировать конституционное законоположение — гласность судебного разбирательства.

Гражданское судопроизводство придерживается исковой состязательной модели рассмотрения судебного спора, на это указывает принцип гражданского процесса право обращения в суд (ст. 3 ГПК РФ), в соответствии с которым любое лицо может обратиться в суд за защитой своих интересов. Возможности для государства обращаться в суд за защитой публичных интересов сведено к минимуму. В гражданском процессе прокурор, как и, как и другие представители государства, в строго ограниченных случаях могут обратиться в суд за защитой публичных интересов (ст. 45–47 ГПК РФ).

---

[1] См.: Уголовный процесс / Под ред. К. Ф. Гуценко. Москва,1997. С. 64.

[2] См.: Гришин С. П. О гласности в деятельности квалификационной коллегий судей // Российский судья. 2005. №3. С.26.

[3] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Далее — «ГПК РФ».

В отличие от гражданского процесса в уголовном судопроизводстве подлежат защите в основном публичные интересы, по этой причине и тип уголовного процесса в настоящее время именуется розыскным публично состязательным типом уголовного судопроизводства. Из этого следует наличие предваряющих судебное судопроизводство стадий уголовного процесса (возбуждение уголовного дела, предварительное расследование), осуществляемых по розыскной модели, которая не предполагает открытости и гласности действий органов, осуществляющих досудебное производство. Таким образом, до того момента, пока уголовное судопроизводство в Российской Федерации не будет осуществляться исключительно по состязательной модели, говорить о возможности появления такого принципа уголовного судопроизводства как гласность не приходится.

Состязательность как принцип уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК РФ) является одним из основных принципов уголовного процесса. Данный принцип согласуется с конституционным положением, что судопроизводство в Российской Федерации осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации). Многие ученые по поводу самой концепции состязательности высказывают диаметрально противоположные идеи, от наличия состязательности в Российском уголовном процессе[1], до невозможности полной состязательности в уголовном процессе[2].

Так сторонники, идея реализации в уголовном процессе абсолютной состязательности базируется на том, что законы, создаваемые законодателем, не могут в силу объективных обстоятельств

[1] См.: Стойко Н. Г. Уголовный процесс Западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 141–143; Шестакова С. Д. Состязательность уголовного процесса. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. 219 с. и др.

[2] См.: Томин В. Т. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики / Бекетов М. Ю., Бобров В. К., Волынская О. В. [и др.]; под ред. докт. юрид. наук, проф. А. В. Ендольцевой, заслу-женного работника высшей школы РФ, докт. юрид. наук, проф. О. В. Химичевой. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 259.

предоставить каждому участнику уголовного процесса равные права в уголовном судопроизводстве.

С таким утверждением трудно спорить, поскольку действительно, нельзя ставить знак равенства между здоровым человеком и больным, взрослым и ребенком, инвалидом и лицом без физических недостатков, а также между людьми, имеющими разный достаток. Однако и говорить о том, что лица, условно говоря, имеющие меньший объем прав, не могут реализовать свои интересы в рассмотрении уголовного дела, является не совсем правильным.

Обычно к таковым причисляют представителей стороны защиты (подозреваемых, обвиняемых и подсудимых). Так, на защиту их прав направлены все принципы уголовного судопроизводства и, частично, общие условия судебного разбирательства. Следует учитывать наличие в общедоступных источниках (сеть интернет) значительного количества официальной информации (видео и текстовой), помогающей лицам, вовлеченным в уголовное судопроизводство (официальные сайты судебных органов, общедоступные порталы правовой информации, учебная и научная литература). Помимо этого, нормы российского уголовного процесса обеспечивают достаточно высокий уровень обязанности стороны обвинения информировать стороны защиты о ходе расследования и его результатах. Так, например, именно сторона обвинения обязана ознакомить строну защиты с объемом имеющихся у него доказательств перед направлением уголовного дела в суд. У защиты подобных обязанностей перед своими процессуальными противниками нет.

Известный процессуалист дореволюционного периода И. Я. Фойницкий определяет состязательность в уголовном судопроизводстве как отсутствие у суда процессуальных функций сторон защиты и обвинения[1]. Таким образом, можно говорить о том, что законодатель не должен, да и не может, поставить стороны защиты и обвинения в равные права. Дело в том, что, если говорить о полном равенстве сторон, то следует говорить не только об объеме прав и обязанностей у участников уголовного судопроизводства, но и учитывать такие критерии, как сложность уголовного дела, его объем,

[1] См.: Фойницкий И. Я. Указ. соч. Т. 2. С. 72.

наличие достаточного житейского опыта у подозреваемого или обвиняемого, а также наличие профессионального опыта у органов предварительного расследования, прокурора с одной стороны и защитника с другой. Предусмотреть все эти важные обстоятельства, влияющие на способность сторонами использовать свои права в уголовном судопроизводстве, законодателю просто невозможно. Из этого следует, что тезис о том, что законодатель должен обязательно создавать для участников уголовного судопроизводства равные условия при рассмотрении уголовного дела, ошибочен — по нашему мнению, уголовно-процессуальный закон должен создавать сторонам в уголовном процессе условно равные возможность для реализации свих интересов в уголовном процессе.

Большой интерес вызывает вопрос, возможно ли модернизировать состязательность как принцип уголовного процесса? Ведь даже суд присяжных как вершина эволюции судебной власти, который и построен на принципах состязательности, за столетия существования оброс не только положительными, но и отрицательными сторонами.

По мнению А. В. Смирнова, суд присяжных, состязательность будет постепенно замещаться использованием результатов науки в области информационных технологий[1]. Можно предположить, что уголовное судопроизводство в ближайшем будущем будет ставить во главу угла не публичные интересы, а интересы конкретного человека. Уголовное судопроизводство будет начинаться, исходя из принципа общественной целесообразности, а не из принципа публичности, как в настоящее время. Популярные в настоящее время идеи восстановительного правосудия будут находить все большее применение при осуществлении уголовного судопроизводства. Следует отметить, что речь идет не о возвращении к инквизиционной модели в чистом виде, вопрос о возможности замены состязательной модели является дискуссионным в научной среде.

[1] См.: Смирнов А. В. Социально-историческая детерминация типов и форм судопроизводства, или вечен ли состязательный процесс? // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича: материалы конференции. Москва, 24–25 октября 2019 г. Москва: Юрлитинформ, 2020. С. 38–39.

Презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ) как принцип уголовного процесса появилась в отечественном уголовном судопроизводстве только в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, до этого момента он был незнаком отечественным процессуалистам. Презумпция невиновности является значимым элементом общеправового добропорядочного статуса гражданина, до принятия судом соответствующего решения (лат. *bena fide* — добросовестность). Таким образом, данное законоположение уголовного судопроизводства существует и не только в нем, но в других отраслях права. Так, например, окончательное решение о споре двух сторон в гражданском процессе принимается судом (ст. 13 ГПК РФ).

Принцип презумпции невиновности является гарантией в уголовном процессе не только от необоснованного обвинения, но и гарантией от необоснованного избрания мер пресечения. Таким образом, изначально подход к презумпции невиновности исходил из того, что до решения суда граждан является не только не виновным, но в отношении него в строго ограниченных случаях должна приниматься такая суровая мера как заключение под стражу[1]. Международные акты о гражданских и политических правах говорят о том, что лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, считается невиновным до тех пор, пока не было вынесено соответствующее судебное решение[2]. Из этого следует, что данный принцип должен быть истолкован таким образом, что государство должно защищать от необоснованного обвинения не только подозреваемого, но и необоснованно заподозренного законопослушного гражданина. Таким образом, данное законоположение нет оснований относить к принципам уголовного судопроизводства, так как признание лица виновным в совершении преступления составляет исключительную компетенцию суда, в то время как задержание подозреваемого, разъяснение ему сути подозрений, привлечение лица в качестве обвиняемого, признание лица

[1] Статья 9 Декларации прав человека и гражданина 1789. Французская Республика. Конституция и законодательные акты. Москва, 1989. С. 28.

[2] См.: Международные пакты о правах человека // Сборник документов. Санкт-Петербург: Россия–Нева, 1993. С. 20.

в подготовительной стадии уголовного судопроизводства подсудимым не порождает начала реализации уголовной ответственности. Иными словами, здесь можно говорить об объеме предоставляемых прав, а не о признании лица невиновным, что делает невозможным отнесение презумпции невиновности к принципам уголовного судопроизводства. Мы исходим из того, что уголовная ответственность может быть назначена только по приговору суда.

Ученые процессуалисты предлагают различные концепции по внедрению в уголовное судопроизводство новых принципов уголовного процесса.

Л. Т. Ульянова предлагает дополнить уголовное судопроизводство тремя принципами уголовного процесса — принципом открытого судебного заседания и принципом самостоятельности судов, независимости судей, присяжных заседателей, принципом обеспечения подозреваемому, обвиняемому, подсудимому права на защиту[1]. Предлагаемый принцип открытого судебного заседания таковым не может быть в виду того, что из его названия видно, что он распространяет свое действие на стадии судебного разбирательства; но сказанное не противоречит возможности включения его в уголовный процесс в качестве правового института общих условий судебного разбирательства. Сформированное положение о новом принципе уголовного судопроизводства — независимость судов, независимость судей, присяжных заседателей — коррелируется с существующим в уголовном судопроизводстве принципом независимости судей и подчинении их только закону (ст.8[1] УПК РФ). Сконструированный кандидат в принципы уголовного судопроизводства — принцип обеспечения подозреваемому, обвиняемому, подсудимому права на защиту, является производным от принципа уголовного судопроизводства охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе, в связи с чем, вносить новые принципы в уголовное судопроизводство не целесообразно.

[1] См.: Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. Москва: Госюриздат, 1959. С. 78–89.

Уголовно-процессуальное законодательство, разработанное в «советское» время, в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства провозглашала обязанность, возлагаемую на органы предварительного расследования, прокурора и суд, проводить по результатам расследования всестороннее полное и объективное расследование обстоятельств уголовного дела (ст. 20 УПК РСФСР).

В современное российское законодательство это принцип не вошел, что обусловлено следующими причинами.

Данный способ представляется сомнительным, еще в дореволюционный период ученые процессуалисты высказали на наш взгляд верное отношение к истине или ее установлению в уголовном судопроизводстве[1]. Было высказано мнение, что при расследовании уголовного дела нужно устанавливать не истину, или ее разновидность объективную истину, что является элементом понятийного аппарата философии, а не науки уголовного процесса.

В уголовном судопроизводстве сформулировано более емкое и короткое определение: результатом расследования уголовного дела должна быть доказанность или не доказанность обстоятельств, подлежащих установлению по каждому уголовному дела (ст. 73 УПК РФ). Все различные теоретические исследования, ставившие перед собой задачу внедрить в уголовное судопроизводство объективную истину[2], носят на наш взгляд ошибочный характер.

По мнению А. В. Смирнова, если законодатель вновь попытается заменить доказанность установлением судебной истины, то это может привести не только к подмене понятий, но и к замене всей достаточно жесткой процессуальной формы, существующей в уголовном судопроизводстве, что приведет к повсеместной замене процессуальной форме, результатами оперативно-розыскной деятельности, а в худшем случае к оправданию применения насилия для установления истины, для получения результатов расследования, что активно практикуется в инквизиционном типе уголовного процесса.

---

[1] См.: Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. Петроград, 1916. С. 339–356.

[2] См.: Печников Г. А. Диалектические проблемы в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 7.

Правосудие на территории Российской Федерации осуществляется только судом (ст. 8 УПК РФ). Трудно спорить с подобным утверждением, тем более что оно отражено в Конституции Российской Федерации (ст. 118). Но может ли данная норма закона являться принципом уголовного судопроизводства? Правосудие не может быть принципом уголовного процесса, поскольку осуществляется не только в уголовном судопроизводстве, но и при рассмотрении гражданских, административных дел[1]. Таким образом, мы видим искусственное расширение понятия принципа уголовного судопроизводства. Другой проблемой является сам объект правового регулирования. Что есть правосудие? Представляется странным регулировать то, что законодательно в праве не определено.

Ученые-филологи дают определение правосудия по-разному. С. А. Кузнецов определяет правосудие как деятельность суда, на основании закона рассматривающего судебный спор. С. И. Ожегов определяет правосудие как деятельность судебных органов. Д. Н. Ушаков определяет правосудие не только как деятельность суда по разрешению судебного спора, а вообще юрисдикционную деятельность органов государственной власти в юриспруденции[2].

С точки зрения науки юриспруденции правосудие можно рассматривать как определённый вид деятельности людей, их саморегуляции, в основе которого лежат разумная идея порядка, культурные и духовные традиции, религиозные воззрения, господствующие в определенный исторический период идеологические установки, философские и иные научные идеи[3].

Таким образом, мы можем предложить, что правосудие следует определять не только как деятельность суда, но и деятельность других участников уголовного судопроизводства, на которых законом возложена обязанность принимать решения, чаще всего на досудебных

[1] См.: Томин В. Т. Указ. соч. С. 288.

[2] См.: Кузнецов С. А. Указ. соч. С. 595; Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва, 1984. С. 511.; Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Сост. Г. О. Винокур, проф. Б. А. Ларин, С. И. Ожегов [и др.]; под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Москва: Государственное. издательство иностранных и национальных словарей, 1947–1948.

[3] См.: Лебедев В. М., Хабриева Т. Я. Правосудие в современном мире. Москва, 2017. С. 24.

стадиях уголовного процесса – органах предварительного расследования и прокуроре. Все это ставит под сомнение допустимость научной концепции об отнесении правосудия по уголовным делам к принципам уголовного судопроизводства.

Термин гуманизм в последнее время часто используется в уголовном судопроизводстве. Ряд ученых в качестве научной концепции развития принципов уголовного судопроизводства предлагают внедрить данный термин как принцип уголовного судопроизводства.

Так, по мнению С. М. Прокофьевой, «в правилах осуществления уголовно-процессуальной деятельности воплотились такие естественные права человека, которые являются важнейшими гуманистическими ценностями»[1]. Выявленный ученым принцип отразился в принципе неприкосновенности личности (ст. 10, 11 УПК РФ); право на неприкосновенность частной жизни — в неприкосновенности жилища, охране личной жизни граждан и тайны переписки (ст. 12, 13 УПК РФ).

С этим действительно сложно спорить, однако ошибка данного подхода изначально заложена в толковании многозначного термина гуманизм. Гуманизм (лат. *humanus* — человеческий, человечный) — это многозначный термин, имеющий различные толкования в различных областях знания — истории, философии, этике и т. д. Например, в одном из понятий гуманизм определяется как светское движение эпохи Возрождения, против поставляющееся господству церкви, схоластике, на основе переосмысления классических произведений древности[2].

Таким образом, гуманизм, во всяком случае, в правопонимании данного научного термина, представляет собой не политическое и не правовое явление. Он представляет собой общественно-политические последствия, возникшие с движением в отдельных государствах Европы — Реформации. Как самостоятельное движение гуманизм существовал только в Германии и Италии, в основном гуманизм выразился в критическом отношении в средневековым основам жизни основанных на догматах католической церкви.

Таким образом, мы полагаем, что гуманизм не может быть принципом уголовного судопроизводства, так как в своей сути

---

[1] Прокофьева С. М. Сущность гуманизма в уголовном судопроизводстве. // Юридические науки и образование. 2016. № 1(46). С. 182.

[2] См.: Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. Москва: Наука, 1978. С. 52.

представляет иное понятие. Кроме того, нормы, которые приписывают гуманистическим положениям, нашли свое отражение в части принципов уголовного судопроизводства — обеспечение законных интересом личности в уголовном процессе (ст. 11 УПК РФ).

3.2. Упадок нормотворчества

Одной из проблем российского уголовно-процессуального законодательства является наличие в нем противоречий, несогласованности, юридических коллизий на различных уровнях и в различных формах. Причинами такого положения являются непоследовательность и бессистемность политики государства в области уголовного судопроизводства, отсутствие четких приоритетов, что проявляется в бессистемности законотворческих работ.

Качество законотворчества в сфере уголовного судопроизводства тесно связано с самим принципом профессионального нормотворчества. К деятельности подобного рода должны привлекаться не только законодатели, нередко имеющие об уголовном судопроизводстве поверхностное представление, но и теоретики и практики в области уголовного процесса.

Законодатель в конструировании принципов уголовного процесса независимо от научных изысканий ученых процессуалистов должен сам предпринимать определенные меры для исключения ошибок еще во время подготовки и на стадии последующего обсуждения проектов законов.

Донести до общества объективную информацию об эффективности законов, об их влиянии на волю и сознание людей — значит, во многом предопределить успех будущих правовых актов.

Анализируя социальную эффективность действующей нормы уголовного процесса, в первую очередь необходимо выяснить, соблюдаются ли нормы принципов уголовного процесса ответственными лицами, представляющими государственное обвинение, то есть теми, кому и адресованы нормы закона. Является очевидным, что неэффективность закона следует искать в нем самом. Данный закон не может достигнуть ожидаемого от него эффекта из-за ложных

ожиданий. Таким образом, несоблюдение закона, сознательное или несознательное, лицами, которые должны его исполнять, является одной из причин того, что закон не достигает поставленной перед ним цели.

Принципами уголовного процесса определено, что одной из задач уголовного судопроизводства определяет защиту прав лиц, потерпевших от преступления (ст. 6 УПК РФ).

Может сложиться ошибочное представление, что интересы пострадавшего являются высшей ценностью в уголовном судопроизводстве.

Так, законодатель определил, что орган предварительного следствия, прокурор обязан осуществлять уголовное преследование по уголовным делам публичного обвинения без учета мнения потерпевшего, которые в особенной части УК РФ составляют большую часть (ст. 21 УПК РФ). Но при этом потерпевшему, как участнику уголовного судопроизводства со стороны обвинения, предоставляется право только участвовать, а не осуществлять преследование в уголовном преследовании (ст. 22 УПК РФ).

Несмотря на отдельные постановления Конституционного Суда Российской Федерации[1], данный дисбаланс просматривается в ряде норм уголовного процессуального законодательства. Так, в порядке прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) от потерпевшего требуется только дача согласия на прекращение уголовного преследования. А вопрос целесообразности прекращения уголовного дела лежит не в плоскости желания потерпевшего, реализующего свое право на прощение лица, по его субъективному мнению, загладившему перед ним причиненный вред от преступления. Данный вопрос находится в плоскости мнения чиновника органа предварительного расследования, прокурора или судьи, которые в данном

[1] См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации (далее — Вестник КС РФ). 2013. № 6; По делу о проверке конституционности положений п. 3 ч. 1 ст. 24, п. 1 ст. 254 УПК РФ в связи с жалобой граждан В. Ю. Глазкова и В. Н. Степанова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2017 г. № 4-п // Вестник КС РФ. 2017. № 4; По делу о проверке конституционности ст. 6.1 УПК РФ в связи жалобой гражданина Б. А. Сотникова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 2019 г. № 23-п // Вестник КС РФ. 2019. № 6.

случае защищает не только интересы потерпевшего, но и узковедомственные интересы, не имеющие никакого отношения к задачам уголовного судопроизводства (улучшение статистических данных, имитация увеличения раскрываемости преступлений и т. д.).

Таким образом, остается открытым вопрос о том, насколько целесообразно расследовать уголовное дело, по которому будет принято решение о прекращении уголовного дела по не реабилитирующим основаниям.

Следует согласиться с мнением ученых процессуалистов о том, что потерпевший как участник уголовно-процессуальной деятельности фактически лишен каких-либо существенных правомочий по оказанию влияния на судьбу уголовного дела, и что пострадавший от преступления в реализации своих прав фактически может лишь следовать общей позиции государства, которое в лице уполномоченных им органов и должностных лиц единолично решает исход уголовного дела[1].

Другой проблемой законотворчества является то обстоятельство, что принципы уголовного судопроизводства регулируются социально недействительными законами. Данные законы не достигают своей цели в силу многих причин, одной из них является то, что законодатель, конструируя их, руководствуется политическими мотивами, то есть создает лишь иллюзию достижения законной цели.

Так, например, принятием Федерального закона № 166-ФЗ от 02.07.2013 г. в уголовном процессе появился новый принцип уголовного судопроизводства, в соответствии с которым суды при осуществлении правосудия по уголовным делам независимы в своих решениях и подчинены только закону (ст. 8^1 УПК РФ). Внедренная норма закона носит в основном декларативный характер по следующим причинам. Из диспозиции статьи не вполне понятно явно, чья независимость подлежит защите: независимость суда или все же независимость конкретного судьи или судей, рассматривающих уголовное дела в коллегиальном составе.

[1] См.: Белоусов В., Анастасов С. Реализация потерпевшим права на отказ от уголовного преследования // Уголовный процесс. 2007. № 4. С. 75–80.

Законодатель не однороден в своем подходе к конструированию норм уголовно-процессуального закона. Ученые процессуалисты отмечают, что в уголовном процессе, да и в правоприменительной практике, полномочия суда и судьи столь тесно переплетаются, что требуют определенных усилий, чтобы их разграничить[1].

В Конституции Российской Федерации закреплено, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (ст. 47). В уголовном процессе иной подход: судья — это должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие (п. 48 ч. 1 ст. 5 УПК РФ). При этом суд — единственный орган, осуществляющий правосудие (ст. 8 УПК РФ), а судья — лицо, уполномоченное осуществлять правосудие (ст. 8[1] УПК РФ). Из этого следует, что законодатель, допуская использование понятий «судья» и «суд» вносит путаницу, вызывающую тем самым неопределенность в разграничении их полномочий. Попробуем провести их разграничение, имеющее значение именно для достижения правовой определенности в принципе независимости судей в уголовном судопроизводстве. Так проанализировав ст. 8.1 УПК РФ, которая названа «Независимость судей», можно сделать вывод, что речь идет именно о судьях, а не о суде. Различие в понятиях «суд» и «судья» можно увидеть в ст. 30 УПК РФ. Кроме того, согласно правилам уголовного судопроизводства в состав суда первой инстанции, рассматривающего уголовные дела, могут входить:

– судья федерального суда общей юрисдикции;

– судья федерального суда общей юрисдикции и коллегия из двенадцати присяжных заседателей;

– судья верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда и коллегия из восьми присяжных заседателей;

– судья районного суда, гарнизонного военного суда и коллегия из шести присяжных заседателей;

[1] См.: Гриненко А. В. Соотношение понятий «суд» и «судья» в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Российский судья. 2016. № 9. С. 25–29.

– коллегия из трех судей федерального суда общей юрисдикции;

– мировой судья.

В связи с вышесказанным возникает вопрос. Если состав суда выражен в таком разнообразии, то во всех ли случаях можно говорить о независимости суда? Если судом считается один судья, то понятие независимости не вызывает возражений, так как судья обладает сознанием и волей для принятия решения.

Это применимо к ситуациям, когда суд рассматривает дело единолично, но при рассмотрении дела в иных составах может возникнуть вопрос, можно ли считать независимым суд, состоящий из судьи и коллегии присяжных заседателей (независимость сознания и воли каждого присяжного заседателя)? Ответ на этот вопрос представляется неоднозначным. Судья при осуществлении правосудия обязан руководствоваться только Конституцией Российской Федерации и федеральным законом. В отличии от него присяжный заседатель, как определяет законодатель, не должен вообще быть связан с правоприменительной деятельностью в области уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права (кроме работы в высшем учебном заведении), Законом определено, что присяжный заседатель не должен быть сотрудником органов внутренних дел, прокурором, судьей, следователем, адвокатом и т. д. Таким образом, можно сделать вывод о том, что при вынесении вердикта присяжный заседатель не обладает знаниями законодательных актов, он должен руководствоваться лишь своим внутренним убеждением и совестью, поэтому его мнение о виновности или невинности подсудимого может быть зависимым от многих факторов, например, эмоций, пережитого негативного или позитивного опыта, связанного с рассматриваемым уголовным делом, неприязненного внешнего вида подсудимого. Таким образом, данный принцип уголовного судопроизводства требует значительной законодательной корректировки.

Иногда законодателем в сфере уголовного судопроизводства принимаются компромиссные законы. В них возникает необходимость, когда они являются результатом незавершенной борьбы политических

сил: сторонникам закона удалось добиться его принятия, противникам — предотвратить оснащение закона действенными санкциями.

Так, компромиссом в уголовном судопроизводстве было разработка и принятие в 2001 году УПК РФ. В отличие от перехода от «советского» к российскому порядку уголовного судопроизводства в начале 1990-х гг. происшедших в целом без формального разрыва. Подготовка проекта ныне действующего УПК РФ велась на фоне ожесточенной полемики между сторонниками двух вариантов развития отечественного уголовного процесса.

Сторонники первого подхода, их условно можно назвать «западники» (Е. Б. Мизулина и др.), предлагали полный слом традиционной российской модели, исторически основанной на континентальных подходах со времен Устава уголовного судопроизводства и развивавшейся в русле смешанного уголовного процесса, с заменой ее на полностью состязательное уголовное судопроизводство в духе англо-американских образцов.

Сторонники другого подхода (Д. Н. Казак и др.), назовем их «русофилы», предлагали модернизацию советского уголовного процесса путем приведения его в соответствие современным требованиям, но с сохранением всей континентальной «смешанной» инфраструктуры, унаследованной от дореволюционного периода развития. Результатом такого компромисса явились и отдельные принципы уголовного судопроизводства.

Так, принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве (ст. 14 УПК РФ) остался декларативным, или, если сказать мягче, направленным в возможное будущее развития уголовного процесса в Российской Федерации. Так как идеи ученых-процессуалистов перейти к полностью состязательной модели уголовного производства не нашли своего понимания в первую очередь у представителей силового блока (Генеральная прокуратура Российской Федерации, ФСБ России, МВД России и т. д.), в настоящее время уголовное судопроизводство в Российской Федерации осуществляется по компромиссной, смешанной модели: досудебное производство

и судебное производство. В судебном производстве рассмотрение уголовного дела осуществляется на основе состязательности и процессуального равноправия. Досудебное производство осуществляется по розыскной модели, которая и не предполагает состязательности. Сказанное ставит по сомнение само существование принципа состязательности в уголовном процессе.

Законодатель не стремился к повышению эффективности издаваемых им законов и действий должностных лиц, которым он адресовал нормы, но посредством законодательного акта освободил себя от политического бремени, т.е. нормотворческий орган не столько стремится к разрешению дела, сколько хочет «отодвинуть» его, проявляя полное безразличие к тому, в какой степени принятый законодательный акт окажется эффективным.

Можно констатировать, что правотворчество в области уголовного судопроизводства в Российской Федерации все еще находится в стадии своего становления. Для решения этих вопросов необходимо, в первую очередь, на роль права в жизни общества, поскольку именно нормы права становятся во многих областях жизни единственным средством и способом регулирования, стабилизации общественных отношений, преодоления резко негативных процессов, которые могут вообще составить, в конечном итоге, угрозу государству.

Надежда на грамотное, высокопрофессиональное, гуманное нормотворчество, использование и понимание ценности нормотворчества — таков основной вектор современного социального и политического развития общества и государства. Не случайно все социальное пространство заполняется договорами, конвенциями и иными нынешними социальными и политическими формами общежития государства и общества в целом, народов, коллективов, личностей. Не случайно и то, что юридическое образование, формирование юридически и социально грамотных граждан становится неотъемлемой частью современной жизни.

Разумеется, правотворчество в области уголовного процесса в России переживает не самые легкие времена. Но этот этап проходили

и проходят практически все развитые страны. Может быть, при условии стабильности Россия выйдет на качественно новый правовой и социально-экономический уровень благодаря целенаправленной правотворческой политике и эффективному правотворчеству.

К сожалению, предусмотреть все нельзя, поэтому, как будет развиваться Российское государство и право, покажет только время.

3.3. Дестабилизация правоприменения

Глава уголовно-процессуального кодекса, посвященная принципам уголовного процесса, начинается со статьи, посвященной назначению уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Значит, формулировка назначения уголовного судопроизводства имеет основополагающее и направляющее значение для формулировки его основных принципов.

Правда, у ряда ученых имеется сомнение по поводу отнесения назначения или, иными словами предназначения уголовного судопроизводства к его принципам[1]. Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих решений говорит, что анализируемое нами законоположение имеет двухэлементный характер: с одной стороны, оно направлено на защиту интересов пострадавшего от преступления и на привлечение виновного к установленной законом ответственности, с другой стороны, действия и решения по расследованию преступления органов предварительного расследования, суда не должны привести к ошибке, выражающейся в привлечении к уголовной ответственности невиновного в совершении преступления[2]. Данное решение Суда подтверждает правильность отнесения данной правовой идеи к числу принципов уголовного процесса.

---

[1] См.: Вилкова Т. Ю. Система принципов уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2022. С. 258.

[2] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ганцева Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав подпунктом «д» пункта 1 статьи 13 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупп-

В теории права понятие назначение или предназначение определяется через категорию сферы применения чего-нибудь или через категорию цели. Под целью понимается один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение результатов в мыслительной деятельности человека и формирует пути его реализации с помощью определенных средств. Цель, которая поставлена в мыслительной деятельности человека, называется задачей. Таким образом, цель, задача и назначение обозначают по сути тождественные понятия — «то, ради чего».

В человеческой деятельности указанные понятия определяют ее природу, содержание, нравственную и политическую обоснованность и другие характеристики. В уголовном судопроизводстве принципы и назначение определяют выбранную законодателем правовую конструкцию, где на принципах держится «основной вес», и от их выбора зависит ответ на вопрос — для чего создано уголовное судопроизводство и какой общественной пользе оно должно служить.

Назначение уголовного судопроизводства заключается, с одной стороны, в назначении виновному наказания за совершенное преступление, с другой стороны, в освобождении от уголовной ответственности и/или реабилитации невиновного (ст. 6 УПК РФ). В философско-этическом аспекте данные законоположения на юридическом языке формируют принцип справедливости, то есть соизмеримость деяния и воздаяния. Иными словами, граждане государства должны вознаграждаться или подвергаться наказанию в соответствии с благом или злом, которые от них получают другие граждане (пострадавшие) и общество в целом.

Поставленная во главу угла в понятии назначения уголовного судопроизводства идея справедливости существовала в общественном сознании в глубокой древности и может сравниться только с высшей справедливостью, которая у многих людей ассоциируется с верой в высшие силы. Особую остроту справедливость приобретает

цию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона "О противодействии коррупции"»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2009 г. № 843-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в уголовном судопроизводстве, где на весах правосудия оказываются имущество, честь свобода, а до недавнего времени и жизнь самого человека, в отличие, например, от других отраслей права (гражданского, административного и т. д.) Поэтому несправедливость приобретает в уголовном процессе крайне болезненный, двойной характер: с одной стороны, она способна разрушить судьбу и жизнь человека, с другой стороны, она наносит иногда непоправимый вред публичным интересам, так как общество может потерять надежду на справедливый суд государства.

Принципы уголовного судопроизводства вне зависимости от их научного определения являются наиболее ярким воплощением ценностей уголовного судопроизводства в государстве.

Так, в английском уголовном процессе основным принципом английские законодатели считают состязательную природу уголовного судопроизводства.

Основными правилами, применяющимися в английском уголовном процессе, являются: презумпция невиновности, гласность судебного разбирательства, право на молчание, обязанность стороны обвинения раскрывать информацию перед защитой[1].

Законодателями США принципы уголовного процесса определяются как «должная правовая процедура», в основе уголовного судопроизводства лежит идея справедливого уголовного судопроизводства, понимаемая североамериканскими юристами как права обвиняемого на защиту от необоснованных арестов и задержаний, обысков и т. д. Кроме этого, обвиняемый имеет право на так называемый «быстрый суд» с участием народного представительства[2].

Законами ФРГ (Конституция ФРГ и Закон о судоустройстве), что принципами уголовного процесса являются основные положения государства, которые в своей совокупности гарантируют соблюдение

[1] См.: Стойко Н. Г., Шагинян А. С. Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании: сравнительно-правовой аспект. Красноярск, 1997. С. 24–25.

[2] См.: Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира: справочник. Москва: Юридическая литература, 1993. С. 167–168.

прав и законных интересов граждан при посягательстве государства на их основные права и свободы.[1]

Советские и российские юристы, ставя задачи реформирования уголовно-процессуального законодательства в конце XX и в начале XXI вв., учитывали колоссальные сдвиги в жизни российского общества в 80–90 гг. прошлого века. При этом значительное внимание уделялось последствиям несправедливых репрессий времен СССР.

Однако приходится констатировать, что в условиях ожесточенного противостояния государства, общества и преступного мира формулировка назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) не охватила всех аспектов уголовно-процессуальной деятельности государства. За рамками предложенной законодателями модели оказались очевидные задачи, стоящие перед государством:

– раскрытие преступления, то есть установление всех обстоятельств преступления, и установление всех лиц, совершивших его;

– обеспечение прав и законных интересов всех лиц, наделенных правами в уголовном деле (потерпевшего и подозреваемого, обвиняемого, подсудимого);

– устранение причин и условий, способствующих совершению преступления, в воспитательно-профилактическом аспекте формирования гражданского правосознания.

Анализ задач уголовного судопроизводства может привести к ошибочному выводу, что интересы пострадавшего являются высшей ценностью в уголовном судопроизводстве.

Так, законодатель определил, что орган предварительного следствия, прокурор обязан осуществлять уголовное преследование по уголовным делам публичного обвинения без учета мнения потерпевшего, которые в особенной части УК РФ составляют большую часть (ст. 21 УПК РФ). Но при этом потерпевшему, как участнику уголовного судопроизводства со стороны обвинения, представляется только право участвовать, а не осуществлять преследование в уголовном преследовании (ст. 22 УПК РФ).

---

[1] См.: Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник / Пер. с нем. Я. М. Плошкиной. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2004. С. 33.

Отдельной проблемой реализации назначения судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) является игнорирование случаев в данной статье, когда лицо совершило общественно опасное деяние в состоянии невменяемости и подлежит в соответствии с требованиями уголовного закона не наказанию, а принудительному лечению в психиатрическом стационаре (ст. 81 УК РФ). Таким образом, нынешняя редакция ст. 6 УПК РФ не предусматривает возможности заглаживания вреда перед потерпевшим. На наш взгляд, данная позиция является неправильной, законодателем должна быть возложена на государство обязанность возмещать вред или ущерб, причиненный лицами, признанными судом совершившими общественно опасные деяния в состоянии невменяемости.

Несмотря на отдельные постановления Конституционного Суда Российской Федерации[1], данный дисбаланс просматривается в ряде норм уголовного процессуального законодательства. Так, в порядке прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) от потерпевшего требуется только дача согласия на прекращение уголовного преследования. При этом вопрос целесообразности прекращения уголовного дела лежит не в плоскости желания потерпевшего, реализующего свое право на прощение лица, по его субъективному мнению, загладившего перед ним причиненный вред от преступления. Данный вопрос находится в плоскости мнения чиновника органа предварительного расследования, прокурора или судьи, который в данном случае может защищать не только интересы потерпевшего, но и узковедомственные интересы, не имеющие никакого отношения к задачам уголовного судопроизводства (улучшение статистических данных, имитация увеличения раскрываемости преступлений и т. д.).

Следует согласиться с мнением ученых процессуалистов о том, что потерпевший как участник уголовно-процессуальной деятельности фактически лишен каких-либо существенных правомочий по оказанию влияния на судьбу уголовного дела, и что пострадавший от преступления в реализации своих прав фактически может

[1] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2017 г. № 4-П; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 2019 г. № 23-П.

лишь следовать общей позиции государства, которое в лице уполномоченных им органов и должностных лиц единолично решает исход уголовного дела[1].

Интересен в данной связи опыт соблюдения баланса интересов противоборствующих сторон в уголовном судопроизводстве Французской республики. Во Франции, как и во многих других странах Западной Европы, рассмотрение вопроса о целесообразности направления уголовного дела для судебного разбирательства или отказ от уголовного преследования лица, совершившего преступление, является исключительной компетенцией органов прокуратуры. Помимо этого, прокурор может вынести решение об отказе в возбуждении уголовного дела, которое называется в уголовном процессе Франции — *classement sans suite* (перевод с французского языка — отказ от уголовного преследования). С учетом свободы оценки доказательств событие преступления изучается в ходе предварительного расследования прокурором, который вправе, исходя из целесообразности, принять решение об отказе в уголовном преследовании при наступлении определенных условий — *classement sans suite sous condition* (перевод с французского языка — отказ от уголовного преследования при определенных условиях). Данная норма регулируется статьей 41-1 УПК Франции, в соответствии с которой в случае, если прокурор Республики считает, что без возбуждения уголовного преследования возможно обеспечить возмещение вреда, причиненного потерпевшему, положить конец конфликту, ставшему следствием совершенного преступления, либо содействовать исправлению лица, совершившего преступление, то он до вынесения решения о возбуждении уголовного иска вправе:

1) напомнить лицу, совершившему преступление, о его обязанностях, закрепленных в конституции и других законах Французской Республики;

2) предложить ему добровольно возместить вред от преступления;

3) с согласия сторон провести согласительные (медиационные) процедуры между лицом, совершившим преступление, и потерпевшим.

[1] См.: Белоусов В., Анастасов С. Указ. соч.

На практике прокуратура Франции при помощи общественных, посреднических организаций принимает решение о примирении между сторонами. Если же мотивационные процедуры не дают положительного результата, то прокуратура может принять меры о начале уголовного преследования и вынести решение о возбуждении уголовного иска.

Поэтому, мы полагаем, законодатель должен заимствовать положительный зарубежный опыт и избирательно подходить к видам уголовного преследования, относя те или иные преступления к делам публичного или частно-публичного обвинения.

Принцип (от лат. *principium* — первейшее, начало, основа) применительно к уголовно-процессуальной деятельности означает правовую основу деятельности участников уголовного судопроизводства, которая будет управлять участниками уголовного судопроизводства при возбуждении уголовного дела, его расследовании и судебном рассмотрении уголовно-процессуального спора.

В соответствии с этим под принципами уголовного судопроизводства должны пониматься основные, общие положения, требования, которым должно подчиняться все уголовное судопроизводство, начиная со стадии возбуждения уголовного дела до принятия итогового решения по уголовному делу.

Таким образом, принцип как норма должен характеризоваться следующими признаками:

– принцип должен быть закреплен в уголовно-процессуальном законе;

– принцип должен иметь уголовно-процессуальную природу, под этим понимается внутреннее устройство (структура) и порядок регулирования уголовно-процессуальной деятельности;

– принципом может быть основное (а не частное, второстепенное) правило – требование, на котором строится весь порядок производства по уголовному делу, а не отдельные его стадии, или отдельные процессуальные действия.

Несмотря на то, что приведенный перечень признаков принципа уголовного процесса носит в целом универсальный характер, в научном

сообществе не утихают споры о понятии и содержании принципов уголовного процесса.

Причин подобного явления множество, одной из них является то, что сконструировать правило-принцип, пронизывающий уголовное дело с момента его возбуждения до принятия судом итогового решения, включая стадии по пересмотру судебного решения и особые производства, не всегда возможно.

Ниже мы приведём наиболее яркие позиции ученых-процессуалистов по вопросу содержания принципа уголовного судопроизводства.

И. Я. Фойницкий представляет принципы уголовного процесса как общие правила процессуального разбирательства как для уголовного судопроизводства в целом, так и для участников уголовного дела, которые могут быть различными в зависимости от типа уголовного процесса (розыскного или состязательного), наличия или отсутствия контроля за судебной властью, построения суда с участием или без участия «народного элемента»[1].

В. К. Случевский определяет принципы уголовного процесса как правила и начала, принятые за основание, из которых вытекают частные положения, имеющие значение для уголовного судопроизводства[2].

М. С. Строгович разделяет принципы уголовного процесса на принципы предварительного расследования и принципы кассационного производства[3].

Ю. М. Грошевой определяет принципы уголовного судопроизводства как конституционные и демократические принципы правосудия[4].

А. В. Смирнов определяет принципы уголовного процесса как принципы состязательного процесса[5], говоря, вероятно, об одном из путей развития уголовного процесса; в настоящее время уголовный процесс Российской Федерации является по типу смешанным,

---

[1] См.: Фойницкий И. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 67, 68.

[2] См.: Случевский В. К. Учебник уголовного процесса. судопроизводства. Санкт-Петербург,1892. С. 42.

[3] См.: Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Москва,1970. С. 56.

[4] См.: Грошевой Ю. М. Демократические принципы советского правосудия в Конституции СССР // Проблемы социалистической законности. Харьков, 1978. Вып. 3. С. 11–19.

[5] См.: Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под. общ. ред. А. В. Смирнова. 7-е изд., перераб. Москва: Норма, 2017. С. 75.

так как в нем есть элементы розыскной и смешанной модели уголовного судопроизводства.

Н. Г. Стойко определяет принципы уголовного судопроизводства как наиболее яркие воплощения идей уголовного процесса[1].

В заключение, опираясь на мнения ученых процессуалистов, мы можем предложить следующую формулировку определения принципа уголовного судопроизводства: *общие, обязательные правила уголовного процесса, в которых реализованы демократические идеи, нашедшие отражение в Конституции Российской Федерации и других федеральных законах, отражающих основные черты и суть уголовного судопроизводства*.

Принципы уголовного судопроизводства связаны между собой путем взаимопроникновения и взаимодополнения, поэтому образуют определенную систему. В свою очередь, совокупность принципов образует целое явление, обладающее особым интегративным качеством. Таким образом, только система принципов в их совокупности может гарантировать достижение целей уголовного процесса. Нарушение даже одного из принципов уголовного процесса недопустимо, поскольку, как правило, влечет за собой нарушение ряда других принципов.

В главе 2 УПК РФ приведена система принципов уголовного судопроизводства. Рассмотрим проблемы правоприменения отдельных принципов.

1. Разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ). В содержание данного принципа законодатель включил условие, что судопроизводство должно быть окончено в разумный срок, продление сроков уголовного преследования возможно только при наличии веских обстоятельств. Причинами появления данного принципа, по нашему мнению, является сложность и затратность уголовного судопроизводства как в финансовом отношении, так и во временном смысле. А в ситуации, когда имеется большой объем работы, выполняемый за счет значительных финансовых средств, выделенных из государственной казны, возможны определенные

[1] См.: Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России… С. 133–144.

злоупотребления как со стороны чиновников. Именно по этой причине, как нам представляется, данный принцип представлен во многих странах в качестве важного законоположения уголовного судопроизводства (см. например, ст. 22 УПК Болгарии[1], ст. 4 УПК Коста-Рики[2], ст. 14 УПК Латвии[3], ч. 1 УПК Республики Перу[4], ст. 19 УПК Молдовы[5], ст. 1 УПК Венесуэлы[6] (ч. 7 ст. 2 УПК Словакии[7] п. «i» ст. 8 УПК Республики Колумбии[8]).

По мнению Т. Ю. Вилковой, содержание принципа, предусмотренного ст. 6.1 УПК РФ, нельзя сводить исключительно к праву того или иного участника на разумный срок судопроизводства. Осуществление уголовно-процессуальной деятельности в разумный срок значительно шире: оно направлено также на защиту сугубо публично-правового интереса, заключающегося в своевременном восстановлении социальной справедливости (ч. 2 ст. 43 УК РФ), своевременном возмещении ущерба, причиненного преступлением (ч. 3 ст. 44 УПК РФ), своевременном достижении целей и выполнении задач,

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Болгарии от 29 апреля 2006 г. (в ред. от 18.05.2021) // Болгарский правовой портал. URL: https://lex.bg/laws/ldoc/2135512224 (дата обращения: 01.12.2022).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Коста-Рики от 10 апреля 1996 г. № 7594 // Правовая база данных Международного Комитета Красного Креста. URL: https://ihldatabases.icrc.org/applic/ihl/ihlnat.nsf/0/36bb705f9d30ce3fc125770b00470ff0/$FILE/codigoprocesalpenal.pdf (дата обращения: 01.12.2022).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Латвийской Республики от 21 апреля 2005 г. (в ред., действующей с 01.08.2022) // Правовые акты Латвийской Республики. URL: https://likumi. lv/doc. php?mode=DOC&id=107820 (дата обращения: 01.12.2022).

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Перу от 22 июля 2004 г. № 957 (в ред. от 14.04.2021). URL: https://lpderecho. pe/nuevo-codigo-procesal-penal-peruano actualizado/ (дата обращения: 01.12.2022).

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдовы от 14 марта 2003 года № 122 (в ред. от 14.07.2022) // Государственный реестр правовых актов Министерства юстиции Республики Молдова. URL: https://www.legis.md/cautare/ getResults?doc_id=126028&lang=ru# (дата обращения: 01.12.2022).

[6] Уголовно-процессуальный кодекс Боливарианской Республики Венесуэлы от 2 октября 2001 г. № 5558 // База данных Всемирной Организации Интеллектуальной Собственности по законам и договорам в области интеллектуальной собственности (WIPO Lex). URL: https://wipolex.wipo.int/en/text/235414 (дата обращения: 01.09.2022).

[7] Уголовно-процессуальный кодекс Словацкой Республики от 24 мая 2005 года № 301 // СПС «Законы для людей». URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/download/90034/48/ru/pdf (дата обращения: 01.12.2022).

[8] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Колумбии от 31 августа 2004 г. № 906 (в ред. 2014 г. № С-792) // Административного департамента государственной службы DAFP. URL: https://www.funcionpublica.gov.co/eva/gestornormativo/norma.php?i=14787 (дата обращения: 01.12.2022).

предусмотренных ст. 6 УПК РФ и ст. 2 УК РФ. По этой причине ученый считает, что принцип разумного срока уголовного судопроизводства имеет самостоятельный предмет, не поглощается содержанием иных принципов и в полной мере обладает признаком не выводимости, а равно всеми иными признаками принципов[1].

Части 3–3³ ст. 6 УПК РФ дают определение разумности применительно к этапам расследования и срокам проведения отдельных процессуальных действий. Несмотря на то, что в целом законодателю удалось при формулировке определения разумности учесть важные обстоятельства, влияющие на сроки расследования уголовных дел, но до конца снять проблему правовой неопределенности не удалась. Так, например, вводя в уголовное судопроизводство понятие достаточности и эффективности деятельности суда, органов прокуратуры и предварительного расследования, законодатель не раскрыл критерии данного понятия[2]. Если под эффективностью можно понимать реализацию задач уголовного судопроизводства, то, что понимается под достаточностью, законодатель не раскрывает, предлагая судам в каждом случае определять, когда меры для сокращения сроков расследования были достаточными, а когда они были не достаточными[3]. При таких обстоятельствах мы полагаем, что лучше исключить из текста закона

[1] См.: Вилкова Т. Ю. Система принципов уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2022. С. 264–265.

[2] См.: Николаева Т. Г., Антонов И. А. Незаконное приостановление производства по уголовному делу: размышления о причинах и последствиях // Криминалистъ. 2022. № 2 (39). С. 122–129.

[3] Понятия достаточности нет не только в УПК РФ, но и в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) по применению данной статьи при назначении компенсации за нарушение разумного срока.

ВС РФ ограничился указанием на то, что вопрос достаточности принятых мер для соблюдения сроков расследования носит индивидуальный характер и должен рассматривать в зависимости обстоятельств конкретного уголовного дела. Это вносит в данную норму закона достаточно большой элемент личного усмотрения судьи, что в определенной мере ставит под сомнение законность принятого судом решения по данному вопросу (см.: п. 41 Постановления Пленума ВС РФ № 11 от 29.03.2016 г. «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2016. № 5).

слово «достаточность», принимая во внимание отсутствие единообразного понимания данного термина в уголовном судопроизводстве.

Другой проблемой применения правил о разумности срока уголовного судопроизводства является выборочный подход законодателя к пониманию сроков в уголовном судопроизводстве.

В одних случаях законодатель жестко ограничивает правоприменителей в сроках принятия решений при осуществлении уголовного судопроизводства.

Так, например, на стадии предварительного расследования срок принятия решения в стадии возбуждении уголовного дела по общему правилу не может превышать 3 суток (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), срок предварительного расследования составляет с момента возбуждения уголовного дела до его окончания не более 2 месяцев (ч. 1 ст.162 УПК РФ); подозреваемый, задержанный по подозрению в совершении преступления, должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его задержания (ч. 2 ст. 46 УПК РФ) и т. д. На стадиях судебного разбирательства решение о назначении дела к слушанию должно быть принято судом не позднее 30 суток (ч. 3 ст. 227 УПК РФ), протокол судебного заседания должен быть изготовлен не позднее 3 суток со дня окончания судебного заседания (ч. 6 ст. 259 УПК РФ), копия приговора суда должна быть вручена заинтересованным лицам не позднее 5 суток с момента его провозглашения (ст. 312 УПК РФ) и т. д.

В других случаях законодатель не ограничивает правоприменителей сроками принятия тех или иных процессуальных решений, предлагая им в зависимости от обстоятельств уголовного дела, сложности его расследования, самим определять, в какие сроки будет принято то или иное процессуальное решение при осуществлении уголовного судопроизводства.

Так, например, на стадии предварительного расследования следователь самостоятельно направляет ход расследования, принимает решение о производстве следственных и иных процессуальных действий (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), мера пресечения отменяется тогда, когда в ней отпала необходимость (ч. 1 ст. 110 УПК РФ), следователь

выносит постановление о предъявлении обвинения при наличии достаточных доказательств (ч. 1 ст. 171 УПК РФ) и т. д. На стадиях судебного разбирательства срок судебного рассмотрения уголовного дела законодателем не определен, за исключением сроков содержания под стражей — не более 6 месяцев (ч. 2 ст. 255 УПК РФ), при невозможности проведения судебного разбирательства суд выносит постановление или определение об его отложении на определенный срок (ч. 1 ст. 253 УПК РФ), суд не вправе ограничивать стороны в продолжительности в прениях сторон (ч. 5 ст. 292 УПК РФ) и т. д.

Возникает вопрос: в каких случаях возможно нарушение разумного срока уголовного судопроизводства?

Вероятно, только в тех случаях, когда сроки принятия процессуальных решений и процессуальных действий законодателем не определены. В тех же случаях, когда сроки законодателем определены, нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства невозможно. Например, следователь вправе принять решение в стадии возбуждения уголовного дела как в первые, так и на вторые или на третьи сутки, и в каждом случае процессуальное решение следователя не будет нарушать разумный срок уголовного судопроизводства, так как срок принятия решения в стадии возбуждения уголовного дела предусмотрен УПК РФ (ч.1 ст. 144).

Данное обстоятельство ставит под сомнение само существование принципа разумности срока уголовного судопроизводства, так как легальное определение принципа предполагает, что его правила должны распространяться на все правила обоснования сроков судебного разбирательства.

2. Принцип законности (ст. 7 УПК РФ). Содержание данного принципа заключается в том, что только процессуальные и следственные действия, выполненные органом предварительного расследования, прокурором и судом могут использоваться в судебном разбирательстве, кроме того, сами решения указанных государственных органов в сфере уголовного судопроизводства должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Сами по себе данные положения закона не вызывают возражений, однако с позиции теории

правоотношений вызывает сомнение сама их процессуальная конструкция. Так, законодателем определено, что орган предварительного расследования, прокурор и суд не вправе применять федеральный закон, противоречащий УПК РФ (ч. 2 ст.7 УПК РФ), так как только УПК РФ устанавливает порядок производства по уголовным делам (ч. 1 ст. 1). Таким образом, законность, исходя из теории правоотношений, не может быть принципом, а является только признаком понятия уголовного судопроизводства. Другими словами, не может быть незаконного уголовного судопроизводства, как не может быть незаконного административного, гражданского судопроизводства. Таким образом, имеет место логический изъян в принципе законности. В соответствии с принципом законности следственные и процессуальные действия, выполненные с нарушением закона, признаются недопустимыми (ч. 3 ст. 7), данная норма корреспондируется с ч.1 ст. 75 УПК РФ, где она и должна находиться, так как идет речь о норме доказательного права, а не о принципе. Кроме того, можно констатировать, что данная норма не порождает новых правоотношений, что снижает ее ценность и практическую востребованность. Другой проблемой реализации принципа законности в уголовном судопроизводстве является то, что данный принцип адресован исключительно стороне обвинения, что видно по тем последствиям, изложенным в ч. 3 ст. 7 УПК РФ. При этом нарушение закона со стороны защиты, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и их защитника не подлежит не только наказанию, а нередко и осуждению. Некоторые процессуалисты видят в подобных действиях реализацию состязательности в той мере, что законодатель допускает возможность защищаться любыми способами, прямо не запрещенными законом,[1] что является ошибочным, по нашему мнению, подходом к принципу законности. С точки зрения филологии законность определяется как деятельность справедливая, правильная, обоснованная[2]. Таким образом данный принцип должен быть обращен не только стороне

[1] См.: Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 33–35.

[2] См.: Кузнецов С. А. Указ. соч. С. 204.

обвинения и защиты. Разумеется, говоря о реализации в такой редакции принципа законности, законодатель должен не только по-иному сконструировать ст. 7 УПК РФ, но и предусмотреть санкции за их нарушение. Говоря о возможном наказании со стороны защиты нельзя сказать, что мы имеет некий правовой вакуум. Так, например, законодательство об адвокатской деятельности предусматривает возможность наказания, а в крайних случаях и запрета заниматься адвокатской деятельностью в случаях, когда действия защитника незаконно противодействуют суду при рассмотрении уголовного дела. Но приходится сожалеть, что в настоящее время законодатель не предусмотрел ответственности для подозреваемых, обвиняемых в случаях явных нарушений правил ведения уголовного судопроизводства. Так, например при выявлении подобных действий со стороны защиты суд США вправе привлечь подсудимого к уголовной ответственности за неуважение к суду на основании § 401 Примерного Уголовного Кодекса США[1]. Нам кажется, что уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации должно быть дополнено подобными нормами имеющимися в уголовном законодательстве США.

Другой проблемой реализации принципа законности в уголовном судопроизводстве, по нашему мнению, являются слишком частые случаи, когда органы предварительного расследования признают вещественными доказательствами и налагают аресты не только на имущество физических лиц, но и на имущество юридических лиц — строящиеся и находящиеся в эксплуатации объекты недвижимости, промышленные предприятия и т. д. В связи с этим мы полагаем, что ученые процессуалисты справедливо поднимают вопрос о выделении самостоятельного принципа неприкосновенности собственности (имущества) в уголовном судопроизводстве на основе положений ст. 2, 8 и 18, ч. 1–3 ст. 35, ч. 1 и 2 ст. 46, ч. 2 ст. 118, ч. 3 ст. 128 Конституции Российской Федерации[2].

---

[1] Robinson P. Примерный Уголовный Кодекс США // Criminal law. N.Y., 1997.

[2] См.: Тутынин И. Б. Неприкосновенность имущества как принцип уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. 2016. № 5(28). С. 330–335.

3. Принцип осуществления правосудия только судом (ст. 8 УПК РФ). Передача полномочий по осуществлению правосудия только судам («без всякого участия властей административных») являлась одной из задач судебной реформы 1864 года и стало важной чертой нового, смешанного типа процесса (ст. 5 Основных положений преобразования судебной части в России 29 сентября 1862 г.). Нужно отметить, что ряд ученых ошибочно признают незаконными решения представителей государственных органов по осуществлению уголовного судопроизводства в условиях военного времени. Так, Т. Ю. Вилкова[1] ошибочно относит к «произволу государственных органов», вероятно, органов ВЧК–ГПУ, осуществления правосудия в прифронтовой полосе специальными подразделениями («летучими трибуналами» и прочее), забывая при этом, что даже современным военным законодательством (ст. 9 Дисциплинарного Устава Вооруженных Сил Российской Федерации) на командира воинского подразделения в боевой обстановке возлагается обязанность по поддержанию порядка и способности к выполнению поставленных задач во вверенном подразделении любыми способами, вплоть до применения оружия[2]. Таким образом, мы можем заключить, что нормы уголовно-процессуального законодательства, их принципы, применяются в мирной жизни государства. Во время военных действий в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 55, 56 Конституции Российской Федерации) приостанавливается соблюдение определенных конституционных прав граждан.

Согласно данному принципу, правосудие по уголовным делам осуществляется только судом, никто не может быть признан виновным и подвергнут наказанию иначе, чем по приговору суда, подсудимому должна быть предоставлена возможность рассмотреть уголовное дело только тем судьей, который вправе рассматривать его в соответствии с правилами подсудности. Основа данного принципа

[1] См.: Вилкова Т. Ю. Система принципов уголовного судопроизводства. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2022. С. 265.

[2] См.: Дисциплинарный Устав Вооруженных Сил Российской Федерации. Москва: ЦЕНТРМАГ, 2022. 68 с.

имеет конституционную природу и отражена в ст. 47, 118 Конституции Российской Федерации. Указанное нами конституционное правило имплементировано в гражданское, процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство. Смысл данного правила везде одинаковый: никто, кроме суда, не может возлагать на себя функцию правосудия. Конституционную норму об осуществлении правосудия только судом с большой натяжкой можно назвать принципом уголовного процесса в силу того, что его положения действуют только на судебных стадиях или стадиях досудебного производства и рассмотрении судом вопросов, предусмотренных с ограничением конституционных прав отдельных участников уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 29 УПК РФ).

Так, апелляционная инстанция Санкт-Петербургского городского суда обоснованно отменила приговор нижестоящего районного суда по причине того, что судья при рассмотрении вопросов, связанных с ограничением конституционных прав обвиняемого по обжалованному уголовному делу в досудебном производстве (избрание меры пресечения в виде заключения под стражу), в решении высказала свое мнение о виновности обвиняемого в совершении инкриминируемого преступления. Позднее эта же судья вынесла в отношении обвиняемого обвинительный приговор, тем самым лишив осужденного права на рассмотрение уголовного дела беспристрастным судом, что явилось существенным нарушением уголовно-процессуального закона, выявленным при рассмотрении уголовного дела в апелляционной инстанции (ст. 389.15, 389.17 УПК РФ)[1].

Данное законоположение представлено как принцип уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальных кодексах многих государств: ст. 9 УПК Республики Беларусь, ст. 11 УПК Казахстана, ст. 2 УПК Чили, в Королевстве Саудовской Аравии, где действует коранический (канонический) принцип кади или законного судьи[2].

---

[1] Апелляционное определение по уголовному дело № 22-2327/2022 (1-429/2021) по признаку преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ в отношении К. // Архив Санкт-Петербургского городского суда за 2022 год.

[2] См.: Уголовно-процессуальный закон Королевства Саудовская Аравия / Науч. ред. Н. Г. Стойко. Санкт-Петербург: Юридический центр, 2016. С. 118.

Одной из проблем правоприменения является то, что законодателем не дано легального определения правосудия. С точки зрения филологии под правосудием понимается: судить по правде, по закону, по совести[1]. Из этого следует, что в основу определения данного термина должно быть поставлено, не место, где оно осуществляется, или орган, на который возложено принятие решений, а важное его свойство, говорящее о том, что решение вынесено справедливо, по совести и на основании уголовно-процессуального закона.

Так, например, в ряде государств германской правовой семьи правосудие может осуществляться не только судом, но и иными органами государственной власти: например, в кантоне Берн функции по рассмотрению уголовных дел могут на основе закона передаваться органам исполнительной власти кантона или общинам, в Лихтенштейне — специально подготовленным и проинструктированным сотрудникам Суда земли, не имеющим статуса судьи[2].

Конституция Российской Федерации, большинство ученых определяют правосудие как деятельность суда при рассмотрении уголовных, гражданских, административных дел[3]. Другие ученые полагают, что круг лиц, осуществляющих правосудие, необоснованно сужен законодателем. По их мнению, конструкция уголовно-процессуального закона позволяет осуществлять правосудие не только суду, как указано в уголовном процессе и Конституции Российской Федерации (ст. 8 УПК РФ; ст. 47, 118 Конституции Российской Федерации), но другим лицам, имеющим полномочие на принятие окончательных судебных решений (прокурор, следователь, дознаватель, их процессуальные руководители)[4]. Так, например, с этой точки зрения, следователь или дознаватель, прекращая уголовное дело по не реабилитирующим основаниям на основании акта амнистии

---

[1] См.: Кузнецов С. А. Указ. соч. С. 595.

[2] См.: Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. Москва, 2021. С. 94.

[3] См., например: Долгушин А. В. Развитие процессуальных условий развития принципа состязательности: автореф. дис … канд. юрид. наук. Москва, 1995. С. 20; Лусегенова З. С. Теоретико-правовые основы судебной власти в Российской Федерации: дисс. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2000. С. 73; Рябцева Е. В. Правосудие в уголовном процессе России: монография. Москва: Юрлитинформ, 2010. С. 12.

[4] См., например: Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г. Теоретические основы эффективности правосудия. Москва, 1979. С. 45–46; Хачароев Х. Д. К вопросу о понятии и сущности правосудия // Российская юстиция. 2012. № 4. С. 59.

(п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ), принимает законное и справедливое решение. Законным оно является в силу того, что у него нет иной возможности продолжать уголовное преследование, а справедливым оно является в силу того, что законодатель принял решение в отношении определенной категории лиц, совершивших преступление, применить милость в форме амнистии и простить им совершенное преступления. Из этого следует, что термин правосудие, то есть правильное, справедливое решение, применим не только к судебным решениям, но и к решениям, принимаемым определенными участниками уголовного судопроизводства, отнесенным к стороне обвинения.

Таким образом, нам представляется, что для исправления ситуации законодатель должен изменить конституционное и уголовно-процессуальное законодательство.

4. Принцип независимости судей (ст. 8.1 УПК РФ). Из содержания данного принципа мы видим, что судьи при осуществлении правосудия подчинены Конституции Российской Федерации и федеральному закону, недопустимо вмешательство в деятельность судей, информация о вне процессуальных обращениях к суду со стороны не участников уголовного судопроизводства подлежит преданию гласности и доведению до сведения участников уголовного судопроизводства и не является основанием для проведения процессуальных действий и процессуальных решений по уголовным делам.

Независимость судей можно увидеть в качестве принципа в уголовно-процессуальных кодексах большинства государств с пандектной[1] системой построения правовых актов: ст. 22 УПК Казахстана, ст. 3 УПК Албании, ст. 7 УПК Республики Гондурас и др.[2].

Нормы данного принципа свидетельствуют о реализации конституционного положения, предусмотренного ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации, определяющей, что судьи при

[1] Пандектная система — принцип построения нормативно-правовых актов (кодексов, законов, иных нормативных актов), присущая германской правовой семье, разработанная германскими юристами Г. Ф. Пухт, Г. А. Хайзе и др., при котором общая и особенная части отрасли права выделяются в отдельные разделы.

[2] Смирнова И. Г., Казарина М. И. Принцип независимости судей в уголовно-процессуальном праве: теоретико-методологический аспект исследования. // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 108–113.

осуществлении правосудия независимы и подчиняются только Конституции и федеральному закону Российской Федерации. Независимость судей заключается, в частности, в том, что вмешательство в деятельность судов при отправлении ими правосудия, в том числе со стороны вышестоящих судебных инстанций, является недопустимым. Интересы обеспечения независимости исключают текущий контроль со стороны вышестоящих судебных инстанций за ходом рассмотрения дела судом первой инстанции и вмешательство в осуществление судом первой инстанции своих дискреционных полномочий. При осуществлении правосудия по уголовным делам никто не вправе вмешиваться в уголовно-процессуальную деятельность судьи. Законодателем определено, что любая форма вмешательства при осуществлении правосудия по уголовным делам должна быть предана гласности и доведена до сведения участников судебного разбирательства посредством размещения данной информации на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Не вызывает сомнения, что сущностные характеристики суда (беспристрастность, независимость, компетентность) и осуществляемой им уголовно-процессуальной деятельности (гласность, устность и непосредственность) в современных условиях, учитывая возросшую роль суда и рассмотрение им различных вопросов на всех без исключения стадиях, должны признаваться принципами уголовного судопроизводства.

О значимости данного принципа уголовного судопроизводство указывается в трудах ученых. Так, И. Я. Фойницкий писал, что суд должен быть свободен в принятии своего решения, и освобожден от подчинения чьим-либо интересам[1].

Однако, несмотря на то, что в Конституции Российской Федерации, УПК РФ и других нормативных актах закрепляется независимость судей и подчинение их только закону, судьи, присяжные заседатели не могут пренебрегать общественным мнением, а также мнением отдельных граждан о решении, которое ожидается от суда.

[1] См.: Фойницкий И. Я. Указ. соч. Т. 1. С. 158.

На возможность формирования такого мнения оказывает влияние открытость и гласность судебного разбирательства. Нередко мнение гражданского общества не совпадает с законом или судейским усмотрением, но, тем не менее, судья при принятии решения должен руководствоваться только законом.

На реализацию принципа независимости судей влияют как внешние, так и внутренние факторы. К внешним факторам относятся посягательства на судебную независимость со стороны других ветвей государственной власти, прежде всего исполнительной.

Так, например, Президент Российской Федерации представляет кандидатуры для назначения на должность судей Верховного Суда Российской Федерации (ст. 83 Конституции Российской Федерации) и тем самым оказывает влияние на судей. К внутренним факторам относятся властные полномочия, принадлежащие председателям судов и их заместителям, которые распределяют работу между судьями, а, следовательно, могут влиять на объем и качество нагрузки судей по уголовным делам (ч. 3 ст.35 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»[1]). На независимость судей при рассмотрении уголовных или других категорий дел также влияет не только порядок назначения на должность, но и правила, по которым возможно отстранение судьи от занимаемой должности.

Так, порядок прекращения полномочий судьи в Российской Федерации предусматривает большое количество оснований для отстранения судьи от должности, при этом некоторые из них носят отсылочный характер и регулируются не федеральным законом, а подзаконными актами (ст. 14 Закона Российской Федерации «О статусе судей»[2]). В отличие от Российской Федерации, в Финляндской Республике отстранить судью от занимаемой должности можно только в одном случае, а именно, если в отношении судьи будет вынесен судом

[1] О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О Статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 14 апреля 1994 г. № 4791-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обвинительный приговор[1]. По нашему мнению, принцип независимости судей эффективнее решен законодателями Финляндии, Норвегии и других государств.

Таким образом, мы полагаем, что для реализации принципа независимости судей в уголовном судопроизводстве необходимо изменить систему назначения и принципы управления в судебной системе, тем самым оградить судей от влияния посторонних факторов.

5. Принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ). Содержанием данного принципа является законодательный запрет на осуществление действий или решений, унижающих человеческое достоинство, также запрещаются пытки, насилие, жестокое обращение, унижающее человеческое достоинство.

Нередко некоторые понятия, кажущиеся на первый взгляд простыми, на деле являются глубокими и сложными для понимания, становятся предметом исследования выдающихся мыслителей и философов. Так, например немецкий философ эпохи Просвещения И. Кант определяет достоинство как принадлежность «к роду человеческому», то есть, исходя из позиции ученого, любой человек обладает достоинством от рождения. По мнению немецкого поэта и философа Ф. Шиллера, под достоинством понимается победа моральной силы над инстинктами человека. Честь человека философ Й. Экштейн определял как реализацию духовного «я» человека, немецкий философ А. Шопенгауэр определяет честь как внешнюю оценку личности, его репутацию[2].

Мнения ученых по данному вопросу можно цитировать бесконечно. Таким образом, сформулировать определение чести и достоинства применительно к уголовному судопроизводству, на наш взгляд, просто невозможно. Понятия «честь» и «достоинство» не только могут рассматриваться в различных философских,

[1] § 103 Конституция Финляндской Республики от 11 июня 1999 г.

[2] См.: Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения: в 6 т. Москва: Мысль. 1965. Т. 4, ч. II. 1783. 544 с.; Шиллер Ф. О грации и достоинстве // Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Художественная литература, 1957. Т. 6. С. 115–169; Экштейн Й. Честь в философии и праве. Санкт-Петербург, 1895. 52 с.; Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. Москва: Экспо, 2015, 640 с.

нравственных и духовных аспектах, но и менять свое содержание в конкретно-исторических условиях. Поэтому в уголовном судопроизводстве проще определить запреты применительно к данным понятиям, которые могут нарушаться при расследовании уголовного дела. Смысл данного принципа заключается в том, что при реализации задач уголовного судопроизводства допускается вмешательство в личную жизнь граждан. Так, например, чтобы не допустить разглашения личной жизни граждан, уголовные дела о преступлениях против половой неприкосновенности рассматриваются судами в закрытом режиме (п. 3 ч. 2 ст. 241 УПК РФ). Закрепленные в данном принципе правила недопустимости неуважительного отношения к чести и достоинству участников уголовного судопроизводства, бережном отношении к жизни и здоровью человека, недопустимости пыток, носят универсальный характер, потому что распространяются не только на уголовное судопроизводство, но и на другие сферы взаимоотношения государственных органов и личности. Следует отметить, что уважение чести или достоинства в общечеловеческом смысле соотносятся с применяемыми в отношении человека мерами принуждения, возможности назначении наказания в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы. В уголовном судопроизводства реализация данного конституционного принципа сводится к уважительному отношению к лицам — участникам уголовного судопроизводства, как со стороны защиты, так и стороны обвинения. В этом смысле непонятно насколько возможно применять норму уголовного права о привлечении к уголовной ответственности за уклонение от сдачи образцов для сравнительного исследования потерпевшим, свидетелем (ст. 308 УК РФ), которое в силу своих религиозных убеждений или особого взгляда на проведение медицинских процедур отказывается подвергнуть себя медицинским манипуляциям. На наш взгляд, существование данной нормы закона в ее нынешней редакции, в которой она в настоящее время существует, противоречит не только принципам уголовного судопроизводства, но и самому подходу к формированию доказательств в уголовном процессе. Ведь если нет возможности получить какое-либо доказательство при расследовании

уголовного дела, то это не является основанием для получения доказательства насильственным образом. Следовательно, обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, нужно устанавливать, применяя иные доказательства.

6. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ). Содержанием данного принципа является то, что орган предварительного расследования, прокурор, обязаны разъяснять гражданам, вовлеченным в уголовное судопроизводство, их права и создавать условия для реализации ими своих прав; если в уголовный процесс вовлечены лица, обладающие иммунитетом от обязанности давать показания или участвовать в процессуальных или следственных действиях, то данным участникам должно быть разъяснено право возможности отказаться от иммунитета и одновременно должны быть разъяснены последствия этого в виде возможности использовать результаты следственных действий в качестве доказательств. Важным законоположением данного принципа является обязанность в случае необходимости принимать меры безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства и, в случае нарушения прав участников уголовного судопроизводства, возмещать им вред по правилам реабилитации в уголовном процессе. Анализируя данный принцип, можно прийти к выводу, что название принципа не в полной мере соответствует его содержанию (о свободах, указанных в названии принципа, ничего не указано в тексте статьи). Также следует обратить внимание на то, что содержание, содержание принципа носит не основной, а отсылочный характер, что снижает ценность данного законоположения с теоретической точки зрения в качестве принципа уголовного процесса. Кроме того, буквальное толкование отдельных положений данного принципа уголовного судопроизводства указывает на то, что защите подлежат законные интересы и права подозреваемого и обвиняемого (ч. 4 ст. 11 УПК РФ). Но при этом отраженные гарантии не закрепляют право потерпевшего требовать возмещение вреда от преступления. Предусмотренная уголовным судопроизводством возможность предъявить гражданский иск не может быть признана эффективным средством защиты лиц,

пострадавших от преступления (ст. 44 УПК РФ). В случае применения акта амнистии, смерти подозреваемого или обвиняемого вообще ставится под вопрос перспектива восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего.

7. Принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 13 УПК РФ). Согласно этому принципу, каждый имеет право на неприкосновенность личной переписки в различных формах, что отражено в Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 23). Ограничение этого права возможно только в интересах уголовного судопроизводства, на основании судебного решения. Смысл данного положения заключается в том, что законом охраняется личная жизнь (в этом смысле данный принцип корреспондируется с принципом уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), и защищаются от постороннего вторжения материальные объекты, на которых может храниться личная информация участников уголовного судопроизводства.

Средства коммуникации являются одной из отраслей жизни человека, где нормативное регулирование не успевает за развитием науки и техники. Российское уголовно-процессуальное законодательство в настоящее время не успевает за научно-техническим прогрессом и не регулирует порядок изъятия необходимой в расследовании информации из социальных сетей, мессенджеров и т. п. Исходя из ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации, каждое лицо имеет ряд прав, ограничение которых возможно только в порядке, предусмотренном законом, и на основании решения суда. К таким правам относится тайна переписки.

В социальных сетях, мессенджерах мы оставляем личную информацию, нередко имеющую ограниченный доступ только для близких нам людей. Все остальные пользователи социальных сетей и других средств коммуникации между людьми не могут знакомиться с нашими личными данными.

При отсутствии специального порядка изъятия данной информации применяется обычный порядок — изъятие производится путем выемки в администрации социальных сетей, по правилам,

предусмотренным ст. 183 УПК РФ, посредством вынесения лицом, расследующим уголовное дело, специального об этом постановления.

Данный порядок изъятия личной информации, без судебного решения, носит, по нашему мнению, спорный характер.

Ученые-процессуалисты[1] давно обращают внимание законодателя на этот непоследовательный характер подхода государства к личной тайне, когда, с одной стороны, прослушивать телефонные переговоры в интересах органов предварительного расследования можно только на основании судебного решения, а с другой стороны — знакомиться с информацией в новых средствах коммуникации, например, в социальных сетях, можно не спрашивая решения суда. Подобная ситуация, вероятно, в ближайшее время будет исправлена законодателем.

8. Принцип презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ). Согласно этому принципу, лица, вовлеченные в уголовное судопроизводство со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, гражданский ответчик), изначально являются невиновными, их виновность (обоснованность подозрений, обвинений) необходимо доказать, то есть стороне обвинения необходимо собрать определенную совокупность доказательств. Только в этом случае суд может признать подсудимого виновным в совершении инкриминируемого ему преступления. Правило о юридическом равенстве доказанной невиновности и доказанной виновности в совершении преступления является объективной закономерностью общественных отношений, основанное на нравственном понимании справедливости в уголовном судопроизводстве. Единственным способом избежать доказанную невиновность является повышение эффективности органов расследования в виде способности установить реальные обстоятельства преступления, что позволит достигнуть успеха стороны обвинения при судебном разбирательстве по уголовному делу. Диспозиция статьи говорит о том, что подозреваемый,

[1] См., например: Новицкий А. Н. Проблемы выемки в российском уголовно процессе // Молодой ученый. 2018. № 46. С. 179–181; Россинский С. Б. Размышление о сущности выемки как объекта уголовно-процессуального регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 42–45; Денисов Е. А. Проблемы изъятия криминалистической значимой информации у компании, представляющей услуги социальной сети // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 101–104; и др.

обвиняемый при реализации данного принципа уголовного судопроизводства без последствий для себя вправе как отказаться от дачи показаний, так и в ходе расследования уголовного дела говорить ложную информацию об обстоятельствах, имеющих значение для разрешения уголовного дела. Но правильно ли это? Например, V поправка к Конституции США[1] предоставляет подозреваемому в момент задержания право на молчание, то есть он вправе не отвечать на вопросы представителей правоохранительных органов и тем самым не свидетельствовать против себя. К сожалению, приходится отмечать, что имеет место ошибочное мнение, что к этому праву резюмируется право на ложь. Однако, это не верно. Уголовное законодательство США предусматривает ответственность за ложные показания в суде не только потерпевших, свидетелей, что кажется естественным, но и подсудимых (§ 1621, 1623)[2]. По мнению И. Канта любой человек обязан говорить правду, какой бы вред он не причинил себе этими правдивыми объяснениями своего поступка, в противном случае этот человек искажает истину и содействует тому, что его показаниям не может быть доверия, что может повлечь разрушение всего права, основанного на договорах, а в мировом масштабе может вылиться в несправедливость ко всему человеческому миру вообще. Продолжая свою мысль, И. Кант говорит о том, что тот, кто лжет, какие бы добрые намерения он при этом ни имел, должен отвечать за это, нести ответственность[3].

В связи с этим приходится сожалеть о том, что, несмотря на то, что принципы уголовного судопроизводства не содержит прямых норм, разрешающих стороне безнаказанно давать заведомо ложные показания (пояснения), каких-либо санкций в Уголовном кодексе за совершение подобных действий наш законодатель не предусмотрел.

---

[1] См.: Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / Под ред. О. А. Жидкова; пер. В. И. Лафитского. Москва: Прогресс, 1993. С. 28.

[2] См.: Уголовное право Соединенных Штатов Америки / Сост., отв. ред. И. Д. Козочкин // Сборник нормативных актов. Москва: Издательство УДН, 1986. 160 с.

[3] См.: Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма. Москва, 1980. С. 232–237.

Одним из дискуссионных вопросов среди ученых процессуалистов является вопрос: как можно соотносить презумпцию невиновности, которая в своем классическом понимании предполагает невозможность признания лица виновным по приговору суда без подробного исследовании как обвинительных, так и оправдательных доказательств, с особыми порядками принятия решений о виновности в уголовном судопроизводстве (главы 32, 40, 40[1] УПК РФ), которые в силу упрощения предполагают порядок постановления приговора без подробного исследования доказательств.

В споре рождается не истина, в споре рождаются позиции сторон по оценке того или иного события или факта. И как часто бывает в споре, позиции ученых по поводу применения особых порядков или вообще по способам упрощенного судопроизводства носят диаметрально противоположный характер.

Сторонники внедрения и расширения упрощенных способов разрешения судебного спора доказывают право на его существование в уголовном судопроизводстве следующими доводами. Право давать показания, защищать свои права в уголовном судопроизводстве является личным, неотчуждаемым правом лица. Никто, ни государственные органы, ни иные лица не вправе заставлять лицо давать показания. *Cosensus tollin errorem* (лат.) — согласие погашает ошибку, иначе говоря, то кто согласился признать себя виновным не вправе впоследствии против этого возражать. Суд как орган, разрешающий уголовно-процессуальный спор, может оценивать доступные ему доказательства и на основании этого принимать решения о виновности или невиновности лица в инкриминируемом ему преступлении. Кроме достижения поставленной законодателем в виде презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве должны осуществляться в пределах, выделенных государством (определенные законодателем категории преступлений и т. д.) и без существенного превышения сроков принятия решения по каждому уголовному делу. Ведь блага, защитой его интересов, государства, разумные сроки расследования

являются вышей ценностью для законодателя — *Salus reipublicae supreme lex* (лат)[1].

Их противники применительно к реализации принципа уголовного судопроизводства — презумпции невиновности выражают сомнения в возможности реализации прав стороны защиты при добровольном отказе виновного от исследования доказательств в ходе судебного разбирательства (обвинительных и оправдательных). Тем более что закон предусматривает ограничения для обжалования судебных решений, которые носят всегда обвинительный характер при применении сокращенных судопроизводств. *Actus est, iliecet* (лат.) — дело закончено, можно расходиться[2].

Анализируя позиции ученых по данному вопросу, можно сказать следующее: было бы неправильным возлагать на судей обязанность выяснять важные или менее важные обстоятельства по уголовному делу, если одна из сторон, а именно сторона защиты этому не способствует. Причинами подобных действий стороны защиты — подозреваемого, обвиняемого, на наш взгляд следующие. Они не оспаривают выдвинутое в отношении себя обвинение или подозрение, и поэтому соглашаются на рассмотрение уголовного дела в упрощенном порядке, кроме того, государство предлагает виновной стороне сделку: вы не настаиваете на исследовании всех доказательств, а мы при назначении наказания учитываем это[3]. Таким образом в результате сделки или договора между государством, находящемся на страже общественного порядка, и виновного лица, общественный мир восстанавливается с тем, что обе стороны получают определенные преференции, а именно, государство затрачивает меньшие бюджетные средства и несет меньшие временные затраты, а виновное лицо экономит время на рассмотрение уголовного дела и на отбытие наказания.

---

[1] См., например: Томин В. Т. Указ. соч. С. 253–255; Николюк В. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: монография / Николюк В. В., Дершев Ю. В. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003. С. 28–29.

[2] См.: Головко Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. Санкт-Петербург: Юридический Центр «Пресс», 2002. 544 с.

[3] См.: Фридмен Л. Введение в американское право. Москва, 1993. С. 140–142.

9. Принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ). Состязательность как способ разрешения судебного спора является вершиной эволюции порядка судебного разбирательства и применяется в той или иной мере в большинстве стран мира. Основные отличия в формах состязательности сводятся к следующему. Возможность в большей мере собирать доказательства стороной обвинения присуща странам со смешанной системой уголовного судопроизводства. Также при смешанной системе уголовного судопроизводства при рассмотрении уголовного дела в состязательном процессе суд играет активную роль в исследовании доказательств, а также имеет возможность по собственной инициативе принимать процессуальные решения, такие как допуск защитника, переводчика, назначение и проведение судебных экспертиз (уголовный процесс Швеции, Японии, Финляндии).

Данный принцип предусматривает такое построение уголовного судопроизводства, при котором функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут осуществляться одним и тем же органом или лицом. Суд занимает активную, но беспристрастную позицию, а участники процесса занимают положение сторон (сторона обвинения, осуществляющая функции уголовного преследования, поддержания гражданского иска, и сторона защиты, исполняющая функции охраны прав и интересов подозреваемых и обвиняемых, ответ на гражданский иск) и отстаивают перед судом свои интересы.

Суд создает необходимые условия для осуществления сторонами предоставленных им прав и исполнения их процессуальных обязанностей.

Стороны обладают равными процессуальными правами:

1) по представлению доказательств;

2) исследованию доказательств;

3) заявлению ходатайств.

Равенство прав сторон закреплено в ст. 244 УПК РФ. Так, например, и обвинитель, и подсудимый со своим защитником вправе излагать суду свои соображения и выводы по поводу всех вопросов,

которые возникают в судебном заседании и отражаются в приговоре: о квалификации преступления, виде и размере наказания и другим.

Значение данного принципа заключается в том, что функция обвинения и защиты отделены от функции правосудия. Соединение данных функций в одном лице несовместимы с точки зрения логики и психологии, поскольку в случае совмещения функций правосудия и защиты или правосудия и обвинения суд будет занимать позицию одной из сторон.

Существование данного принципа, исходя из того, что принцип как норма, как мы указывали ранее, должен иметь применение на всех стадиях уголовного процесса, вызывает сомнение. Предварительное расследование строится в российском уголовном процессе не по состязательной модели, а по розыскной[1]. Участие суда на стадии предварительного расследования имеет место в тех случаях, когда необходимо проверить законность и обоснованность решений органов предварительного расследования, прокурора, суда в ситуации, когда в досудебных стадиях были приняты решения об избрании в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры, ограничивающие его конституционные права и свободы в уголовном судопроизводстве (ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Участие суда при расследовании уголовных дел на стадии предварительного расследования без сомнения является значительным, но не является абсолютным по каждому уголовному делу[2]. Таким образом, следует признать ошибочным мнение отдельных ученых о том, что состязательность на досудебной стадии обладает всеми признаками и свойствами принципа уголовного судопроизводства как такового, и, следовательно, является принципом уголовного судопроизводства[3]. Существенной особенностью принципа состязательности сторон является участие сторон, применительно

[1] См.: Шестакова С. Д. Указ. соч.

[2] Согласно отчету Судебного департамента Российской Федерации за 2021 год судами Российской Федерации по первой инстанции было рассмотрено 769 948 уголовных дел, в 506 338 случаях судами принимались решения, предусмотренные ч. 2 ст. 29 УПК РФ (Отчет Судебного департамента Российской Федерации о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 года. Разд. № 1, 4. // Судебный департамент Российской Федерации [официальный сайт]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120 (дата обращения: 20.12.2022).

[3] См.: Вилкова Т. Ю. Система принципов уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2022. С. 286–287.

к досудебному производству это проявляется не в полной мере. О сторонах на данном этапе уголовно-процессуальной деятельности можно говорить только применительно к судебному заседанию. При этом законодатель, допуская обязательное участие прокурора в судебном заседании, не исключает возможности его неучастия. Например, это следует из положений ч. 4 ст. 108 УПК РФ, предусматривающей отсутствие препятствий для рассмотрения судом ходатайства при неявке без уважительных причин сторон, за исключением неявки обвиняемого. Все это ставит под сомнение редакцию данного принципа уголовного судопроизводства.

10. Принцип обеспечения подозреваемому или обвиняемому право на защиту (ст. 16 УПК РФ). Данный принцип направлен на создание процессуальных условий для того, чтобы подозреваемый (обвиняемый) как представитель стороны защиты при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела имел возможность защищать себя самостоятельно или с помощью защитника от выдвинутого в отношении него подозрения или обвинения. Акцентирование внимания на соблюдении прав в уголовном судопроизводстве представителей одной стороны в уголовном процессе вызывает сомнение, хотя бы в силу того, что реализация процессуальных прав, разъяснение процессуальных прав является прямой обязанностью суда, прокурора, следователя или дознавателя, которые обязаны их реализовывать на основании принципа законности. С другой стороны указанный выше принцип давно известен российскому уголовному процессу, так как отражает типологическую характеристику смешанного типа уголовного процесса, присущего российскому уголовному судопроизводству. Впервые вопрос о необходимости защиты прав обвиняемых был поставлен при реализации Судебной реформы 1864 года. Соблюдению прав подозреваемого в уголовном судопроизводстве были посвящены ст. 379, 400–403, 1130 Устава уголовного судопроизводства Российской империи[1].

[1] См.: Верещагина А. В. Реформа уголовной юстиции 1864 года и ее значение для преобразования уголовного процесса Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1993. С. 3, 7.

В настоящее время обеспечение права обвиняемого на защиту относится к числу общепризнанных принципов уголовного судопроизводства и гарантируется в конституциях большинства государств.

В Конституции Российской Федерации право подозреваемого, обвиняемого на защиту выражено в ст. 45, 46, 48, которые в совокупности предоставляют ему правовую возможность защищать себя от предъявленного обвинения (выдвинутого подозрения) как лично, используя все не запрещенные законом средства и способы, так и с помощью защитника и (или) законного представителя. Правда, подход к реализации прав не одинаковый в разных государствах. В Российской Федерации государственная юридическая помощь подозреваемому (обвиняемому) осуществляется на безвозмездной основе, расходы на которую относятся к судебным издержкам и возмещаются государством.

Иной подход существует в некоторых других государствах мира. В уголовном судопроизводстве США, несмотря на то, что Конституцией США в шестой поправке говорится о праве обвиняемого по уголовному делу на помощь адвоката, на практике бесплатная помощь обвиняемому предоставляется, если у него нет денег на оплату услуг адвоката, при этом лицо, которое ходатайствует о бесплатной юридической помощи, должно доказать, что у него нет денежных средств на адвоката, и подтвердить свои слова под присягой[1]. Во Франции государство компенсирует оказание подозреваемому юридической помощи на 25–55 %, в зависимости от финансового положения подозреваемого (обвиняемого); полностью бесплатная помощь стороне защиты финансируется за счет общественных организаций[2].

В Германии, если участие в процессе защитника было финансировано государством, в случае вынесения обвинительного приговора осужденный обязан возместить государству затраты на предоставление защитника[3].

---

[1] Конституция Соединенных Штатов Америки: перевод. Москва: ТОО «Иван», 1993. С. 250.

[2] Новые ограничения на оказание юридической помощи. // Правительство Французской Республики [сайт]. URL: http://www.french-property.com/news/money_france/legal_aide_juridictionelle_2017/ (дата обращения: 20.12.2022).

[3] Портал правосудия стран Европейского Сообщества. URL: https://e-justice.europa.eu/content_european_judicial_network_in_civil_and_commercial_matters-21-en.do (дата обращения: 20.12.2022).

Таким образом, можно констатировать, что в большинстве стран с развитой правовой системой подход к предоставлению бесплатной юридической помощи по уголовным делам подозреваемому, обвиняемому, отличается от похода, применяемого уголовным судопроизводством в Российской Федерации[1].

Принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ). Данный принцип направлен на недопущение незаконного влияния на судью, присяжного, прокурора, следователя, дознавателя при принятии процессуального решения при расследовании уголовного дела.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает определенное количество требований к любому доказательству, иными словами, доказательство должно обладать определенным набором свойств. Поэтому при расследовании, судебном рассмотрении уголовного дела должностное лицо вправе опираться на любое доказательство (их совокупность) при принятии процессуального решения по уголовному делу, то есть должностное лицо свободно в наборе совокупности доказательств и любое давление извне при формировании перечня доказательств является незаконным.

Данное законоположение является следствием применения в российском уголовном процессе смешанно-состязательной модели уголовного судопроизводства, которая в своей сути уравнивает весь перечень доказательств. Этим порядок современного отечественного уголовного судопроизводства отличается от порядка, действовавшего до Судебной реформы 1864 года. Этот порядок был построен по частно-исковому и инквизиционному принципу рассмотрения уголовного дела, где отдельным доказательствам придавалась особая значимость. Так, признательные показания обвиняемого, показания свидетеля или потерпевшего расценивались в зависимости от того сословия, к которому относилось лицо, давшее эти показания; например, показания дворянина, боярина, офицера, «ценились» выше, чем показания купца, крестьянина, не говоря о показаниях смерда (раба), который вообще приравнивался в праве к вещи.

[1] Новые ограничения на оказание юридической помощи.

Важные особенности уголовного процесса должны оцениваться и рассматриваться в качестве отдельных принципов уголовного процесса. Они должны иметь применение на всех стадиях уголовного судопроизводства. Это относится и к свободной оценке доказательств при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела. Свобода оценки доказательств в уголовном судопроизводстве представлена как законоположение и в досудебном, и в судебном производстве. Свободе органов предварительного расследования в досудебном производстве посвящены следующие статьи УПК РФ:

– В ч. 2 ст. 140 говорится о том, что уголовное дело возбуждается при наличии достаточных доказательств, объем которых определяет лицо, принимающее решение в стадии возбуждения уголовного дела — следователь, дознаватель.

– Статья 171 предусматривает возможность предъявления выделения уголовного дела (материалов из уголовного дела) при наличии достаточности собранных доказательств.

Свободной оценке доказательств в судебных стадиях посвящены следующие статьи:

– Статья 249 допускает возможность возобновления судебного разбирательства при обстоятельствах (новых доказательствах), имеющих значение для уголовного дела.

– Статья 299 предусматривает возможность судьей выносить обвинительный приговор, в случаях, если вина подсудимого в инкриминируемом преступлении была доказана.

Все это указывает на обоснованное включение свободы оценки доказательств в число принципов уголовного процесса.

11. Принцип национального языка судопроизводства (ст. 18 УПК РФ). Судопроизводство ведется на русском языке или на государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик. Республики вправе самостоятельно устанавливать свои государственные языки. В Верховном Суде Российской Федерации и военных судах, а также кассационных судах общей юрисдикции, апелляционных судах общей юрисдикции, производство по уголовным делам осуществляется только на русском языке. Данная норма отражает

конституционную норму, согласно которой на всей территории Российской Федерации государственным языком является русский язык.

Если лицо владеет языком судопроизводства, но желает пользоваться родным языком, то ему должна быть обеспечена такая возможность. Данный принцип действует на всех стадиях уголовного судопроизводства. Правом на переводчика обладают как стороны процесса, так и свидетель.

При этом все следственные и судебные документы, подлежащие обязательному вручению подозреваемому, обвиняемому и другим участникам процесса, должны быть переведены на его родной язык или язык, которым он владеет. Значение данного принципа заключается в том, что он является государственной гарантией национального равноправия граждан. Кроме того, участие переводчика не только обеспечивает права участников процесса на пользование родным языком, но и содействует собиранию и закреплению доказательств. Определенной проблемой для реализации данного принципа является определение процессуального статуса переводчика в уголовном процессе. Законодателем переводчик определяется как лицо, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для правильного перевода (ст. 59 УПК РФ). На наш взгляд ошибаются процессуалисты[1], указывающие, что у переводчика должно быть специализированное образование — закон не предъявляет подобных условий для допуска лица в качестве переводчика. Но с другой стороны очевидна проблема, возникающая перед судом — как проверить профессиональную компетенцию потенциального переводчика председательствующим, который не владеет языком, на который и с которого необходимо переводить. Ряд процессуалистов[2], исследовавших данную проблему, предлагают для ее решения создать государственное

[1] См.: Пашков С. Ю. Теоретические и практические проблемы деятельности председательствующего в подготовительной части судебного заседания по уголовному делу // Налоги. — 2009. — № 26.

[2] См.: например: Кузнецов О. Ю. Переводчик в Российском уголовном процессе: монография. Москва, 2006. 265 с.; Винников А. В. Практические аспекты привлечения переводчика в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 1. С. 60–62; Винников А. В. Проблема компетенции переводчиков в уголовном процессе // Вопросы управления. 2012. № 2. С. 120–125; Шигуров А. В., Лемайкина Е. А. Проблема оценки компетенции переводчика в Российском уголовном процесс // Новый Университет. Серия: экономика и право. 2015. № 4. С. 99–101.

или общественно-государственное образование, целью которого будет поиск лиц, соответствующих вышеуказанным требованиям, для представления их в суд. Такое решение, несомненно, потребует дополнительного бюджетного финансирования и на фоне принимаемых руководством страны мер по сокращению расходов бюджета является неприемлемым. Возможным решением данной процессуальной проблемы является возложение председательствующим на представителей заинтересованной стороны, на основе реализации принципа состязательности, для перевода устной или письменной речи представить суду кандидатуру переводчика, которую после согласования с противоположной стороной можно будет ввести в уголовное дело в качестве переводчика. Однако и это предложение не решит до конца проблему проверки компетенции переводчика в уголовном процессе.

12. Принцип, обеспечивающий право на обжалование процессуальных действий и решений государственных органов и должностных лиц (ст. 19 УПК РФ). Это относительно новое законоположение — принцип уголовного судопроизводства, не присутствующее до 2002 года ни в законе, ни в доктринальных исследованиях, посвященных совершенствованию уголовного судопроизводства приносить жалобы на незаконные действия известны достаточно давно. Так, ст. 2 Судебника 1649 года предусматривала направление дела великому князю в случае обжалования приговора боярского суда. Петр I установил четыре судебные инстанции для рассмотрения уголовных дел[1]. До Судебной реформы 1864 года в Российском уголовном судопроизводстве имелся порядок рассмотрения жалоб, построенный на системе вышестоящих и нижестоящих судов, которые связывали отношения инстанционной подчиненности. В настоящее время институт обжалования широко развит в смешанном и в состязательном процессе, занимая важное место в системе средств, направленных на защиту прав и интересов обеих сторон. Согласно данному принципу, любое действие или бездействие и решение суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя могут быть обжалованы в порядке,

[1] См.: Линовский В. А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса: тип. Л. Нитче, 1849. С. 26–29.

установленном законом. Например, обвиняемый может обжаловать заключение под стражу, понуждение к признанию своей виновности и т. д. Каждое заинтересованное в деле лицо имеет право на обжалование приговора, определения суда и постановления судьи. Обжалование допускается не только в отношении обвинительного приговора, но и оправдательного в части мотивов и оснований оправдания (ст. 354 УПК РФ). Законом установлены порядок и сроки обжалования и рассмотрения жалоб на действия органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда. Согласно ст. 46 Конституции Российской Федерации каждый имеет право в соответствии с международными договорами России обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Здесь следует обратить внимание, что данный принцип должен реализовывать законное право на обжалование незаконных решений и не давать возможность путем «злоупотребления данным правом» оказывать незаконное воздействие на участников уголовного судопроизводства. Поэтому учеными-процессуалистами выдвигаются идеи закрепления в ст. 5 УПК РФ дефиниции «Злоупотребление правом — действие (бездействие) субъекта уголовного судопроизводства, не выходящее за пределы его правового статуса, однако нарушающее права, свободы и законные интересы других участников уголовного судопроизводства, а также препятствующие разбирательству дела и решению задач правосудия в разумные сроки, защите прав и свобод других участников уголовного судопроизводства». Кроме этого, авторы предлагают ввести в УПК РФ ст. 7.1 «Недопустимость злоупотребления правом», а также определить меры ответственности за нарушение порядка обжалования лицами, злоупотребляющими правом на обжалование[1].

[1] См., например: Желева О. В. Злоупотребление правом на обжалование в суд действий (бездействия) и решений государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 171; Алферова Е. В. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Государство и право. 2015. № 2. С. 158.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование теоретических и практических проблем правоприменения принципов уголовного судопроизводства позволили нам сделать несколько выводов.

Анализ принципов уголовного судопроизводства в европейских государствах и США показал, что на сегодняшний день, что на сегодняшний день наиболее влиятельными в геополитическом смысле стали уголовно-процессуальные модели США и Германии. Французская и английская уголовно-процессуальные системы, господствовавшие на «мировой карте» в течение длительного времени, заметно уступили свои позиции, что вряд ли говорит об их низком качестве заботы законодателя этих стран. Причина тут иная. Ведь чем сложнее уголовно-процессуальная модель, чем в большей мере она является результатом исторического развития, тем сложнее ей стать образцом для подражания и «международным стандартом».

Уголовное судопроизводство в Российской Федерации за свою многовековую историю прошло большой путь и главным вектором его развития стало реализация в уголовном судопроизводстве демократических начал. Анализ и сопоставление норм, содержащихся в УПК РФ и Конвенции ООН, свидетельствует, что большинство мировых стандартов справедливого судебного разбирательства отражены в положениях российского уголовно-процессуального законодательства. При этом, безусловно, указанные стандарты служат основным ориентиром для развития национального законодательства в сфере уголовного правосудия.

Определенную проблему при построении уголовного судопроизводства законодателями в Российской Федерации, в частности его принципов, создало фрагментарное заимствование двух моделей уголовного процесса, а именно англосаксонской и континентальной, что привело к их наложению и смешению элементов континентальной модели уголовного судопроизводства. Это видно на примерах нашего исследования, когда те или иные принципы уголовного

судопроизводства, отраженные в общеизвестных международных правовых актах, внедренные в национальное законодательство в качестве принципов уголовного судопроизводства в различных государствах интерпретируются по-разному. Мы обратили внимание, что такие фундаментальные принципы как законность, право на защиту, презумпция невиновности, независимость судей, язык уголовного судопроизводства в различных странах воспринимается по-разному. Мы полагаем, что российскому законодателю при конструировании норм принципов нужно внимательно изучать мировой опыт, в том числе и опыт адаптации и восприятия фундаментальных, мировых принципов к национальному законодательству, после чего принимать изменения в уголовное судопроизводство с разумной долей осторожности.

При построении и изучении принципов уголовного процесса можно использовать различные подходы: формально-юридический, типологический диалектический. Для дальнейшего продуктивного изучения правового феномена принципа уголовного процесса возможно появление новых подходов.

Так, формально-юридическиё метод построения принципов уголовного процесса подразумевает необходимость сопоставления юридических свойств изучаемых категорий с позиции их строения и места в правовой системе. Например, попытка разобраться в специфике юридической техники, принятой в соответствующих государствах, не может быть признана удачной при отсутствии единого подхода к формальных критериям для сравнения, которыми могут стать: способы изложения норм права в статьях нормативно-правовых актов; структура модельных законов; содержание техники индивидуальных правовых актов.

Типологический метод построения принципов уголовного процесса позволяет нам заключить, что вне зависимости от того, какая модель уголовного судопроизводства была выбрана законодателем (обвинительная, розыскная или смешанная), являются результатом

в стремлении общества оградить участников уголовного судопроизводства от незаконных действий со стороны лиц, наделенных властными полномочиями в сфере уголовно-процессуальной деятельности.

Диалектический подход может применяться как при классификации принципов уголовного процесса, так и в формировании правил уголовного процесса.

Последняя глава посвящена отдельным проблемам и возможным путям их решения при реализации некоторых принципов уголовного судопроизводства.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица сравнительных характеристик отдельных принципов уголовного процесса Российской Федерации и отдельных государств

Статья 15 УПК РФ Принцип состязательности сторон	Принцип состязательности сторон (*adversarial nature of the parties*) при котором бремя доказывания ложится на стороны в процессе, для этого они собирают доказательства и представляют их на суд суда присяжных. Принцип состязательности не мешает тому, что бы суд занимал активную позицию в процессе рассмотрения уголовного спора, может в необходимых случаях выходить за объем предъявленного обвинения и назначать подсудимому, при признании его виновным более строгого наказания (§ 38 Закона «О судебной практике и процедуре в уголовном судопроизводстве»)
Статья 7 УПК РФ Принцип законности	Принцип верховенства права (*rule of law*) гласит, что граждане должны починяться законным требованиям представителей государственной при осуществлении уголовного судопроизводства (ст. 7 Декларации прав человека и гражданина 1789 г.). Принцип законности и пропорциональности (*Gezetz und Verhaltnismasigkeit*) предполагает возможность устанавливать при рассмотрении уголовного дела только те обстоятельства которые необходимо установить исходя из тяжести выдвинутого обвинения. При расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела должны приниматься те ограничительные меры, которые в меньшей степени ограничивают права участников судебного разбирательства (§ 5 УПК Австрийской Республики).

	В соответствии с принципом законности, по мнению законодателя Норвегии опечатки, неточности не являются основанием для признания доказательств не допустимыми. При выявлении подобных нарушений суд самостоятельно праве все исправления в текст процессуальных документов (§ 44–46 Закона «О судебной практике и процедуре в уголовном судопроизводстве»)
Статья 8 УПК РФ Осуществление правосудия только судом	Конституция Австрийской Республики допускает возможность привлечения к уголовной ответственности за не значительные преступления на основании решения чиновника министерства юстиции и только в случае назначения наказание в виде лишения свободы решение об этом должно принимается только судом (ст. 87). Виновность лиц совершивших преступлении, за которое может быть назначено наказание не связанное с лишением свободы определяется судами или иными государственными органами юстиции (ст. 113 Конституции Королевства Нидерландов). Конституция Финляндии допускает возможность привлечения к уголовной ответственности за не значительные преступления на основании решения чиновника полиции и только в случае назначения наказание в виде лишения свободы решение об этом принимается только судом (§ 7)
Статья 8^1 УПК РФ Независимость судей и подчинение их только закону	Судьи несменяемы (ст. 2, 62, 64 Конституции Французской Республики). Конституцией Австрийской Республики предусмотрен одна возможность отстранения судьи от должности — вынесения судебного решения (ст. 88). Принцип независимости (*Unabhangigkeit*) Швейцарские законодатели распространяют не только на судебную систему — на судей,

	как это определено в уголовном судопроизводстве России (ст. 8, 8[1] УПК РФ). Но и на все государственные органы, осуществляющие расследование по уголовному делу, или участвующие в расследовании по уголовному делу (прокуратура, государственные экспертные учреждения и другие органы юстиции участвующие в уголовном судопроизводстве. Судьи, отправляющие правосудие, независимы в своих решениях, отстранение судьи от должности возможно только на основании судебного решения (ст. 97 Конституции ФРГ). Судьи, отправляющие правосудие, независимы в своих решениях, отстранение судьи от должности возможно только на основании судебного решения (ст. 117 Конституции Королевства Нидерландов). Конституцией Финляндкой республики предусмотрена одна возможность отстранения судьи от должности — вынесения в отношении данного должностного лица обвинительного приговора судом (§ 103)
Статья 14 УПК РФ Принцип Презумпции не виновности	Принцип презумпции не виновности (*presumption of innocence*). Согласно данному принципу, сторона обвинения в уголовном судопроизводстве, в ходе судебного рассмотрения уголовного дела должна убедить суд присяжных в виновности подсудимого в инкриминируемом ему преступлении. Важной особенностью уголовного судопроизводства в Великобритании является то, что выдвижение обвинения стороной обвинения возможно только в том случае если имеется реальная перспектива привлечения виновного к уголовной ответственности. Особенностью является обвиняемый во время полицейского дознания или судебного разбирательства в суде присяжных не вправе

	без уважительной мотивации отказываться от дачи показаний, так это может судом расценено, как виновность лица и уклонение от правосудия (Великобритания и Уэльс). Презумпция невиновности как принцип уголовного судопроизводства в Франции предполагает, что человек обвиненный в совершении преступления считается не виновным до того момента пока его вина в совершении инкриминируемого не будет установлена приговором суда. Исключением из данного правила являются упрошенные виду уголовных судопроизводств, предполагающие презумирование виновности лица в совершении преступления (УПК Французской Республики). Презумпция не виновности (*Unschuldsvermutung*). В соответствии с данным принципом обвиняемый не обязан доказывать свою виновность, сомнения в его виновности должны судом толковаться в его пользу. Бремя доказывания вины обвиняемого в совершение преступления ложится на представителей государственного обвинения — органы прокуратуры. Обвиняемый не обязан свидетельствовать против самого себя, однако если он умышлено, вопреки установленным обстоятельствам будет обвинять другого человека, то правила о презумпции невиновности в этом случае не применяются (§ 8, 245 УПК Австрийской Республики). Применение принципа презумпции невиновности (*Unschuldsvermutung*), о том, что любое лицо должно до приговора суда считаться невиновным в уголовном судопроизводстве Российской Федерации (ст. 14 УПК РФ) и Швейцарской Конфедерации (ст. 10 УПК Швейцарской Конфедерации) аналогично за исключением одной особенности.

	Данный принцип не применяется в упрощенных уголовных судопроизводств (издание приказа о наказании, рассмотрение дел о проступках и т. д.), так как в данном случае призюмируется, с учетом соответствующей позиции обвиняемого, признание виновного лица виновным (ст. 236, 352 УПК Швейцарской Конфедерации). Исключение из правила презумпции невиновности соглашение о признании вины (*Verstandigung und Verfahrensfortgang und Verfahrersergebnis mitVerfahrensbeteiligten*) при котором виновность подсудимого призуюмируется и не подвергается сомнению, как подсудимым, так и судом (§ 257с УПК ФРГ). Уголовное законодательство США предусматривает ответственность за ложные показания в суде не только потерпевших, свидетелей, что кажется естественным, но и подсудимых (§ 1621, 1623 Уголовного кодекса США)
Статья 16 УПК РФ Принцип обеспечения подозреваемому права на защиту	Подозреваемый имеет право защищаться от выдвинутого подозрения или обвинения любыми способами, не запрещенными в законе. Он вправе пользоваться услугами защитника (*solicitor*) в любое время и в любом объеме. Ограничениями права на оказание бесплатной юридической помощи является возможность оказания ее, только при подозрении или обвинении в тяжком преступлении. В остальных случаях оказание юридической помощь ограничивается консультацией по телефону. Так же ограничением права на защиту является возможность чиновниками полиции, занимающими высокие должности в структуре правоохранительных органов, «засекретить» факт задержания подозреваемого и ограничить его право на защитника, даже если он подозревается

	в совершении тяжкого преступления (Великобритания и Уэльс). Бесплатная юридическая помощь по уголовным делам предоставляется только малообеспеченным гражданам (ст. 18 Конституции Королевства Нидерландов)
Статья 17 УПК РФ Принцип свободы оценки доказательств	Принцип официальности (*Offizialplinzip*) определяет, что право уголовного преследования предоставлено специальному органу, осуществляющему уголовное преследование — прокуратура. Если прокурор, органы прокуратуры отказываются от уголовного преследования — это не означает прекращение уголовного дела или уголовного преследования, как предусмотрено в уголовном судопроизводстве Российской Федерации (ст. 254 УПК РФ). Представитель государственного обвинения, по просьбе потерпевшего продолжает поддерживать обвинение, в целях оказания помощи пострадавшему от преступления (§ 3 УПК Австрийской Республики)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Нормативно-правовые акты[1]

1. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.].

2. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. – Ленинград : Торговый дом «Герда», 1983. 254с.

Научная и учебная литература

5. Алексеев, С. С. Теория права. – Москва : Норма, 2004. – 320 с. – ISBN 5-89123-785-7. – Текст : непосредственный.

6. Боботов, С. В., Жигачев И.Ю. Введение в правовую систему США / С. В. Боботов, И. Ю. Жигачев. – Москва : Норма, 1997. – 333 с.– Текст : непосредственный.

7. Бойльке, В. Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник / Пер. с нем. Я. М. Плошкиной. Красноярск: Красноярский государственный университет, 2004. – 351 с. – ISBN 5-9604-0013-8. – Текст : непосредственный.

8. Гуценко, К. Ф. Уголовная юстиция США. – Москва : Юридическая литература, 1979. 206 с. – Текст : непосредственный.

9. Калиновский, К. Б. Основные виды уголовного судопроизводства. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского юридического института, 2002. 62 с. – Текст : непосредственный.

10. Конституция и права граждан / Под ред. И. А. Геевского (отв. ред.), В. А. Власихина, С. А. Червонной. – Москва : Мысль, 1987. – 315 с. – Текст : непосредственный.

11. Краткое изображение процессов и судебных тяжб. Артикул Воинский. 1715г. / Отв. ред. А. Г.Маньков // Законодательство перио-

[1] Представляется в соответствии со справочно-правовой системой «КонсультантПлюс».

да становления абсолютизма. – Москва : Юридическая литература, 1986. – 220 с. – Текст : непосредственный.

12. Кузнецов, О. Ю. Переводчик в Российском уголовном процессе : монография. – Москва : МПИ ФСБ России, 2006. – 256 с. – ISBN 5-8435-00-15-2. – Текст : непосредственный.

13. Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головко. – 2-е изд., испр. – Москва : Статут, 2017. – 1278 с. – ISBN 978-5-8354-1335-5. – Текст : непосредственный.

14. Ланге, Н. Древнее русское уголовное судопроизводство. – Санкт-Петербург : Типография А. Траншеля, 1884. – 249 с. – Текст : непосредственный.

15. Лебедев, В. М. Правосудие в современном мире : монография / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов [и др.] ; под ред. докт. юрид. наук, проф. В. М. Лебедева, академика РАН Т. Я. Хабриевой. – Москва, 2019. – 783 с. – ISBN 978-5-91768-883-1. – Текст : непосредственный.

16. Марченко, М. Н. Правовые системы современного мира : учебное пособие. – Москва : Зерцало-М, 2009. – 528 с. – ISBN 978-5-94373-150-1. – Текст : непосредственный.

17. Николюк, В. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России : монография / Николюк В. В., Деришев Ю. В. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2003. – 198 с. – ISBN 5-7889-0076-X. – Текст : непосредственный.

18. Новицкий, И. Б. Римское право. – Москва : Юридическая литература, 1994. – 298 с. – Текст : непосредственный.

19. Петрухин, И. Л. Правосудие: время реформ. – изд. 2-е. – Москва : Юридическая литература, 2001. – 346 с. – Текст : непосредственный.

20. Петрухин, И. Л. Теоретические основы эффективности правосудия / И. Л. Петрухин, Г. П. Батуров, Т. Г. Морщакова. – Москва : Юридическая литература, 1979. – 453 с. – Текст : непосредственный.

21. Плетнев, В. Д. Основные принципы военно-уголовного процесса в связи с главными основаниями общего. – Санкт-Петербург : Типография В. Ф. Киршбаума, 1908. – 220 с. – Текст : непосредственный.

22. Полянский, Н. Н. Уголовный процесс: уголовный суд, его устройство и деятельность. – Москва : Товарищество И. Д. Сытина, 1911. – 201 с. – Текст : непосредственный.

23. Решетников, Ф. М. Правовые системы стран мира : справочник. – Москва : Юридическая литература, 1993. – 254 с. – ISBN 5-7260-0590-2. – Текст : непосредственный..

24. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство. – Петроград : Издание Юридического книжного склада «Право», 1916. – 546 с. – Текст : непосредственный.

25. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. – Петроград : Издание Юридического книжного склада «Право», 1916. – 603 с.– Текст : непосредственный.

26. Российское законодательство X–XX вв. Т. 1 Законодательство Древней Руси / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1984. – 430 с. – Текст : непосредственный.

27. Рябцева, Е. В. Правосудие в уголовном процессе России : монография. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 397 с. – ISBN 978-5-93295-665-6. – Текст : непосредственный.

28. Случевский, В. К. Учебник уголовного процесса (судопроизводства) – Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1892. – 444 с. – Текст : непосредственный.

29. Смирнов, А. В. Состязательный процесс. – Санкт-Петербург : Альфа, 2001. – 315 с. – ISBN 5-87062-092-9. – Текст : непосредственный.

30. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под. общ. ред. А. В. Смирнова. – 7-е изд., перераб. – Москва : Норма, 2017. – 751 с. – ISBN 978-5-91768-794-0. – Текст : непосредственный.

31. Соборное Уложение 1649 г. Текст. Комментарии. // Под. ред. А. Г. Манькова. – Ленинград : Наука, 1987. – 448 с. – Текст : непосредственный.

32. Стойко, Н. Г. Уголовный процесс Англии и Уэльса, Бельгии и Дании: сравнительно-правовой аспект : монография / Н. Г. Стойко, А. С. Шагинян. – Красноярск : Издательство Красноярского ГУ, 1997. – 97 с. – Текст : непосредственный.

33. Стойко, Н. Г. Уголовный процесс Западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. – Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2006. – 263 с. – ISBN 5-9645-0077-3. – Текст : непосредственный.

34. Стойко, Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России. Сравнительное теоретическо-правовое исследование англо-американской и романо-германских правовых систем. – Санкт-Петербург : Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. – 261 с. – ISBN 5-9645-0077-3. – Текст : непосредственный.

35. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. – Москва : Юридическая литература, 1970. – 567 с. – Текст : непосредственный.

36. Судебники XV–XVI вв. / Под общ. ред. академика Б. Д. Грекова. – Москва : Наука, 1952. – 620 с. – Текст : непосредственный.

37. Теория государства и права: учебник / Пиголкин А. С. [и др.] ; под ред. Пиголкина А. С. – Москва : Юрайт, 2006. – 613 с. – ISBN 5-94879-508-X. – Текст : непосредственный.

38. Томин, В. Т. Уголовный процесс. Проблемы теории и практики / Бекетов М. Ю., Бобров В. К., Волынская О. В. [и др.]; под ред. докт. юрид. наук, проф. А. В. Ендольцевой, заслуженного работника высшей школы РФ, докт. юрид. наук, проф. О. В. Химичевой. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 455 с. – ISBN 978-5-238-03108-8. – Текст : непосредственный.

39. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Отв. ред. П. А. Лупинская. – Москва : Юрист, 1999. – 1008 с. – Текст : непосредственный.

40. Уголовный процесс / В. З. Лукашевич, П. С. Элькклид [и др.]. – Москва : Юридическая литература, 1972. – 567 с. – Текст : непосредственный.

41. Уголовный процесс / Под ред. К. Ф. Гуценко. – Москва : Зерцало, 1997. – 707 с. – Текст : непосредственный.

42. Ульянова, Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. – Москва : Госюриздат, 1959. – 168 с. – Текст : непосредственный.

43. Устав уголовного судопроизводства Российской Империи. – Санкт-Петербург : Издательство М. М. Стасюлевича, 1886. – 1143 с. – Текст : непосредственный.

44. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. – Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1910. – 1267 с. – Текст : непосредственный.

45. Шестакова, С. Д. Состязательность уголовного процесса. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2001. – 219 с. – ISBN 5-94201-010-2. – Текст : непосредственный.

46. Штамм, С. И. Судебник 1497 года. – Москва : Госюриздат, 1955. – 112 с.– Текст : непосредственный.

Научные статьи

47. Алферова, Е. В. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам / Е. В. Алферова. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Государство и право. – 2015. – № 2. – С. 102–106. – Библиогр.: с. 106.

48. Безруков, С. С. Принципы уголовного судопроизводства: сфера влияния. / С. С. Безруков. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2010. – № 2 (13). – С. 137–140. – Библиогр.: с. 140 (18 назв.).

49. Белоусов, В. Реализация потерпевшим права на отказ от уголовного преследования / В. Белоусов, С. Анастасов. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2007. – № 4. – С. 75–78. – Библиогр.: с. 78 (9 назв.).

50. Боронбеков, С. Основные ценности ислама — объекты охраны шариата / С. Боронбеков. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 2003. – № 2. – С. 92–100. – Библиогр.: с. 99–100 (18 назв.).

51. Винников, А. В. Практические аспекты привлечения переводчика в уголовном процессе / А. В. Винников. – Текст : непосредственный // Уголовный процесс. – 2012. – № 1. – 60–67.

52. Винников, А. В. Проблема компетенции переводчиков в уголовном процессе / А. В. Винников. – Текст : непосредственный // Вопросы управления. – 2012. – № 2. – С. 373–381. – Библиогр.: с. 381 (11 назв.).

53. Гриненко, А. В. Соотношение понятий «суд» и «судья» в российском уголовно-процессуальном законодательстве / А. В. Гриненко. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2016. – № 9. – С. 25–29.– Библиогр.: с. 29 (3 назв.).

54. Гришин, С. П. О гласности в деятельности квалификационной коллегий судей / С. П. Гришин. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2005. – № 3. – С. 26–28.

55. Грошевой, Ю. М. Демократические принципы советского правосудия в Конституции СССР / Ю. М. Грошевой. – Текст : непосредственный // Проблемы социалистической законности. – Харьков, 1978. – Вып. 3. – С. 11–19.

56. Денисов, Е. А. Проблемы изъятия криминалистической значимой информации у компании, представляющей услуги социальной сети / Е. А. Денисов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского Университета МВД России. – 2018. – № 2. – С. 101–104. – Библиогр.: с. 104 (10 назв.).

57. Козлихин, И. Ю. Мусульманское право / И. Ю. Козлихин. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 2011. – № 3. – С. 231–258. – Библиогр.: с. 234–258 (38 назв.).

58. Лукьянов, В. А. Основные начала и формы уголовного судопроизводства / В. А. Лукьянов. – Текст : непосредственный // Юридический журнал. – Санкт-Петербург, 1861. – № 8. – С. 389–400.

59. Новицкий, А. Н. Проблемы выемки в российском уголовно процессе / А. Н. Новицкий. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2018. – № 46. – С. 179–181. – Библиогр.: с. 181 (10 назв.).

60. Пашков, С. Ю. Теоретические и практические проблемы деятельности председательствующего в подготовительной части судебного заседания по уголовному делу / С. Ю. Пашков. – Текст : непосредственный // Налоги. — 2009. — № 26.

61. Прокофьева С. М. Сущность гуманизма в уголовном судопроизводстве / С. М. Прокофьева. – Текст : непосредственный // Юридические науки и образование. – 2016. – № 1(46). – С. 185–195. – Библиогр.: с. 194–195 (23 назв.).

62. Россинский, С. Б. Размышление о сущности выемки как объекта уголовно-процессуального регулирования / С. Б. Россинский. – Текст : непосредственный // Вестник Московского Университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 42–45. – Библиогр.: с. 42–45 (5 назв.).

63. Смирнов, А. В. Социально-историческая детерминация типов и форм судопроизводства, или вечен ли состязательный процесс? / А. В. Смирнов. – Текст : непосредственный // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности (к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича) : материалы конференции. Москва, 24–25 октября 2019 г. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – С. 30–45. – ISBN 978-5-4396-1990-0.

64. Смирнов, А. В. Формальные средства юридического доказывания в уголовном процессе / А. В. Смирнов ;. под общ. редк. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. – Текст : непосредственный // Юридическая истина в уголовном праве и процессе : материалы всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 16–17 марта 2018 г. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 9–23.

65. Строгович, М. С. Принципы советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – Текст : непосредственный // Советское право. – 1927. – № 1. – С. 92–111.

66. Хачароев, Х. Д. К вопросу о понятии и сущности правосудия / Х. Д. Хачароев. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2012. – № 4. – С. 57–60. – Библиогр.: с. 60 (11 назв.).

67. Шигуров, А. В. Проблема оценки компетенции переводчика в Российском уголовном процесс / А. В. Шигуров, Е. А. Лемайкина. – Текст : непосредственный // Новый Университет. Серия : экономика и право. – 2015. – № 4. – С. 99–101. – Библиогр.: с. 101 (11 назв.).

68. Щегловитов, С. О. значении начал устности и непосредственности / С. О. Щегловитов. – Текст : непосредственный // Журнал Гражданского и Уголовного права. – 1878. – № 8. – Кн. 8. – С. 103–144.

69. Щегловитов, И. Г. Основные начала современного уголовного судопроизводства (вступительная лекция, читанная в Императорском училище правоведения 10 сентября 1903 г.) / И. Г. Щегловитов. – Текст : непосредственный // Журнал Министерства юстиции. – 1903. – № 9. – С. 95–153.

Диссертации и авторефераты диссертаций

70. Алексеева, Л. Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общепризнанных принципов и норм международного права : специальность 12.00.09 : дис. ... д-ра юрид. наук / Алексеева Лидия Борисовна. – Москва, 2003. – 57 с.

71. Долгушин, А. В. Развитие процессуальных условий развития принципа состязательности : специальность 12.00.09 : автореф. дис … канд. юрид. наук / Долгушин Андрей Вениаминович. – Москва, 1995. – 176 с.

72. Калиновский, К. Б. Законность и типы уголовного процесса : специальность 12.00.09 : дис. ... канд. юрид. наук / Калиновский Константин Борисович. – Санкт-Петербург, 1999. – 208 с.

73. Лусегенова, З. С. Теоретико-правовые основы судебной власти в Российской Федерации : специальность 12.00.01 : дисс. … канд. юрид. наук / Лусенгенова Зинаида Сергеевна. – Ростов-на-Дону, 2000. – 181 с.

74. Печников, Г. А. Диалектические проблемы в уголовном процессе : специальность 12.00.09 : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук / Печников Геннадий Алексеевич. – Волгоград, 2005. – 50 с.

75. Хильдегард, П. А. Проведение судебной реформы Екатерины II на Среднем Урале: деятельность верхних и нижних расправ 1780–1790 гг. : специальность 07.00.02 : дис. ... канд. ист. наук / Плате Алисе Сибилле Мария Хильдегард. – Екатеринбург, 2019. – 286 с.

Иные справочные материалы

76. Баткин, Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. – Москва : Наука, 1978. – 545 с. – Текст : непосредственный.

77. Декларации прав человека и гражданина 1789. Французская Республика // Конституция и законодательные акты. – Москва : Юридическая литература, 1989. – 56 с. – Текст : непосредственный.

78. Конституция Соединенных Штатов Америки : перевод. – Москва : ТОО «Иван», 1993. – 32 с. – Текст : непосредственный.

79. Кузнецов, С. А. Современный толковый словарь русского языка. – Санкт-Петербург : Рипол-Норинт, 2008. – 959 с. – Текст : непосредственный.

80. Международные пакты о правах человека: сборник документов. – Санкт-Петербург : Россия–Нева, 1993. – 37 с. – Текст : непосредственный.

81. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / Под ред. О. А. Жидкова; пер. В. И. Лафитского. – Москва : Прогресс, 1993. – 159 с. – Текст : непосредственный.

82. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / Сост. Г. О. Винокур, проф. Б. А. Ларин, С. И. Ожегов [и др.]; под ред. проф. Д. Н. Ушакова. – Москва : Государственное. издательство иностранных и национальных словарей, 1947–1948.

83. Уголовное право Соединенных Штатов Америки / Сост., отв. ред.: И. Д. Козочкин // Сборник нормативных актов. – Москва : Издательство УДН, 1986. – 160 с. – Текст : непосредственный.

84. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики. – Riigi Teataja Kirjastus, 2004. – 184 с. – Текст : непосредственный.

Материалы судебной практики

85. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. – 2016. – № 5. – Текст : непосредственный.

86. По делу о проверке конституционности положений пункта третьего части первой статьи 24, пункта первого статьи 254 УПК РФ в связи с жалобой граждан В. Ю. Глазкова и В. Н. Степанова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 марта 2017 г. № 4-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 4. – Текст : непосредственный.

87. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 6. – Текст : непосредственный.

88. По делу о проверке конституционности статьи 6.1 УПК РФ в связи жалобой гражданина Б. А. Сотникова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 2019 г. № 23-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 6. – Текст : непосредственный.

ДЛЯ ЗАПИСЕЙ

Научное издание

Васильев Федор Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Монография

Редактор *Артамонов Р. Е.*
Компьютерная верстка *Артамонов Р. Е.*
Дизайн обложки *Шеряй А. Н.*

ISBN 978-5-91837-736-9

EDN KMIJWZ

Подписано в печать 20.03.2023 Формат $60\times84^{1}/_{16}$.
Печать цифровая. Объем 10 п. л. Тираж 100 экз. Заказ № 47/23

Отпечатано в Санкт-Петербургском университете МВД России
198026, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д.1